К. Ельницкий.

Характеристики девочек.

А 271/81

А 271
81

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

Характеристики дѣвочекъ.

Для посвятившихъ себя учительской или воспитательской дѣятельности и для подготовляющихся къ этой дѣятельности.

Предыдущія изданія рекомендованы Главн. Управ. воен. учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. С. Е. И. В. К.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», М. М. Гутзацъ. Шпалерная, 26.
1904.

№ 271
81

К. ЕЛЬНИЦКІЙ.

Характеристики дѣвочекъ

Для посвятившихъ себя учительской или воспитательской дѣятельности и для подготовляющихся къ этой дѣятельности.

Предыдущія изданія рекомендованы Главн. Управ. воен. учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. С. Е. И. В. К.

Изданіе третье.

Публич. и Румянц. Библіотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», М. М. Гутзацъ. Шпалерная, 26.
1904.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 2 Іюня 1904 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I.	Вѣра и Надежда Мирины	3
II.	Елена Нигина	13
III.	Лидія Веретьева	21
IV.	Анна Зинова	32
V.	Алина Лязгина	37
VI.	Серафима Тайтель	43
VII.	Вѣра Улина	49
VIII.	Олимпіада Гилякова	54
IX.	Елизавета Гордѣева	59
X.	Варвара Флерова	62
XI.	Надежда Лыжкова	66
XII.	Софія Сомина	71
XIII	Ирина Адаменко	74
XIV.	Анна Славина	78
XV.	Марфа Думпфъ	84
XVI.	Анна Сварова	86
XVII.	Зинаида Видина	93
XVIII.	Варвара Лабина	99
XIX.	Агафья Терхина	104
XX.	Агнія Хлавина	110
XXI.	Елена Валькова	114

Стран.

XXII. Серафима Макина 118
XXIII. Марія Конова. 123
XXIV. Клавдія Мичнина 126
XXV. Ольга Млинская 129
XXVI. Глафира Гнѣдова 132
XXVII. Таисія Лицкая 139
XXVIII. Ксенія Шлякова 143
XXIX Евдокія Санкова. 147
XXX. Агнія Вольская 152
XXXI. Надежда Варская. 158
XXXII. Евгенія Ташкова. 161
XXXIII. Марфа Синягина 164
XXXIV. Фатима Шенбекова 168

Два выпуска перваго изданія „Характеристикъ дѣвочекъ“ вошли въ составъ одной книжки настоящаго, третьяго, изданія. Въ этомъ, третьемъ изданіи сдѣлано нѣсколько иное размѣщеніе характеристикъ, исправлены нѣкоторые недосмотры, вкравшіеся въ первомъ изданіи, и прибавлены три новыя характеристики.

Приведу здѣсь сказанное въ предисловіи къ 1-му изданію „Характеристикъ“:

Характеристики служатъ экземплярами того многоразличія индивидуальныхъ особенностей, которое замѣчается въ массѣ учащихся дѣвочекъ. Каждая изъ характеристикъ представляетъ отдѣльный очеркъ, не имѣющій связи съ другими очерками.

Для характеристикъ взятъ тотъ возрастъ, въ которомъ учащіяся дѣвочки бываютъ въ четырехъ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, т. е. отъ 9 до 15 лѣтъ.

Имена, приводимыя въ характеристикахъ, вымышлены: я не зналъ ни одной ученицы, которая называлась бы или Надеждой Мириной, или Лидіей Веретьевой, или Вѣрой Улиной, или другимъ именемъ, приводимымъ въ характеристикахъ. Самыя же характеристики выведены изъ дѣйствительности.

Представляя характеристики такими, какими онѣ сложились въ моей памяти изъ многолѣтней моей педагогической дѣятельности въ женскомъ учебномъ заведеніи, или какими онѣ записаны въ моей памятной книжкѣ, я удерживался отъ составленія какихъ-либо выводовъ изъ того или другого характера. Мнѣ казалось, что читатель самъ, если захочетъ, можетъ составить такіе или иные выводы. Я не нашелъ также умѣстнымъ излагать въ характеристикахъ тѣ педагогическія мѣры, которыя могли бы быть примѣнены при воспитаніи такого или иного характера.

Изданіе „Характеристикъ дѣвочекъ" вызвано слѣдующею мыслью:

Изученіе своихъ учениковъ или ученицъ необходимо для каждаго учителя и каждой учительницы. Чтеніе нѣсколькихъ характеристикъ можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ облегчить такое изученіе. Кромѣ того, чтеніе характеристикъ можетъ служить для ознакомленія лицъ, готовящихся къ педагогической дѣятельности, съ многоразличіемъ индивидуальныхъ особенностей учащихся; такое ознакомленіе не безполезно для педагогическаго образованія ихъ.

К. Е.

I.

Вѣра и Надежда Мирины.

(Параллельная характеристика).

Вѣра и Надежда Мирины—двѣнадцатилѣтнія дѣвочки, близнецы. Воспитывались онѣ при совершенно одинаковой обстановкѣ и при одинаковыхъ условіяхъ; но вслѣдствіе различія прирожденныхъ органическихъ и психическихъ свойствъ, характеры ихъ вышли далеко не одинаковые.

Еще на первомъ году жизни можно было замѣтить разницу между обѣими дѣвочками какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Вѣра родилась полной и розовенькой, Надя худощавой и смугленькой.

Послѣ девяти дней, дѣвочки спали уже на отдѣльныхъ кроваткахъ. Свѣтъ, падавшій съ боку, былъ причиной того, что обѣ онѣ начали косить глаза.

Спохватились родители и переставили Укровати. Вѣры косоглазіе прошло, у Нади же оно осталось и до сихъ поръ.

Когда имъ не было еще году, Вѣра, проголодавшись, кричала, но не плакала и какъ-будто сердилась, а Надя издавала жалобные звуки и обливалась слезами.

На второмъ году, дѣвочекъ стали забавлять, подбрасывая на рукахъ и напѣвая веселыя пѣсенки, при чемъ Вѣра все время шевелила ручками и ножками, выдѣлывала различныя па и взвизгивала отъ удовольствія; Надя же молча прислушивалась къ пѣнію, ласково заглядывала въ глаза кормилицѣ и иногда прихлопывала ручками, но далеко не такъ живо, какъ Вѣра.

На 15-мъ мѣсяцѣ, дѣвочекъ начали отучать отъ груди; и это подѣйствовало на нихъ различно. Когда Вѣра услышала за дверью голосъ своей кормилицы, которой не видала нѣсколько дней, она замѣтно обрадовалась и начала ее искать глазами. Но минутъ черезъ 15 дѣвочка забыла про кормилицу и занялась другимъ. Надя же, услыхавъ голосъ своей кормилицы и прождавъ ее напрасно, горько заплакала и до самаго вечера волновалась.

На третьемъ году, изъ Вѣры вышла полненькая, розовенькая и веселенькая дѣвочка. Цѣлый день она пѣла, смѣялась, рѣзвилась, была въ постоянномъ движеніи. Крѣпкая, гибкая, ловкая, она проворно бѣгала даже по лѣстницѣ. Падая, она, обыкновенно, смѣялась, но не плакала, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда больн ушибалась. Въ томъ же возрастѣ Надя была гораздо тоще, блѣднѣе сестры; она не очень любила рѣзвиться, мало бѣгала; на лѣстницу поднималась не иначе, какъ на четвереньках, спускалась съ лѣстницы сидя.

Вѣра предпочитала такія игры, гдѣ было больше движенія; Надя, наоборотъ, любила такія игры, при которыхъ можно было оставаться неподвижной.

Вѣра не особенно дорожила своими игрушками и куклами, и охотно оставляла ихъ, чтобы побѣгать.

Надя же, напротивъ, по цѣлымъ часамъ смирно сидѣла, перебирая ихъ и разговаривая съ ними.

Если дѣвочки принимались тянуть къ себѣ одну и ту же игрушку, Вѣра, обыкновенно, краснѣла и сердилась, а Надя начинала плакать. Тогда Вѣра сейчасъ же бросала все и убѣгала искать другихъ развлеченій. Иногда, въ спорѣ, Надя била сестру, горячилась и при всякомъ случаѣ старалась настоять на своемъ.

Когда онѣ капризничали, Надю можно было легко уговорить, успокоить; Вѣра же не поддавалась никакимъ увѣщаніямъ: какъ только закапризничаетъ, ляжетъ на полъ, начнетъ колотить по немъ руками и ногами, кричать.

На четвертомъ году дѣвочки, не имѣя другихъ подругъ, стали чаще играть между собой. При этомъ начала обнаруживаться хитрость Вѣры, желавшей посредствомъ игры эксплоатировать сестру. Она очень любила лакомства и готова была на все, лишь бы получить побольше гостинцевъ. Послѣ обѣда дѣвочкамъ, обыкновенно, давали чего-нибудь сладкаго. Надя, считая себя «мамой» своихъ куколъ, которыхъ она называла «дитьками», сейчасъ же отправлялась дѣлить между ними полученныя лакомства, Вѣра шла за нею и говорила: «И я буду дитей»! Надя, не подозрѣвая хитрости сестры, брала ее за руку, укладывала, какъ куклу, въ постель и клала ей въ ротъ леденчикъ или что-нибудь другое. Съѣвъ его, она принималась пищать и дѣтскимъ лепетомъ просила еще покормить. Надя снова клала ей въ ротъ леденецъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не съѣдалось все. Затѣмъ, когда ужъ Надѣ нечего было больше дать, Вѣра

поднималась съ постели и уходила, говоря: «Я не хочу, чтобы ты была моей мамой. Какая ты мама, когда такъ мало дитькѣ даешь конфетъ?» Такимъ образомъ, Вѣра каждый день проводила свою сестру. Наконецъ, та догадалась, что ее обманываютъ и стала уже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться къ сестрѣ, такъ что впослѣдствіи, когда бывало Вѣра предложитъ ей поиграть въ куклы и возьметъ на себя роль ребенка, Надя отвѣтитъ ей на это: «Тебѣ, вѣрно, хочется конфетку?»

На шестомъ и даже еще на пятомъ году, Надя проявляла уже необыкновенную обдуманность во всѣхъ своихъ поступкахъ, вслѣдствіе чего, она стала какъ-то менторски относиться къ своей сестрѣ, давала ей наставленія, останавливала отъ шалостей и иногда даже называла дурой. Вѣра никогда не обижалась этимъ, а вприпрыжку убѣгала куда-нибудь на минуту, опять возвращалась и, присосѣдившись къ сестрѣ, начинала играть. Лѣтъ въ шесть изъ Вѣры вышла стройненькая, полная, красивая дѣвочка, съ гибкой тальей и граціозными движеніями. Надя же, напротивъ, осталась худощавой смуглянкой, съ угловатыми манерами, ростомъ выше сестры.

За свою наружность и веселость Вѣра пользовалась бо́льшимъ расположеніемъ окружающихъ, чѣмъ Надя; но послѣдняя не только не завидовала сестрѣ, даже нерѣдко выказывала особенную заботливость о ней. Если дома ждали, наприм., гостей или собирались сами въ гости, она осматривала костюмъ сестры—прилично ли она одѣта. Получивъ подарокъ, она дѣлилась съ сестрой и никогда не выказывала зависти, если той дарили что-нибудь, а ей нѣтъ. Вѣра же краснѣла и дулась, если случалось наоборотъ.

Будучи еще пяти-шести-лѣтнимъ ребенкомъ. Надя выказывала уже замѣчательную глубину чувства. Довольно было одного слова о постигшемъ кого-нибудь несчастіи, чтобы глаза ея наполнились слезами сострадания. Вѣра же, напротивъ, какъ-то легкомысленно относилась ко всему. Во время болѣзни матери или кого-либо изъ женской прислуги, Надя не отходитъ отъ больной, стараясь быть ей чѣмъ-нибудь полезной; Вѣра же, обыкновенно, прибѣжитъ на минуту, поцѣлуетъ больную и убѣжитъ. Когда заболѣвала Надя и мать поручала ей надзоръ за нею, Вѣра посидитъ около четверти часа и потомъ начнетъ упрекать сестру, что вотъ по ея милости она должна сидѣть, какъ прикованная, къ одному мѣсту. Кончалось тѣмъ, что больная разсердится и прогонитъ ее, а если мать спроситъ Вѣру, почему она ушла, то отвѣтитъ: «Надя прогнала, вѣрно спать захотѣла».

Послѣ смерти няни, ходившей года четыре за обѣими дѣвочками и умершей у нихъ въ домѣ, Надя долго тосковала по ней, припоминала разсказы старушки, ея поговорки. У Вѣры же незамѣтно было особенной тоски. Если она и вспоминала о нянѣ, то только въ исключительныхъ случаяхъ, когда отсутствіе покойной оказывалось незамѣнимымъ.

На седьмомъ году, мать сама начала учить обѣихъ дѣвочекъ. Благодаря ихъ природнымъ способностямъ и довольно толковой системѣ обученія, онѣ дѣлали хорошіе успѣхи. Но при этомъ замѣтно было, что Вѣра беретъ большею частью памятью, Надя же разсудкомъ. Первая предпочитала выучить поскорѣе наизусть урокъ, чѣмъ потрудиться вникнуть въ его содержаніе, особенно, если онъ былъ не вполнѣ понятенъ;

вторая же, наоборотъ, затвердитъ урокъ только тогда, когда доберется до смысла его.

На одиннадцатомъ году, обѣ дѣвочки хорошо выдержали экзаменъ въ первый классъ гимназіи. При вступительномъ экзаменѣ Вѣра была довольно разсѣянна; новая обстановка невольно развлекала ее. Надя же была еще болѣе сосредоточена, чѣмъ обыкновенно, и не выказывала ни малѣйшей разсѣянности.

Обѣ дѣвочки и учатся хорошо и получаютъ часто похвалы за успѣхи.

Послѣ перваго учебнаго семестра Надя одна удостоилась похвальнаго отзыва, что очень ее обрадовало, хотя она и скрывала это, и только матери сообщила о своей радости.

Горничная, услыхавъ о томъ, что Надя отличилась, спросила Вѣру: «А вы то, барышня, что же? Вѣрно, не заслужили похвальнаго листа?» Вѣра вся вспыхнула и отвѣчала: «Ты ничего не понимаешь! и меня похвалили бы, если-бъ не тройка за домашнюю работу»!— «Да ужъ видно, нельзя было вамъ дать листа-то, коли не дали».—«Да, не дали сегодня, а черезъ 2 мѣсяца дадутъ, а Надѣ, можетъ быть, и не дадутъ»! И дѣйствительно: черезъ 2 мѣсяца Вѣра получила похвальный листъ за успѣхи, а Надя нѣтъ. Войдя съ сіяющимъ лицомъ къ матери, Вѣра подала ей свой листъ и торжественно произнесла: «Я сказала, что получу похвалу, и получила! Вотъ, не угодно ли тебѣ посмотрѣть»? Радость свою она проявляла прыжками и смѣхомъ въ продолженіи цѣлаго дня.

Надя отнеслась покорно къ своей неудачѣ; она не плакала, не роптала, только какъ-будто сторонилась отъ всѣхъ, точно боясь, что ее станутъ упрекать.

Въ гимназіи, какъ и дома, Вѣра подвижна и рѣзва: Надя же степенна и тиха. Во время урока, Вѣра отвѣчаетъ быстро, Надя медленно. Но зато отвѣты первой не такъ обдуманны, не такъ разумны, какъ отвѣты второй. Грамматическіе и другого рода примѣры, приводимые Вѣрой, не отличаются такою полнотой и такою содержательностью, какъ примѣры Нади.

Обѣ дѣвочки живутъ съ подругами дружно. Вѣра ужасно скоро сближается съ кѣмъ бы то ни было. Она готова съ перваго же знакомства цѣловать и обнимать всякаго, кто только приласкаетъ ее или понравится ей. Надя же долго всматривается въ человѣка, прежде чѣмъ выкажетъ къ нему довѣріе. Но зато первая далеко не въ состояніи такъ сильно привязываться, какъ вторая.

Къ выговорамъ матери или кого-нибудь изъ старшихъ Надя очень чувствительна. Малѣйшее замѣчаніе сейчасъ же вызоветъ въ ней смущеніе; она покраснѣетъ, опуститъ глаза, причемъ иногда даже не выдержитъ и заплачетъ. Вѣра, напротивъ, какъ-то легко относится къ этому. Ежели мать сдѣлаетъ ей выговоръ, она выслушаетъ его очень равнодушно, начнетъ что-нибудь болтать и, по обыкновенію, выскочитъ вприпрыжку изъ комнаты.

Однажды обѣ дѣвочки должны были участвовать въ дѣтскомъ спектаклѣ. Готовя свою роль, Надя не выказывала никакого волненія, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, она сильно волновалась. Вѣра только и толковала о своей роли, всѣмъ говорила, что она ужасно труситъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, она далеко не въ такой мѣрѣ тревожилась, какъ ея сестра. Надя сыграла свою роль очень хорошо: видно было,

что она обстоятельно ее обдумала и усвоила. Вѣра же сыграла несравненно хуже, къ чему, какъ кажется, она относилась совершенно равнодушно.

На другой день послѣ спектакля, Надя все еще была въ волненіи, все еще находилась подъ вліяніемъ испытанныхъ ею впечатлѣній; Вѣра же какъ будто и забыла о спектаклѣ.

Надя во всемъ положительна и серьезна, а Вѣра наоборотъ, разсѣянна и легкомысленна. Если Надя возьмется за что-нибудь, то дѣлаетъ хоть не очень скоро, но послѣдовательно и всегда доведетъ начатое до конца. Вѣра же какъ-то быстро переходитъ отъ одного къ другому. Сядетъ она, напр., читать; не пройдетъ и десяти минутъ, какъ она уже очутится около матери и старается въ чемъ-нибудь ей помочь. Повертѣвшись тутъ, она тотчасъ садится за рояль, поиграетъ немного и закроетъ его, подъ предлогомъ, что руки устали или что труденъ урокъ.

Надя больше всего любитъ тихія умственныя занятія; она много читаетъ одна, но любитъ также, чтобы ей читали вслухъ, разсматриваетъ картинки, а иногда сидитъ безъ всякаго дѣла и мечтаетъ, причемъ глаза ея, обыкновенно, устремлены куда-то вдаль. Вѣра же, напротивъ, предпочитаетъ болѣе шумныя развлеченія. Шалить, бѣгать и рѣзвиться съ ровесницами, ѣздить въ гости, на дѣтскіе вечера, въ театръ или просто по магазинамъ, за покупками, составляетъ для нея потребность.

Надя не придаетъ особеннаго значенія нарядамъ, хотя вообще одѣвается опрятно. Вѣра же приходитъ въ неописанный восторгъ отъ всякой красивой бездѣлушки, по части нарядовъ. Если мать заговоритъ о томъ, что надо сшить дѣвочкамъ новое платье, Вѣра только и бредитъ будущей обновкой. Нерѣдко, даже

не въ праздничные дни, она обвѣшаетъ свою шею бусами и кораллами, на руки надѣнетъ браслеты, приколетъ къ лифу платья цвѣты или бантикъ и, разряженная, ходитъ такъ весь день.

Вѣра большая лакомка; Надя же не особенно любитъ сласти. Деньги, ежемѣсячно получаемыя отъ матери на свои мелкія нужды, Вѣра, обыкновенно, тратитъ на лакомства. Если у нея заведутся лишнія деньжонки, она не можетъ выдержать, чтобы не отправиться въ лавочку и не купить себѣ леденцовъ, или орѣховъ, или фруктовъ. Надя же рѣдко, рѣдко когда израсходуетъ нѣсколько копеекъ на лакомства. Она употребляетъ свои деньги на покупку себѣ болѣе полезныхъ вещей, какъ-то: книгъ, хорошенькихъ тетрадокъ, перьевъ, карандашей и проч. Очень часто она отдаетъ половину своихъ денегъ бѣднымъ.

Иногда случается, что Надя упрекаетъ сестру въ слабости къ лакомствамъ; та только засмѣется и отвѣтитъ: «Тебѣ хорошо толковать, ты не любишь ни пряниковъ, ни орѣховъ, ни леденцовъ, а я такъ смерть какъ люблю ихъ, особенно если давно не ѣла». Однажды нужно было помочь бѣдной старушкѣ; мать предложила обѣимъ сестрамъ, чтобы онѣ пожертвовали что-нибудь изъ своихъ денегъ. Надя тотчасъ же вынула изъ кошелька, что у нея было, а Вѣра долго колебалась: отдать деньги бѣдной, значитъ, лишиться возможности купить себѣ на нихъ лакомства. Надя убѣждала ее не скупиться. «Вѣдь, ты непремѣнно истратишь ихъ на прихоти, говорила дѣвочка, такъ не лучше ли помочь старушкѣ. Я знаю, что тебѣ самой жаль ее».—«Жаль», отвѣтила Вѣра.—«Ну такъ помоги. Какъ она рада будетъ; подумай! Представь себѣ, что

ты ужъ купила на эти деньги конфетъ и съѣла ихъ». —«Да!.. тебѣ легко говорить. А я вотъ не покупала конфетъ и не ѣла ихъ».

Рѣзко бросается въ глаза различіе въ характерѣ дѣвочекъ, когда онѣ сидятъ въ семьѣ за обѣдомъ или за вечернимъ чаемъ. Вѣра постоянно смѣется, остритъ, во всемъ находитъ смѣшную сторону и, болтая, быстро переходитъ отъ одного предмета къ другому. Она, нисколько не стѣсняясь, или ворчитъ, когда ей какое-нибудь блюдо не понравится, или радуется и громко хвалитъ то блюдо, которое придется ей по вкусу. Надя же всегда ведетъ себя сдержанно; большею частью молчитъ за столомъ или только отвѣчаетъ на предлагаемые ей вопросы. Если ей какое кушанье не понравится, она только чуть замѣтно наморщитъ лобъ, сдвинетъ брови, но ничего не скажетъ.

Не менѣе мѣтко обрисовывается различіе въ характерѣ обѣихъ сестеръ въ разговорахъ, которые онѣ ведутъ по вечерамъ между собой, лежа уже въ постели. Если разговоръ коснется прошедшаго дня, Вѣра, обыкновенно, припоминаетъ только веселое, забавное, и варьируетъ на эту тему. Надя же относится ко всему случившемуся критически, вдается въ разсужденія и нерѣдко упрекаетъ сестру въ легкомысліи, послѣ чего дѣло иногда доходитъ до ссоры. Если рѣчь коснется завтрашняго дня, Вѣра начнетъ строить планы, какъ бы провести его весело. Иной разъ она до того зафантазируется, что придумаетъ самыя несбыточныя развлеченія и воображаетъ, что все это исполнится непремѣнно. Надя же никогда не выходитъ изъ предѣловъ благоразумія, и если затѣетъ что-нибудь, то всегда дѣльное, хорошее.

II.

Елена Нигина.

Маленькая, полненькая, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, Елена Нигина, невольно привлекаетъ къ себѣ общую симпатію своимъ веселымъ, пріятнымъ, съ ямочками на щекахъ, личикомъ, озареннымъ парою добрыхъ карихъ глазъ.

Нигина — дочь небогатаго чиновника. Впрочемъ, родители ея люди довольно развитые; они выписываютъ даже газеты и журналы.

При наблюденіи душевныхъ качествъ Нигиной невольно припоминаешь пословицу: «глаза и лицо — зеркало души». И дѣйствительно, душа ея именно такая, какою она отражается въ ея веселомъ лицѣ и особенно въ ея добрыхъ глазахъ.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе доброта Нигиной. Она готова помочь всякому. Чужое горе, особенно, горе подруги, она близко принимаетъ къ сердцу. Замѣтивъ, что какая-нибудь подруга затрудняется въ рѣшеніи задачи или въ приготовленіи урока, она не успокоится до тѣхъ поръ, пока не поможетъ ей, а если сама не можетъ помочь ей, то начнетъ упрашивать объ этомъ другихъ. Нужно только удивляться, какъ Нигина не устаетъ, удовлетворяя просьбамъ подругъ. Съ самаго утра, до окончанія уроковъ, постоянно только и слышишь: «Нигина,

отмѣть у меня въ книгѣ, что нужно выучить». — «Разскажи мнѣ вотъ этотъ кусочекъ урока».—Покажи, какъ рѣшать задачу».—«Посмотри, вѣрно ли я перевела съ французскаго» и т. д., и т. д. И Нигина никогда никому не откажетъ. Одинъ разъ только она вышла изъ терпѣнія по слѣдующему случаю: подходитъ къ ней одноклассница Л. и проситъ тетрадь съ ариѳметическими задачами. Нигина дала. Черезъ нѣсколько минутъ, Л. опять является и проситъ объяснить задачу. Нигина объяснила толково, ясно. Минуты черезъ двѣ, Л. снова является за какимъ-то разъясненіемъ. Нигина разъяснила, но при этомъ замѣтила, что до прихода учительницы ей самой нужно переписать переводъ. Л. не поняла намека и продолжала ежеминутно обращаться къ Нигиной съ какимъ-нибудь новымъ вопросомъ. Та отвѣчала все лаконичнѣе и лаконичнѣе, наконецъ, не вытерпѣла и вскрикнула: «Что это Л., сама ничего не дѣлаешь, а только мнѣ мѣшаешь! Вѣдь, ты видишь, что я пишу! объясняю, объясняю тебѣ, и все-таки ничего не выходитъ! Если у меня не вѣрно, то рѣшай сама задачу, а моей тетради больше не дождешься»! При этомъ она положила свою тетрадь съ задачами на столъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, Нигина попрежнему стала разъяснять Л. рѣшеніе задачи и отвѣчать на всѣ ея вопросы.

При такой добротѣ, Нигина отличается также и привѣтливостью. Если войдетъ въ классъ какая-нибудь изъ ученицъ старшаго класса или надзирательница, Нигина всегда ласково привѣтствуетъ вошедшую и, подвинувшись, попроситъ ее сѣсть. Встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь въ корридорѣ, она привѣтливо поклонится. Если случится, что лицо, которому она покло-

нилась, не замѣтитъ ея поклона, она не обидится и не станетъ, подобно другимъ ученицамъ, ворчать: «не стоитъ въ другой разъ и кланяться»; или: «еслибъ знала, то не поклонилась бы». Она навѣрное повторитъ свое привѣтствіе и только иногда скажетъ: «А я вамъ кланялась, да вы меня не замѣтили».

Съ своими одноклассницами Нигина въ хорошихъ отношеніяхъ, всѣ ее любятъ. Но особенно она дружна съ Зориной. Эта дружба такая, что обѣ дѣвочки готовы одна за другую хоть въ огонь и въ воду. Привязанность Нигиной къ своей подругѣ особенно проявилась при слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Классъ, въ которомъ учились Нигина и Зорина, вслѣдствіе многолюдности, раздѣлили на два параллельныя отдѣленія, причемъ Нигину зачислили въ одно отдѣленіе, а Зорину — въ другое. Такимъ образомъ, Орестъ и Пиладъ были разлучены. Горю Нигиной, казалось, не было границъ. Положивъ голову на руки, она навзрыдъ плакала. Классная надзирательница старалась ее утѣшить, но напрасно. На другой день, Нигина все продолжала тосковать. «Вы бы попросили начальницу, чтобы васъ помѣстили въ одно отдѣленіе съ Зориной»,—посовѣтовала ей классная надзирательница. Физіономія Нигиной нѣсколько прояснилась; въ сердцѣ дѣвочки блеснула надежда. Не долго думая, она вышла изъ класса и отправилась къ начальницѣ просить зачислить ее въ одно отдѣленіе съ Зориной. При этомъ она объяснила, что просидѣвъ вмѣстѣ съ нею два года, она скучаетъ теперь по ней. На просьбу дѣвочки начальница отвѣтила, что такъ какъ директоръ заведенія распредѣлялъ ученицъ по отдѣленіямъ, то и переводъ ученицъ изъ одного отдѣленія въ дру-

гое зависитъ только отъ него. Возвратилась бѣдная дѣвочка въ классъ и принялась горько плакать. Но вскорѣ новый лучъ надежды озарилъ ея лицо. Видно было, что она придумала такой подвигъ, который навѣрно приведетъ ее къ желанной цѣли. Несмотря на то, что всѣ вообще ученицы младшихъ классовъ со страхомъ смотрятъ на директора и ни за что не посмѣютъ войти въ его кабинетъ, Нигина рѣшилась попытать счастія. Но черезъ нѣсколько минутъ, бѣдняжка со слезами на глазахъ вышла изъ кабинета. На слѣдующій день, классная надзирательница спросила Нигину, что ей сказалъ директоръ. «Да только улыбнулся и отправилъ меня обратно въ классъ», отвѣтила дѣвочка. Изъ тона, которымъ Нигина передавала это, видно было, что она сильно огорчена безсердечностью директора. «Я, молъ, плачу, прошу, а онъ улыбается».

Недѣли черезъ двѣ послѣ разлуки, Нигина свыклась, мало по малу, съ необходимостью быть не въ одномъ отдѣленіи съ своей любимой подругой. Но дружба дѣвочекъ отъ этого не охладѣла. Какъ только начиналась послѣ урока перемѣна, обѣ онѣ выходили въ корридоръ и здѣсь не разставались до тѣхъ поръ, пока звонокъ не напоминалъ имъ, что время вернуться въ классъ. Кромѣ того, при всякомъ удобномъ случаѣ, онѣ старались повидаться и подѣлиться своими впечатлѣніями. Но и этого имъ казалось мало: онѣ часто посылали другъ другу записки, съ выраженіемъ нѣжныхъ чувствъ. Если у которой-нибудь изъ нихъ были лакомства, она припрятывала ихъ, чтобы угостить свою милую подругу.

Благодаря очень хорошимъ способностямъ и по-

стоянному прилежанію, Нигина отлично учится и считается одною изъ первыхъ ученицъ въ классѣ. Другія дѣвочки при отвѣтахъ не знаютъ, куда дѣвать руки, останавливаются, запинаются, осматриваются по сторонамъ,—Нигина же всегда совершенно свободно, съ увѣренностью встаетъ съ мѣста и отвѣчаетъ такъ бойко и правильно, что любо смотрѣть на нее и слушать.

Отличныя способности и успѣхи Нигиной, ея выдержанность и всегдашняя готовность помочь подругамъ привели къ тому, что она пріобрѣла значеніе авторитета въ своемъ классѣ. Что Нигина скажетъ, то уже не подлежитъ спору. Разъ учительница русскаго языка предложила для классной письменной работы просклонять слова. Послѣ урока, когда работы были унесены учительницей, ученицы тревожно спрашивали одна другую: «Ты просклоняла во множественномъ числѣ»?—«А ты»? Онѣ не знали навѣрное, склоняются во множественномъ числѣ заданныя имъ слова, или нѣтъ, вслѣдствіе чего, однѣ склоняли во множественномъ числѣ, а другія—только въ единственномъ. Спросили гимназистку старшаго класса. Та отвѣтила, что заданныя имъ слова имѣютъ множественное число Ученицы, непросклонявшія въ этомъ числѣ, опечалились. Вошла въ классъ Нигина. «А ты, Нигина, просклоняла во множественномъ числѣ»? спросили ее опечаленныя подруги. «Нѣтъ, не склоняла», отвѣтила та. «Ну, если Нигина не склоняла, значитъ, и не нужно», сказали ученицы и успокоились.

Такое отношеніе подругъ не могло не вызвать у Нигиной сознанія своей силы, своего превосходства надъ другими. Это сознаніе выражается даже въ нѣ-

сколько горделивой осанкѣ, которую она принимаетъ, когда ходитъ или сидитъ. Голова ея почти всегда нѣсколько приподнята и откинута назадъ.

Однажды ученицы 2-го класса, гдѣ учится Нигина, затѣяли образовать изъ себя полкъ, для защиты отъ обидъ, причиняемыхъ имъ ученицами другихъ классовъ. Стали выбирать начальство. Одну назначили поручикомъ, другую—капитаномъ, третью – маіоромъ и т. д. Дошла очередь до выбора генерала, командира полка. Нѣкоторыя ученицы предложили въ это званіе ученицу Р. – «Ну, какой же она генералъ?! Вотъ нашли генерала!» – возразила Нигина. Ученицы согласились и выбрали генераломъ Нигину. Та приняла избраніе, какъ должное и, конечно, не сказала: «какой же я генералъ»?—Полкъ для защиты отъ обидъ просуществовалъ нѣсколько дней и, затѣмъ, самъ собой распался, главнымъ образомъ, отъ того, что генерала отвлекали другія дѣла.

Если случается Нигиной исполнить работу или отвѣтить не вполнѣ хорошо, то это причиняетъ ей на продолжительное время душевную муку. Однажды, напр. вызвалъ ее законоучитель и она не совсѣмъ удовлетворительно отвѣтила на одинъ вопросъ. Тотъ поставилъ ей какой-то значокъ. Нужно было видѣть ея волненіе! Въ другой разъ учитель ариѳметики поставилъ ей въ тетради 3 балла за письменную работу Классная надзирательница захотѣла взглянуть, какой баллъ она получила и потребовала тетрадь. Нигина вся вспыхнула и стала упрашивать: «Пожалуйста, не смотрите, пожалуйста, не смотрите!».

Если Нигина получаетъ высшій баллъ, она не безъ удовольствія заявляетъ объ этомъ. Однажды надзира-

тельница сказала: «Вамъ, Нигина, поставлено 5+ изъ русскаго языка».—«У меня уже девять пятерокъ съ плюсомъ»! самодовольно замѣтила Нигина.

При сознаніи своего превосходства и при извѣстной долѣ самолюбія, Нигина не предъявляетъ ни зависти, ни недоброжелательства къ другимъ. Эти чувства ей незнакомы. Какіе бы высокіе баллы не получали ея одноклассницы, какъ бы хорошо не отвѣчали онѣ, никогда лицо Нигиной не выразитъ чувства неудовольствія. Она, напротивъ, болѣе радуется успѣху, чѣмъ неудачамъ подругъ. Она, какъ уже сказано выше, неутомимо помогаетъ подругамъ, чтобы поднять ихъ баллы.

Насмѣхаться надъ подругами или надъ кѣмъ бы то ни было тоже не въ характерѣ Нигиной. Она этого никогда себѣ не позволитъ.

Нигина отличается большой наблюдательностью. Ничто не ускользнетъ отъ ея вниманія. Сдѣлаетъ ли кто при письмѣ на доскѣ ошибку, или прочитаетъ по книгѣ невѣрно, она сейчасъ замѣтитъ; точно такъ же бросаются ей въ глаза странность манеръ, выговора или вообще какая-нибудь внѣшняя особенность въ постороннихъ лицахъ.

Наблюдая надъ окружающими явленіями, она много думаетъ объ нихъ, дѣлаетъ часто слишкомъ поспѣшныя заключенія, а иногда даже неправильные выводы. Одна, напр., ея подруга была близорука и имѣла узенькіе глаза, которые она притомъ щурила. Другая же имѣла большіе глаза и отличалась дальнозоркостью. Изъ этого Нигина и вывела заключеніе, которое такъ передавала знакомой гимназисткѣ старшаго класса: « Не правда ли, Машенька: у кого узенькіе глаза, тотъ

близорукъ, а у кого большіе глаза, тотъ видитъ далеко?..».

Нигина любитъ читать и читаетъ много. На вопросъ надзирательницы: «какія вы книги читаете»?— она отвѣчала: «интересныя путешествія и вообще интересные разсказы»,—причемъ съ особеннымъ удареніемъ проговорила слово «интересные».

Въ гимназіи Нигина ведетъ себя всегда сдержанно; не было случая, чтобы она капризничала. Но дома она иногда позволяетъ себѣ покапризничать. Капризы ея выказываются, бо́льшею частью, по поводу какого-нибудь неисполненнаго желанія: то платье нехорошо сидитъ, то чулки приходится надѣвать грязные, то не во-время подаютъ завтракъ или обѣдъ и т. п. Дома ее чуть не на рукахъ носятъ. Понятно, почемужъ иногда и не покапризничать, коли этимъ способомъ можно добиться, чего хочешь.

Хотя капризы Нигиной почти всегда ей сходятъ съ рукъ, однако, нужно замѣтить, что ея родители очень внимательно относятся къ ея воспитанію. Своими добрыми качествами Нигина обязана какъ природнымъ, добрымъ задаткамъ, такъ и воспитательному вліянію своей семьи.

III.

Лидія Веретьева.

Веретьева—дѣвочка 12 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нея здоровый, походка скорая, говоритъ она живо и быстро.

Она очень подвижна и не можетъ долго останавливать свое вниманіе, сосредоточиваться на одномъ предметѣ. Во время урока, она сначала слушаетъ внимательно, но вскорѣ развлекается, начинаетъ думать о другомъ и, несмотря на всѣ усилія, никакъ не можетъ сладить съ собой. Ежели урокъ ей покажется слишкомъ длиненъ, то она не выдержитъ: лишь только раздается звонокъ, вскочитъ съ мѣста и, прежде чѣмъ учитель или учительница успѣютъ выйти изъ класса, воскликнетъ: «Ахъ, какъ мнѣ надоѣло слушать! Вотъ тоска-то»!

Не имѣя силъ сосредоточиться на предметѣ классныхъ занятій, Веретьева не можетъ и минуты просидѣть спокойно, безпрестанно мѣняетъ положеніе тѣла: то оборачивается назадъ, то ёрзаетъ взадъ и впередъ по скамейкѣ, то болтаетъ ногами. Замѣтивъ, что на нее смотрятъ въ это время, она сконфуженно улыбнется и перестанетъ, а потомъ, немного погодя, опять примется за свою «гимнастику».—«Что это вы, Веретьева, не можете посидѣть спокойно?» спроситъ ее надзира-

тельница.—«Ахъ, да вѣдь, тоска!» («Тоска»—это любимое выраженіе Веретьевой).

Способности у дѣвочки хорошія; но, не обладая дисциплинированнымъ вниманіемъ, она не можетъ пользоваться своими способностями. Къ тому же дома у нея нѣтъ благопріятныхъ условій для сосредоточеннаго занятія уроками. Пока она жила въ пансіонѣ при гимназіи, она очилась лучше, потому что тамъ имѣла опредѣленное время и опредѣленное мѣсто для занятій и ничто не отвлекало ея отъ дѣла. Дома же ничего этого нѣтъ. Возвратившись изъ гимназіи, пообѣдавъ и отдохнувъ, только что она примется за уроки, какъ зовутъ гулять, или она ѣдетъ за покупками съ матерью, или провожаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ въ гости, или сама принимаетъ гостей. «Никто ничего не дѣлаетъ, что же я-то одна буду сидѣть за уроками?» — сказала она однажды.

Пропустивъ лучшее время для занятій, она поздно вечеромъ торопится приготовить кое-какъ уроки и является въ классъ, почти ничего не зная.

По своей неспособности долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, она перескакиваетъ отъ одного къ другому: начинаетъ писать грамматическій разборъ; надоѣло—принимается рѣшать ариѳметическую задачу; задача не выходитъ—бросается къ исторіи, и такъ далѣе. Кончается тѣмъ, что едва едва приготовитъ все заданное, и то съ грѣхомъ пополамъ.

При своей живости, при недостаткѣ терпѣнія, она все дѣлаетъ кое-какъ, только бы скорѣе кончить, хлопочетъ, суетится и потомъ бросаетъ, когда увидитъ, что это ни къ чему не ведетъ; иногда спохватится, что можно бы поступить иначе, спохватится, но уже

поздно, приходится только пожалѣть; но вслѣдъ за тѣмъ, начинается та же исторія.

Почти передъ каждымъ урокомъ Веретьева волнуется, суетится, иногда сама не знаетъ изъ- за чего; къ тому же она рѣдко бываетъ увѣрена въ своемъ знаніи. Вотъ, напр., наступаетъ урокъ исторіи. Учительница еще наканунѣ сказала, что на урокѣ будетъ письменная репетиція и что ученицы будутъ писать то, что задано къ уроку. Въ перемѣну, передъ урокомъ исторіи, Веретьева объявила, что она «ничего не знаетъ и поэтому ничего не напишетъ».— «Да что ты, Лида,—сказала ея подруга, сидѣвшая на одной съ нею скамейкѣ,—вѣдь, сама же ты повторила сейчасъ передо мной урокъ». Да вотъ я этотъ маленькій кусочекъ не знаю (она показала въ книгѣ нѣсколько строкъ). Эхъ, надо бы выучить вчера! Какъ же бы это переписать-то? А, вотъ!...» И, не долго думая, она вырываетъ листъ изъ книги.—«Я на урокѣ спишу съ него». Она начала примѣрять, какъ ловчѣе устроить дѣло. Положила листокъ на столъ, подъ тетрадь—нѣтъ, не ладно, замѣтятъ; положила въ столъ—тоже неудобно: придется часто открывать ящикъ; положила на окно (она сидитъ у окна)—оказывается, что темно, трудно прочесть. «Вотъ что, обратилась она къ ученицѣ, которая сидѣла впереди ее: ты возьми этотъ листочекъ и придержи его у стола линейкой».—«Да, вѣдь, видно будетъ!» засмѣялась та. Болѣе всего суетится Веретьева передъ началомъ уроковъ по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ она слабѣе. Съ мѣста она отвѣчаетъ урокъ еще довольно сносно; но какъ только учитель вызоветъ ее къ доскѣ—все перезабудетъ. Разъ, напр., было задано изъ ариѳметики о дѣленіи.

Веретьева готовилась къ этому уроку. Вызываютъ ее. Начинаетъ отвѣчать довольно бойко. Учитель вызвалъ ее къ доскѣ написать примѣры. Она вышла, написала примѣры, но ни объяснить ихъ, ни просто повторить того, что говорила раньше, она не могла. Потомъ на вопросъ надзирательницы: «Что же это вы не могли отвѣтить, вѣдь вы знали урокъ?»—она отвѣчала: «Да, но когда меня вызовутъ къ доскѣ, то у меня сейчасъ же все изъ головы вылетаетъ».

Изъ всѣхъ предметовъ Веретьева больше любитъ исторію и, сравнительно, лучше успѣваетъ изъ этого предмета. Но въ исторіи она любитъ только разсказы, а не любитъ заучивать годы и никогда не отыскиваетъ мѣстности историческаго событія на картѣ, находя, что это «ужасно скучно». «Изъ-за этого, говоритъ она, я и географію не люблю».

Не любитъ она также и математику и мало успѣваетъ по этому предмету. Неудачи свои она сваливаетъ на то, что «ничего не понимаетъ». Но собственно, не въ пониманіи тутъ дѣло, а въ томъ, что по своей живости, подвижности, она не можетъ съ успѣхомъ заняться математикой, которая требуетъ большой сосредоточенности мысли и значительнаго терпѣнія.

Не любитъ Веретьева также занятій, въ которыхъ постоянно повторяется одно и то же, безъ всякаго разнообразія. Такіе уроки вызываютъ въ ней скуку и на такихъ урокахъ она преимущественно неспокойна. «Отчего вы, Веретьева, не посидите спокойно во время урока русскаго языка?» спрашиваетъ надзирательница. «Да что, скука смертная! Вѣчно одно и то же. Вотъ хоть о томъ, какъ писать числительныя: пятнадцать да двадцать,—намъ твердятъ, Богъ знаетъ съ которыхъ

поръ. Просто, тоска!» И при этомъ она облокачивается на столъ, опускаетъ голову на руки и точно старается выразить, какая тоска ее сокрушаетъ отъ писанія числительныхъ.

Живая, впечатлительная Веретьева не терпитъ противорѣчій со стороны подругъ и живо поссорится съ ними; зато, чрезъ нѣсколько минутъ, забудетъ объ этомъ и опять заговоритъ съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало. На малѣйшее противорѣчіе или желаніе подруги, почему-либо не понравившееся ей, она всегда отвѣчаетъ такъ грубо, что можно подумать съ перваго раза, что у нея нестерпимый, заносчивый характеръ, а между тѣмъ, этого вовсе нѣтъ. Разсердить ее очень легко, но не надолго. Подруги, зная уже ея норовъ, мало обращаютъ вниманія на подобныя вспышки. Однажды ученица старшаго класса объясняла сосѣдкѣ Веретьевой что-то изъ русскаго языка. Веретьева, въ это время, линовала тетрадь. «Ты бы, Лида, теперь слушала, а линовала бы потомъ, замѣтила ей старшая воспитанница: вѣдь, тетрадь не сейчасъ нужна».— «Тебѣ» то что за дѣло, вспылила Веретьева,—линую я или нѣтъ? Я, вѣдь, тебѣ не мѣшаю и разсказывать тебя не просила». Спустя нѣсколько минутъ, Веретьева, какъ ни въ чемъ не бывало, снова дружески разговаривала съ подругой, на которую только что разсердилась. Въ другой разъ Веретьева, во время перемѣны, что-то писала. Чернила ея оказались слишкомъ густы. «Валя, Валя, налей мнѣ чернилъ!» крикнула она. Валя (подруга Веретьевой) была занята разговоромъ и не слыхала, чего она проситъ.» «А-а! тебѣ жалко? вспылила Веретьева: ну, и обнимайся съ своими чернилами! съ тобой и говорить-то не стоитъ!»—

Подруга, понявъ въ чемъ дѣло, тотчасъ налила Веретьевой чернилъ. «Ну пиши: я налила!—«Убирайся, съ тобой и связываться не стоитъ!» крикнула Веретьева и пересѣла писать на другой столъ. Окончивъ писать, она преспокойно отправилась въ залъ подъ руку съ тою же подругой, съ которой «не стоитъ и говорить».

Веретьева очень любопытна. Она охотно прислушивается ко всякимъ городскимъ новостямъ и интересуется всѣми мелочами въ школьной жизни. Не пришелъ, напр., учитель въ какой-нибудь классъ — она сейчасъ начнетъ разспрашивать: чѣмъ занимались на урокѣ? какая классная надзирательница сидѣла на свободномъ урокѣ? почему учитель не пришелъ? Услыхавъ, что ученицы старшаго класса изучаютъ «педагогику», она сейчасъ же стала приставать къ нимъ: какая эта наука педагогика? чему она учитъ? трудна она или нѣтъ? и т. д. Въ Веретьевой нерѣдко проявляются находчивость и остроуміе. Разъ ея сосѣдка положила на столъ тетрадь, на которой было маслянное пятно. Веретьева засмѣялась. «Чему ты смѣешься? Рада, что у меня тетрадь запачкана?»—«Вовсе нѣтъ! я празднику рада: у тебя уже масленица!» (масленица приближалась) отвѣчала шалунья.

Веретьева подчасъ очень мѣтко схватываетъ черты характера той или другой ученицы и высказываетъ это, впрочемъ, безъ всякой злобы. Такъ, напр., разъ она составила характеристику нѣкоторыхъ своихъ подругъ. Характеристика каждой воспитанницы состояла не болѣе, какъ изъ двухъ-трехъ строкъ, но тутъ-то именно и высказалась способность дѣвочки вѣрно подмѣчать привычки и наклонности другихъ.

Такъ, она написала: «Ж. часто ссорится со всѣми, а мирится только тогда, когда ей что-нибудь нужно; Р. любитъ обращать на себя вниманіе и всегда старается услуживать другимъ; про Л. было сказано только, что она на тетрадяхъ блины стряпаетъ; а про Г., что непосѣда и любитъ щеголять».

Воображеніе Веретьевой живо и очень дѣятельно. Часто одного слова достаточно, чтобы нарисовать передъ нею цѣлую картину, и она быстро переносится мыслію далеко отъ того мѣста, гдѣ находится.

Она очень любитъ чтеніе повѣстей, разсказовъ и путешествій. Но болѣе всего предпочитаетъ слушать чтеніе другихъ, только бы не самой читать. «Я дома рѣдко читаю сама, разсказывала она»: мнѣ всегда мама читаетъ, а я что-нибудь дѣлаю въ это время. Сама я даже не могу читать, -- развѣ ужъ когда очень интересная книга».

Если ее заинтересуетъ что-нибудь прослушанное или прочитанное (а книги часто производятъ на нее сильное впечатлѣніе), то она спѣшитъ подѣлиться этимъ съ другими; она не можетъ не говорить о томъ, что ее интересуетъ, увлекаетъ. Разъ она прочитала сказку Евгеніи Туръ: «Хрустальное сердце», гдѣ героемъ является человѣкъ, у котораго одна волшебница, желая доставить ему счастье и зная, что люди сильно страдаютъ иногда отъ избытка сердца, которое ноетъ и замираетъ при каждой утратѣ, вынула изъ груди его маленькое, трепетавшее сердечко и замѣнила его красивымъ хрустальнымъ сердцемъ. И выросъ человѣкъ съ холоднымъ сердцемъ въ груди—такимъ ровнымъ, спокойнымъ; дѣйствительно, онъ не зналъ никогда горя, но зато не зналъ и радостей. И вырабо-

тался изъ него безсердечный эгоистъ, который началъ, наконецъ, тяготиться не только всѣмъ окружающимъ, но и самимъ собою. Тяжела стала ему жизнь, сдѣлался онъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ и не воспользовался онъ тѣмъ счастьемъ, которое ему хотѣла доставить волшебница, вложивъ ему въ грудь холодное, хрустальное сердце, которое не можетъ страдать, и вынувъ у него сердце, которое ноетъ и замираетъ при каждой утратѣ.

Веретьева не увлекалась только одной волшебной обстановкой сказки, а какъ нельзя лучше поняла нравственный смыслъ ея. Возвращая книгу, она сказала: «Это, просто, прелесть, что такое!» На вопросъ одной изъ ея подругъ: «что это за сказка?»—она отвѣчала: «Да это и не сказка, а настоящая правда. Тутъ говорится о томъ, что тяжело на свѣтѣ жить тому, у кого нѣтъ сердца и кто думаетъ только о себѣ. Такой человѣкъ никого не любитъ, такъ зато и его никто не любитъ».

Она нерѣдко строитъ планы о будущемъ Планы эти смѣняются одинъ другимъ. То она мечтаетъ, что она будетъ чувствовать, когда поступитъ въ послѣдній старшій классъ; то мечтаетъ, какъ будетъ жить, когда сдѣлается учительницей и т. п. Передъ каникулами или праздниками она, обыкновенно, мечтаетъ, что вотъ сдѣлаетъ то и то, но праздники проходятъ и у ней ничего изъ предположеннаго не исполнено.

Чтобы Веретьева не дѣлала, у нея, благодаря ея подвижности и разсѣянности, рѣдко обходится безъ какихъ-либо приключеній. Такъ, напр., однажды, будучи дежурной по классу, Веретьева, въ началѣ четвертаго урока, пошла сказать сторожу, чтобы тотъ

заперъ бившуюся отъ вѣтра форточку, такъ какъ никто изъ ученицъ не могъ съ нею сладить. Въ это время въ передней стоялъ музыкантъ, дожидавшійся учителя танцевъ. Веретьева второпяхъ не разглядѣла, что въ передней нѣтъ сторожа, и остановившись въ дверяхъ класса, крикнула: «Сторожъ, заприте у насъ форточку!» Но мнимый сторожъ не пошевельнулся даже. «Сторожъ, да идите же скорѣе: у насъ, вѣдь, сейчасъ урокъ начнется!» кричитъ Веретьева. Тотъ все ни съ мѣста. Тогда Веретьева, удивленная неповиновеніемъ служителя, вбѣгаетъ въ переднюю, и тутъ только убѣждается, что передъ нею стоитъ вовсе не сторожъ; не говоря ни слова, она опрометью пускается бѣжатъ изъ передней. Въ это время, изъ учительской комнаты выходилъ одинъ изъ учителей. Веретьева со всѣхъ ногъ налетѣла на него... Сконфузившись окончательно отъ этого новаго приключенія, она убѣжала въ классъ, забывъ про форточку. Въ другой разъ, придя во время перемѣны въ переднюю, чтобы спросить, не принесли ли ей завтракъ, она, въ ожиданіи сторожа, вздумала, отъ нечего дѣлать, примѣрять калоши учителей; ну, и примѣрила, и только собралась пройтись по передней въ чьихъ-то калошахъ, какъ одна изъ бывшихъ тутъ же ея подругъ крикнула: «Оставь: идутъ!» Ужъ до калошь ли тутъ!... Веретьева забыла и объ нихъ и объ завтракѣ, стремглавъ кинулась бѣжать изъ передней на верхъ, а оттуда въ залъ. И всегда-то такъ: напроказитъ, сконфузится, убѣжитъ и забудетъ о дѣлѣ.

Къ своимъ учебнымъ принадлежностямъ она относится не совсѣмъ-то бережно: книги у нея большей частью растрепаны, переплеты изрѣзаны перочиннымъ ножомъ, обертки тетрадей перепачканы. Впрочемъ,

листы въ серединѣ тетредей бываютъ чисты. Она старается тщательно писать и разлиновывать бумагу. Если случится ей запачкать одну страницу, она, не долго думая, вырываетъ ее и потомъ, волей-неволей, переписываетъ съизнова; отъ этого тетради ея всегда такія тощія, а вшить новые листы она никогда не соберется, хотя и труситъ подавать учителю тетрадь, въ которой вдругъ оказывается не больше одного листа; она, то и дѣло, уничтожаетъ испорченныя тетради, обзаводится новыми и съ ними повторяетъ ту же исторію.

Относительно своего платья—она страшнѣйшая неряха; да при ея подвижности и нетерпѣливомъ характерѣ это очень понятно. Если у нея, напр., оторвется передникъ, она не тотчасъ его зашьетъ, а отложитъ это на неопредѣленное время, приколетъ оторванное мѣсто булавкой, о которую сама же безпрестанно и колется. Пришла она разъ въ классъ въ новомъ платьѣ и, зацѣпившись за столъ, оборвала сборки у передника; потомъ нечаянно за что-то зацѣпилась и оборвала бретели (помочи) на плечахъ; пошли въ ходъ булавки. Она въ этомъ видѣ явилась въ классъ и на другой день. «Что-же вы, Веретьева, не зашьете себѣ передникъ-то?» спрашиваетъ надзирательница. «Да я забыла вчера, сегодня зашью»,—отвѣчала дѣвочка. На третій день бретели передника оказались у нея приколотыми уже не булавкой, а шпилькой, однимъ концомъ который она проткнула поясъ передника, а другимъ—бретели. Послѣдовалъ новый выговоръ отъ дежурной дамы. «Сегодня непремѣнно зашью; булавки не было, я оттого и приколола шпилькой»,—отвѣтила Веретьева. На другой день она, дѣйствительно зашила

передникъ, но только очень торопилась и поэтому зашила его первыми попавшимися ей подъ-руку бѣлыми нитками. «Веретьева! да что же это вы бѣлыми нитками черный передникъ зашили?»—спросила дама. «Это приметано только»,—отвѣчала Веретьева. И такъ во всемъ и всегда она отличается неряшливостью и разсѣянностью, хотя, въ сущности дѣвочка хорошая.

VI.

Анна Зинова.

«Скорѣе каменную стѣну можно пальцемъ пробить, чѣмъ заставить Зинову сдѣлать то, чего она не хочетъ сдѣлать,—такъ характеризуютъ нѣкоторыя надзирательницы четырнадцатилѣтнюю дѣвочку Зинову. Дѣйствительно, упрямство—отличительная черта характера Зиновой. Если она заупрямится, то ничто не можетъ ее принудить сдѣлать то или другое. На угрозы и замѣчанія она или упорно молчитъ, или прямо говоритъ, что ни за что не исполнитъ требуемаго отъ нея.

Однажды классная надзирательница, видя, что всѣ ученицы заняты, только Зинова сидитъ сложа руки и отъ скуки зѣваетъ, подошла къ ней и сказала: «Вмѣсто того, чтобы зѣвать, вы бы, Зинова, занялись чѣмъ-нибудь».—«Нечѣмъ»,—отвѣтила Зинова.—«Вы приготовили урокъ изъ географіи?»—спросила надзирательница? Зинова молчитъ—«Если не знаете, я вамъ разскажу».—Опять молчитъ и улыбается.—«Или вы сами хотите разсказывать, а я васъ буду поправлять?»—Никакого отвѣта.—«Что же вы, Зинова, шутите со мной, что ли!»—Молчаніе.—«Разсказывайте!»—Опять ни слова. Сколько ни билась надзирательница, Зинова отдѣлывалась упорнымъ молчаніемъ. Начался урокъ географіи. Пришелъ учитель и вызвалъ Зинову изъ первыхъ. Та отвѣчала хорошо.

Въ другой разъ классная надзирательница, чтобы занять чѣмъ-нибудь Зинову, предложила ей переписать грамматически-правильно отрывокъ изъ книги. «Я не стану переписывать», возразила Зинова.—«Почему?» — Молчаніе.—«Вы должны исполнить, что я вамъ говорю!»—«Не исполню!»—«Не уйдете изъ класса до тѣхъ поръ, пока не перепишете!» —Кончились занятія, ученицы разошлись по домамъ, а Зинова сидитъ и не пишетъ. Вечеромъ отпустили ее съ тѣмъ, чтобы она дома исполнила заданную надзирательницей работу. На другой день потребовали отъ нея эту работу. Она отвѣтила, что не переписывала. Ей грозили за непослушаніе сбавкой балла за поведеніе и даже исключеніемъ изъ училища. На всѣ угрозы она или упорно молчала, или рѣзко отвѣчала: «Дѣлайте, что хотите, а писать не буду». Доложили объ этомъ попечительницѣ и начальнику заведенія. Тѣ стали уговаривать Зинову исполнить предложенную надзирательницей работу. Но на всѣ увѣщанія она или молчала, или отвѣчала: «Задайте, какую хотите, работу—я исполню; налагайте, какое хотите, наказаніе—я перенесу; но ни за что не буду переписывать то, что велѣла надзирательница».— «А другой отрывокъ перепишете?»—спросили ее.— «Перепишу, перепишу, въ десять разъ больше готова сдѣлать, только не по указанію надзирательницы». Бились, бились, но ни увѣщаніями, ни угрозами не могли сломить Зинову и кончили тѣмъ, что въ наказаніе продержали ее нѣкоторое время въ одиночномъ заключеніи и заставили списать втрое больше того, сколько предложила надзирательница. Зинова вынесла молча заключеніе и въ точности выполнила заданный ей трудъ.

Однажды Зинова отвѣчала урокъ изъ исторіи и отвѣчала хорошо; но когда преподаватель сдѣлалъ какую-то незначительную поправку въ ея отвѣтѣ, она вдругъ замолчала и на всѣ вопросы, на всѣ понужденія не промолвила ни слова, не промолвила даже и тогда, когда учитель поставилъ ей единицу. Когда потомъ помощница классной надзирательницы спросила Зинову, отчего она, видимо зная урокъ, такъ упорно молчала, та сказала: «Никогда не отвѣчу, если меня начнутъ перебивать».

Зинова хорошо поетъ и любитъ пѣть. Но иногда, среди урока пѣнія, ей вдругъ представится, что учитель къ ней болѣе требователенъ, чѣмъ къ другимъ, и она перестаетъ пѣть. Ни увѣщанія, ни просьбы, а тѣмъ болѣе, угрозы, не могутъ уже заставить ее пѣть не только въ этотъ урокъ, но даже иногда и въ слѣдующіе затѣмъ уроки, пока, наконецъ, она не забудетъ про мнимое притѣсненіе со стороны учителя.

Проявляя такое упрямство, Зинова не отличается, однако, силою воли или твердостью характера. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, именно, требуется то или другое, она далеко уступаетъ своимъ подругамъ.

Зинова не имѣетъ даже настолько силы воли, чтобы преодолѣть нѣкоторыя свои привычки и принудить себя исполнить то, что сама сознаетъ необходимымъ исполнить. Она, напр., убѣждена, что вредно поздно вставать, и все-таки никакъ не можетъ сладить съ собой, даже тогда, когда проснется рано.

Нужно замѣтить, что хотя Зинова и проявляетъ упрямство, но не относительно всѣхъ вообще лицъ. Исключенія, въ этомъ случаѣ, составляютъ помощница классной надзирательницы и нѣкоторые преподаватели.

Вообще можно сказать, что Зинова принадлежитъ къ числу такихъ личностей, которыми легко можетъ управлять и поведеніе которыхъ легко можетъ регулировать тотъ, кто возьмется за дѣло умѣючи. Подобныя личности напоминаютъ тѣхъ лошадей съ норовомъ, которыя совершенно послушны въ рукахъ одного кучера и съ которыми никакъ не можетъ справиться другой.

Если для того, чтобы успѣшно вести воспитаніе, необходимо изучить психическія особенности воспитываемыхъ, то для воспитательнаго вліянія на такихъ индивидуумовъ, какъ Зинова, тѣмъ болѣе необходимо изучить ихъ.

Кромѣ упрямства, выдающуюся особенность характера Зиновой составляетъ желаніе властвовать, управлять другими. Къ подругамъ, которыя не желаютъ подчиняться ей и признавать ея авторитетъ, она относится очень недружелюбно. Поэтому она, обыкновенно, выбираетъ въ подруги дѣвочку тихую, съ кроткимъ, уступчивымъ характеромъ, словомъ, такую, которую могла бы совершенно подчинить себѣ. Но лишь только замѣтитъ, что та начинаетъ ей противорѣчить, не подчиняется ей безусловно, она прекращаетъ съ ней дружбу. Такъ, однажды, Зинова подружилась съ одноклассницей Л. скромной, податливой дѣвочкой, и, что называется, забрала ее въ свои руки. Она заставляла ее исполнять все, что ей вздумается. Сядетъ, напр., за работу, а подругѣ велитъ читать вслухъ, хотя бы той и некогда было. Спустя нѣсколько времени послѣ начала дружбы, Л. стала тяготиться требовательностью Зиновой и стала ей противорѣчить. Тогда Зинова разсорилась съ нею и тѣмъ положила конецъ дружбѣ.

Одноклассницы не долюбливаютъ Зинову и называютъ ее «эгоисткой». Дѣйствительно, это слово вѣрно ее характеризуетъ. Она любитъ принимать услуги, но никогда не оказываетъ ихъ другимъ. Если, напр., которая-нибудь изъ слабыхъ ученицъ попроситъ ее показать, какъ рѣшить заданную ариѳметическую задачу, она непремѣнно откажется, подъ предлогомъ, будто сама не знаетъ, между тѣмъ, какъ очень хорошо знаетъ.

V.

Алина Лязгина.

Лязгина, гимназистка 13 лѣтъ, рано лишена была тѣхъ теплыхъ ласкъ, которыя достаются на долю почти каждаго ребенка въ родной семьѣ. Восьми лѣтъ отроду она потеряла отца и, чтобы учиться въ гимназіи, должна была, въ послѣдніе три года, переселиться въ чужую семью, въ чужой городъ, гдѣ у нея не только не было родныхъ, но даже близкихъ знакомыхъ. Это нравственное одиночество не могло, конечно, не оставить на ней своего отпечатка. Оно тяжело отзывалось на ея душѣ и давило ее своимъ, незамѣтнымъ для другихъ, гнётомъ. Иногда приходилось видѣть, какъ она, читая учебную книгу, вдругъ безсознательно оторвется отъ нея, задумается и сидитъ молча, неподвижно. Только по ея серьёзнымъ, задумчивымъ глазамъ можно было угадать, что она думаетъ не объ урокѣ, который сейчасъ читала, а о чемъ-то другомъ, или радостномъ, или печальномъ, потому что на ея лицѣ попеременно являлось то веселое, то грустное выраженіе... Потомъ вдругъ она очнется и удивленно скажетъ: «ахъ, я и забыла, что

мнѣ нужно учить урокъ!» и, вспомнивъ, что у нея еще много дѣла впереди, старается отогнать свои думы и усердно принимается за книгу.

Лязгина очень мягка и уступчива. У хозяевъ, гдѣ она живетъ, есть дочь, ея ровесница и одноклассница, очень избалованная, самолюбивая и упрямая дѣвочка, Дина. Съ нею у Лязгиной нерѣдко происходятъ столкновенія, особенно изъ-за учебниковъ, которые у нихъ общіе. Дина весь день ничего не дѣлаетъ, а вечеромъ вдругъ подойдетъ къ Лязгиной и скажетъ: «Подай мнѣ сейчасъ книгу! вотъ еще что выдумала— брать мой учебникъ. Ты, вѣрно, хочешь, чтобы я не знала урока!» — Такъ-какъ споръ съ упрямой Диной безполезенъ, то Лязгина тотчасъ отдаетъ свою собственную книгу; а сама забьется куда-нибудь въ уголъ, подальше отъ глазъ, да и начнетъ втихомолку плакать.

Хотя Лязгина и хозяйская дочь живутъ въ одномъ домѣ и даже въ одной комнатѣ, но между ними нѣтъ настоящей дружбы. Если онѣ не ссорятся постоянно между собой, то только потому, что сознаютъ, что быть въ ссорѣ имъ обѣимъ крайне невыгодно. Впрочемъ, едва-ли между ними могла образоваться настоящая дружба—до того различно ихъ нравственное направленіе. Дина — сангвиникъ; Лязгина же дѣвочка нервная, меланхолическаго характера; Дина избалована и упряма; Лязгина выросла въ суровой школѣ нужды и одиночества. Дина самолюбива, тщеславна и насмѣшлива: Лязгина—скромна, всегда сдержана и если дружится съ кѣмъ-нибудь, то отдается этой дружбѣ всей душой и требуетъ отъ того, кого она назвала своимъ другомъ, такой же горячей и глубокой привя-

занности. Дина, напротивъ, неспособна на это. Она привѣтливо, даже ласково относится ко всѣмъ, готова всегда разговаривать, смѣяться, шутить съ подругами, но глубокаго чувства отъ нея нечего и ждать. Она находится въ хорошихъ отношеніяхъ со многими изъ знакомыхъ дѣвочекъ, но истиннаго друга между ними у ней нѣтъ.

Лязгина ко всѣмъ окружающимъ относится какъ-то недовѣрчиво, какъ-будто боясь, что они начнутъ смѣяться надъ нею, злоупотреблять ея откровенностью. Она никогда не рѣшится, подобно своей подругѣ Динѣ, разсказывать всякому встрѣчному о себѣ, о своихъ интересахъ, о своихъ мечтахъ. Если она разговариваетъ, то всегда о чемъ-нибудь постороннемъ, а никакъ не о себѣ. Рѣдко, очень рѣдко у нея, какъ-будто нечаянно, вырвется то, что́ накипѣло на душѣ и просится наружу; но это выпадаетъ на долю только тѣхъ, кто съумѣлъ вызвать ея довѣріе къ себѣ.

Лязгина очень впечатлительна. Она близко къ сердцу принимаетъ то, что у другихъ не вызываетъ никакого чувства. Когда она, напримѣръ, замѣтитъ, что ея мать, пріѣхавъ навѣстить ее, чѣмъ-то огорчена, она сильно встревожится и нервно заплачетъ. Когда ей кажется, что кто-нибудь изъ старшихъ несправедливо относится къ ея младшей сестрѣ, учащейся въ первомъ классѣ, Лязгина, всегда молчаливая и избѣгающая всякихъ споровъ и непріязненныхъ столкновеній съ другими, начинаетъ смѣло и горячо защищать сестру. «Вы все обвиняете ее въ томъ, что она лѣнива, не хочетъ сама учить уроковъ, а учитъ ихъ всегда при помощи другихъ, говоритъ Лязгина: — но она вовсе не такъ виновата, какъ вы думаете; вѣдь

она маленькая, ей трудно заниматься одной». Точно такъ же она сильно огорчается, если ее укоряютъ въ чемъ-нибудь, особенно, когда сознаетъ, что не заслужила оскорбленій.

Такъ, однажды одноклассница Ф. назвала ее сплетницей. Это такъ подѣйствовало на Лязгину, что она зарыдала. А когда другая ученица Р. сказала, что она пользуется чужими трудами, то Лязгина принялась доказывать, что это несправедливо, и тотчасъ же пересѣла на другую скамейку, подальше отъ тѣхъ воспитанницъ, у которыхъ она, по словамъ Р., будто бы списываетъ уроки.

Ея нравственное чувство возмущается также, если она видитъ въ близкихъ, дорогихъ ей людяхъ, напр., въ матери, какія-нибудь черты и проявленія, не согласныя съ тѣмъ идеаломъ, который успѣлъ составиться въ ея юной душѣ. Очевидно, что въ эти минуты она не по-дѣтски страдаетъ.

Столкновенія съ различными невзгодами (смерть отца, нужда, жизнь у чужихъ людей и т. п.) рано развили въ Лязгиной наблюдательность и способность анализировать какъ свои собственные поступки, такъ и поступки другихъ лицъ. Она вдумывается уже въ то, что еще не затрогиваетъ мышленія ея сверсницъ-одноклассницъ. Вообще, міросозерцаніе Лязгиной серьезно не по лѣтамъ. Ко многому въ жизни она относится уже сознательно, не по-ребячески. Она, напр., понимаетъ цѣну труда и любитъ трудиться. Учится она прилежно и старается непремѣнно сама исполнять всѣ свои работы, и только въ самомъ крайнемъ случаѣ обращается къ помощи другихъ, при чемъ ясно видно, что она дѣлаетъ это, какъ говорится, скрѣпя

сердце. А между тѣмъ, сама она очень охотно помогаетъ всѣмъ, кто нуждается въ ея помощи.

Читаетъ Лязгина довольно много; но, не имѣя хорошаго руководителя, читаетъ все, что попадается подъ руку. Девяти лѣтъ она зачитывалась Майнъ-Рида и Купера. Больше всего ей нравились разсказы изъ жизни американскихъ индѣйцевъ. Между ними особенно привлекали ее своимъ прямодушіемъ и храбростью племена Делавари и Команти. Это были ея любимцы. «Дайте мнѣ какую-нибудь страшную книжку, просила она иногда. Я очень люблю «страшныя книги» (подъ словомъ «страшныя» она разумѣла такія книги, въ которыхъ описываются опасныя путешествія, разныя приключенія и т. п.). Когда я читаю такія книги, то вся дрожу за тѣхъ людей, про которыхъ разсказывается въ нихъ. Мнѣ дѣлается и страшно, и весело, о себѣ я совершенно забываю».

Лязгина проявляетъ много любознательности. Когда ей было еще только одиннадцать лѣтъ, она однажды, въ лѣтнюю ночь, смотря на небо, усыпанное звѣздами, спрашивала: «Неужели такъ никто изъ людей и не знаетъ, что было до сотворенія міра? Вѣдь, было же тогда что-нибудь? Были или нѣтъ эти звѣзды? Отчего онѣ такъ блестятъ? А дальше, за ними что?... Какъ бы я желала объѣхать всю землю, все осмотрѣть»!...

Лязгина говоритъ, что изъ всѣхъ наукъ она особенно любитъ естественную исторію. Хотя она сама не занимается еще этимъ предметомъ, но составила о о немъ понятіе по разсказамъ старшаго брата, студента выпускного курса, и глядя на его практическія занятія по ботаникѣ. Она любитъ вспоминать, какъ

ея братъ, пріѣзжая домой на каникулы, ходилъ по окрестностямъ города, собиралъ различныя растенія и потомъ засушивалъ ихъ; какъ онъ разсказывалъ о животныхъ, описывалъ нравы разныхъ народовъ и т. п. Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ въ дѣтствѣ Лязгину, этотъ братъ имѣлъ на нее самое благотворное вліяніе. Онъ первый открылъ ей свѣтлыя, заманчивыя области мысли, знанія и самостоятельнаго труда. Она видѣла въ немъ живой примѣръ честнаго труженика, и подъ его вліяніемъ сама стала относиться серьёзно къ труду и вообще къ жизни.

VI.

Серафима Тайтель.

Тайтель—еврейка, дочь довольно богатаго купца. Родители ея не чуждаются русскаго общества и посылаютъ свою дочь учиться въ гимназію.

Войдите во время перемѣны въ корридоръ, прилегающій ко второму классу гимназіи, и вы непремѣнно замѣтите въ толпѣ ученицъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку плотнаго тѣлосложенія, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ большими, открытыми черными глазами и громкимъ, твердымъ голосомъ; она или оживленно ораторствуетъ съ подругами, или, расхаживая по корридору съ книгой въ рукахъ, вслухъ повторяетъ урокъ. Это—Тайтель. Если въ это время подойдетъ къ ней ученица старшаго класса и спроситъ: «Что это вы, Тайтель, учите?»—она нетерпѣливо отвѣтитъ: «Ахъ, Боже мой, оставьте меня въ покоѣ! я и такъ плохо знаю изъ географіи, а вы еще тутъ пристаете. Изъ-за васъ, пожалуй, какъ-разъ получишь двойку!» Затѣмъ, она отвернется и начнетъ ходить еще скорѣе и читать еще громче. По первому звонку она стремглавъ бросается въ классъ, приговаривая: «Вотъ, вѣдь, не успѣла повторить, и

если получу двойку или выговоръ, то такъ и скажу, что старшія ученицы мѣшали своими вопросами».

Тайтель обладаетъ хорошими способностями. У нея отличная память и живое воображеніе. Она быстро все схватываетъ и долго удерживаетъ въ памяти. Подчиняясь дѣятельности своего живого воображенія, она нерѣдко отъ предмета занятій переходитъ на совершенно посторонніе предметы. Однажды учительница разсказывала о Греціи. Вдругъ Тайтель поднимаетъ руку. «Что вамъ нужно, Тайтель?»—«Вѣра Афанасьевна, я видѣла грека, къ намъ приходилъ»!!. и, не дождавшись позволенія, начала живо описывать наружность видѣннаго ею грека, его говоръ и т. д. Учительница должна была остановить неумѣстное краснорѣчіе дѣвочки. Въ другой разъ, во время перевода съ французскаго языка, встрѣтилось слово perles (перлы). Тайтель поднимается и говоритъ: «Софья Львовна, и по-еврейски перлы тоже perles». Тутъ она пустилась разсказывать, какіе у ея матери есть перлы, но учительница прервала неумѣстный разсказъ живой дѣвочки.

Тайтель очень чутко относится ко всѣмъ явленіямъ своей жизни. Однажды учительница ариѳметики начала сообщать ученицамъ элементарныя геометрическія свѣдѣнія (раньше эти свѣдѣнія не сообщались). Только что кончился урокъ, Тайтель бросилась въ сосѣдніе классы и съ сіяющимъ выраженіемъ лица принялась выкрикивать: «У насъ сейчасъ геометрія была, геометрія! Мы ужъ учимъ геометрію!» Да и во время самаго урока видно было по ея блестящимъ глазамъ и живымъ движеніямъ, что ее интересуетъ новость предмета.

Тайтель любитъ нерѣдко хвастнуть. Если она дома хорошо приготовила урокъ, то навѣрно съ восторгомъ

сообщитъ объ этомъ ученицамъ старшаго класса или даже самой классной надзирательницѣ.

Она чрезвычайно любопытна, ей до всего есть дѣло; увидитъ книгу у кого-нибудь въ рукахъ — сейчасъ спроситъ, какое ея заглавіе и интересна ли она; войдетъ въ классъ незнакомая ей ученица старшаго класса—примется разузнавать, кто она, какъ ея фамилія, гдѣ она живетъ и т. д. Если Тайтель замѣтитъ, что составилась гдѣ-нибудь группа учениць и между ними идетъ оживленный разговоръ, она не вытерпитъ, чтобы не подойти къ нимъ и не вставить свое слово. Если же въ это время съ нею занимается классная надзирательница, то она попроситъ «отпустить только на одну минуточку, узнать, о чемъ разговариваютъ». Не пустятъ ее—она отъ нетерпѣнія начинаетъ вертѣться, поглядывать въ ту сторону, откуда доносится разговоръ. Тутъ ужъ не до ученья.

Въ перемѣну Тайтель сейчасъ начнетъ перебѣгать отъ одной ученицы къ другой: у каждой о чемъ-нибудь спроситъ и каждой что-нибудь скажетъ. Пробьетъ звонокъ, всѣ ученицы сядутъ на мѣста, одна только Тайтель не можетъ еще успокоиться: она то вертится, то заговариваетъ съ сосѣдкой.

Живой, подвижной характеръ Тайтель проявляется и въ играхъ. Она предпочитаетъ подвижныя шумныя игры и притомъ старается занимать въ нихъ если не первое, то, по крайней мѣрѣ, видное мѣсто.

Несмотря на случающіяся размолвки съ подругами, вслѣдствіе вспыльчиваго характера, Тайтель живетъ мирно со всѣми ученицами не одного своего, но и другихъ классовъ. Дружна же она только съ одноклассницей Р., тоже еврейкой, и объ этой дружбѣ выразилась

однажды такъ: «Мы съ Р. какъ листъ съ травой». Если и происходятъ иногда между Тайтель и Р. размолвки, то единственно изъ-за того, что по субботамъ Р. *пріѣзжаетъ* въ гимназію, что не дозволяется ихъ религіей. «Вѣдь, не замерзнешь же ты, если пройдешь пѣшкомъ; ужъ лучше бы совсѣмъ не показывалась»,— каждый разъ повторяетъ ей Тайтель. Сама Тайтель строго соблюдаетъ обряды своей религіи. Въ субботу она рѣдко бываетъ въ гимназіи, и то не иначе, какъ придетъ пѣшкомъ. Никакая погода не можетъ заставить ее ѣхать въ экипажѣ.

Тайтель слыхала, что евреевъ называютъ «жидами», а ихъ вѣру—«жидовской». Вотъ однажды она стала подбѣгать то къ той, то къ другой ученицѣ съ вопросомъ: «Какой я вѣры»?—«Жидовской», — добродушно отвѣчали тѣ. «Нѣтъ, не жидовской, жидовской вѣры нѣтъ, а есть іудейская»,—съ оттѣнкомъ гордости возражала дѣвочка.

Тайтель очень впечатлительна. Насколько она способна радоваться, весело смѣяться, если видитъ, что окружающіе ее радуются, настолько же она способна горевать, если видитъ горе другихъ. Однажды классная надзирательница, войдя въ комнату, увидѣла, что въ углу сидитъ въ траурѣ дѣвочка приготовительнаго класса, а передъ нею стоитъ Тайтель и плачетъ. «Что съ вами, Тайтель! Ужъ не плохой ли баллъ получили изъ русскаго?»—«Нѣтъ, кажется, 5»—«О чемъ же вы плачете?»—«Да вотъ у этой дѣвочки умерла мама, мнѣ такъ жаль ее!»— и залилась слезами. «Перестаньте, вы этимъ только больше разстраиваете дѣвочку».—«Что же мнѣ дѣлать, если я не могу удержаться? Вѣдь, у

ней нѣтъ мамы и уже никогда не будетъ»! — воскликнула Тайтель.

Вообще Тайтель дѣвочка добрая, а не злая. Хотя иногда она и сильно горячится, если ее оскорбляютъ, но при этомъ она вовсе не злопамятна. Разъ какъ-то одноклассница назвала ее «жидовской попрошайкой». Тайтель вспыхнула. «Нѣтъ, ты узнай прежде, какая я жидовка! можетъ быть, я лучше другой русской!... Да что ты обзываешь меня жидовкой: развѣ евреи не люди?»!...Затѣмъ, дня черезъ два, Тайтель примирилась съ обидчицей. Въ другой разъ Тайтель нечаянно оцарапала булавкой ученицу К., способную, какъ говорится, изъ мухи сдѣлать слона. К. обвязяла руку, объявивъ, что чувствуетъ сильную боль. Градъ упрековъ посыпался на Тайтель со стороны одноклассницъ. Та стояла передъ судомъ подругъ, какъ ошеломленная. Одна изъ нихъ даже сказала, что ее выгонятъ за это изъ гимназіи. Очень обидно показалось это бѣдной дѣвочкѣ. Она вся вспыхнула, выбѣжала изъ класса, бросилась прямо къ надзирательницѣ и, обливаясь слезами, начала оправдываться: «Я нечаянно... ей не больно... это она нарочно... а онѣ говорятъ, что меня выгонятъ изъ гимназіи. За что же?.. Вѣдь, не то еще дѣлаютъ, да не выгоняютъ!...»—«Вы сами знаете, что все это вздоръ, о чемъ же вы плачете?» утѣшала ее надзирательница.—«Знаю, а все-таки досадно, что онѣ говорятъ это!...»

Есть у Тайтель одно нехорошее качество—попрошайничество (не даромъ одна изъ подругъ назвала ее «жидовкой-попрошайкой»). Увидитъ, наприм., красивую тетрадь у подруги, непремѣнно попроситъ ее себѣ «на память». Понадобится бумага для рѣшенія задачи, она,

вмѣсто того, чтобы взять изъ своего стола или вырвать изъ своей тетради, начнетъ выпрашивать у другихъ.

Учится Тайтель очень недурно. Особенно охотно занимается она тѣми предметами, которые удовлетворяютъ ея живому воображенію и подвижному характеру. Рисованія не любитъ, вѣроятно, потому, что при этомъ занятіи нужна усидчивость, которою она не обладаетъ.

VII.

Вѣра Улина.

Вѣра Улина—гимназистка лѣтъ 14-ти. Она рѣзко выдѣляется изъ толпы своихъ одноклассницъ и нравственными качествами, и умственными способностями. Достаточно просидѣть одинъ урокъ въ классѣ, чтобы замѣтить Улину. Ея быстрые, сообразительные отвѣты обращаютъ на себя вниманіе, а ея вопросы показываютъ, что голова ея работаетъ и переработываетъ матеріалъ, полученный отъ всего слышаннаго, видѣннаго и глубоко запавшаго въ ея впечатлительную, воспріимчивую душу.

Когда Улиной шелъ 13-ый годъ, въ жизни ея случилось обстоятельство, имѣвшее большое вліяніе на образованіе ея характера. Обстоятельство это—смерть горячо ею любимой матери. До этого рокового обстоятельства Улина была рѣзва, жива. Просидѣть часъ спокойно, молча, было для нея почти немыслимо. Бывало, она то заведетъ разговоръ съ сосѣдкой, то откроетъ столъ, то смотритъ въ окно; до урока она, обыкновенно, разгуливала по классу, увѣряя, что ей нужно переговорить съ той или другой ученицей, и

только по приказанію классной надзирательницы садилась на мѣсто. Своею живостью, рѣзвостью она нерѣдко возбуждала даже вялыхъ, малоподвижныхъ ученицъ. Но смерть матери такъ сильно потрясла ее, что даже измѣнила ея характеръ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ похоронъ матери, Улина какъ-то апатично, съ полнымъ равнодушіемъ стала относиться ко всему окружающему, а потомъ можно было замѣтить, что она сдѣлалась сосредоточеннѣе, серьезнѣе, начала внимательнѣе вглядываться во все окружающее, заниматься уроками съ большимъ рвеніемъ, отдаляться отъ своихъ подругъ; отъ прежней ея живости, дѣтской легкомысленности—и слѣда не осталось.

Сосредоточившись на учебныхъ занятіяхъ, Улина стала первой ученицей въ классѣ. Это также имѣло вліяніе на укрѣпленіе ея характера въ томъ направленіи, которое онъ получилъ послѣ смерти матери.

Въ настоящее время, она держитъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ воспитанницъ своего класса. Тѣ въ насмѣшку называютъ ее «умницей». «Гдѣ намъ равняться съ тобой: ты, вѣдь, умница»,—приходится нерѣдко слышать Улиной отъ подругъ. Но она отвѣчаетъ на такія выходки молчаніемъ, находя для себя болѣе приличнымъ относиться снисходительно къ тѣмъ, кого она считаетъ ниже себя.—Въ той семьѣ, гдѣ живетъ Улина, есть дѣвочка Надя, ея одноклассница. Однажды гимназистка старшаго класса спросила Улину: «Любишь ли ты Надю?» «Да, очень»!—«Дружна ты съ нею?»—«Нѣтъ»!—«Почему же, она хорошая, добрая дѣвочка?» «Хороша, но не по мнѣ; я пробовала съ нею сойтись, но теперь вижу, что она совсѣмъ *маленькая*. А какъ мнѣ хочется съ кѣмъ-нибудь подружиться,

чтобы можно было все высказать, что думаю и чувствую, какъ бывало мамѣ! Да нѣтъ, вѣрно, такой не найти»! При этихъ словахъ у ней навернулись слезы. Значитъ Улина не прочь бы близко сойтись съ кѣмъ-нибудь, но только не можетъ найти подходящей себѣ по развитію дѣвочки. Во время перемѣнъ, она почти всегда ходитъ одна. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ученицы считаютъ для себя удовольствіемъ прогуливаться или разговаривать съ Улиной, и, видимо, дорожатъ тѣмъ, что она обратила на нихъ вниманіе. Чувствуя нравственную силу Улиной, ея умственное превосходство, одноклассницы невольно подчиняются ей, что не совсѣмъ благотворно вліяетъ на нее. Въ ней теперь появляется желаніе властвовать, командовать; она любитъ играть роль большой, старшей. Выработкѣ этой черты характера могло способствовать, между прочимъ, и то обстоятельство, что за годъ до своей смерти, мать Улиной была очень больна и всѣ заботы по хозяйству поручила 12-ти лѣтней дочери, которая сама ходила на базаръ, присматривала за больной матерью, за маленькимъ братомъ и за прислугой. Вотъ тутъ-то она и привыкла дѣйствовать, болѣе или менѣе, самостоятельно, смотрѣть на себя какъ не на маленькую.

Покойная мать Вѣры Улиной имѣла на нее огромное вліяніе. Одного ея слова, иногда одного взгляда было достаточно, чтобы дочь исполнила требуемое; огорчить мать было для нея несчастіемъ; пробыть день безъ матери—немыслимо. Готовя уроки, работая, читая, дѣвочка не отходила отъ нея, несмотря на то, что живость темперамента требовала и движенія, и болѣе разнообразнаго препровожденія времени.

Благодаря доброму руководству матери, въ харак-

терѣ дѣвочки выработалось много хорошихъ чертъ. Она прямодушна, она никогда не выкажетъ того, чего не чувствуетъ, никогда не льститъ, ни въ комъ не заискиваетъ. Если ей что-нибудь въ другомъ не нравится, она выразитъ это прямо, подчасъ даже немного рѣзко. Разъ одной воспитанницѣ она сказала: «Какъ тебѣ не стыдно быть такой скрягой? Ты дрожишь надъ каждымъ листомъ бумаги». Въ другой разъ она прямо оборвала свою одноклассницу, когда замѣтила, что та, разсказывая что-то подругамъ, начала уклоняться отъ истины.

Сама она никогда не лжетъ и не обманываетъ.

Улина щедра и сострадательна. Она всегда готова подѣлиться съ другими тѣмъ, что имѣетъ, всегда сочувственно относится къ горю другихъ, готова сдѣлать все возможное, чтобы помочь подругѣ.

Улина застѣнчива и самолюбива. Это доказывается слѣдующимъ фактомъ. Давался урокъ исторіи. Разсказавъ о Карлѣ XII, учительница вызвала Улину и велѣла повторить. Та встала, пробормотала два-три слова и умолкла. Какъ ни билась учительница—больше этого ничего не могла отъ нея добиться. Тогда она вызвала другую ученицу. Нужно было видѣть лицо Улиной, чтобы понять, какую душевную муку она испытывала отъ того, что не могла отвѣтить. Нѣсколько дней спустя, Улина сама такъ разсказывала объ этомъ случаѣ одной ученицѣ старшаго класса: «Я сконфузилась, потому что стояла какъ-разъ противъ учителя, присутствовавшаго на урокѣ, и все думала: вотъ будетъ стыдъ, если не отвѣчу!».

Самая незначительная насмѣшка со стороны воспитанницъ всегда сильно смущаетъ Улину. Иногда она

обижается изъ-за такихъ пустяковъ, на которые не стоитъ обращать и вниманія.

Улина довольно настойчива. Взявшись за какое-нибудь дѣло, она старается довести его до конца и употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы достигнуть желаемаго. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее: въ нѣмецкомъ языкѣ она менѣе успѣвала, чѣмъ въ другихъ предметахъ. Разъ одна изъ подругъ говоритъ ей: «Отчего ты не бросишь нѣмецкій языкъ? Безъ него ты получила бы одни полные баллы». «Я хочу добиться своего, отвѣтила Улина, вотъ почему больше всего занимаюсь этимъ предметомъ и никогда его не брошу». Дѣйствительно, мѣсяца черезъ четыре, Улина и изъ нѣмецкаго языка начала получать полные баллы.

Особенно сильно развито у Улиной воображеніе, и она отдаетъ явное предпочтеніе тѣмъ занятіямъ, гдѣ оно можетъ работать. Даже срисовывая какой-нибудь ландшафтъ, она непремѣнно прибавитъ къ нему свое.

VIII.

Олимпіада Гилякова.

Гилякова—самая старшая ученица въ приготовительномъ классѣ гимназіи. Ей одиннадцать лѣтъ. Она плотно сложена и для своихъ лѣтъ довольно высока. У нея широкое лицо и сѣрые, выпуклые, не особенно умные, глаза. Вообще выраженіе лица ея далеко не привлекательное. Она ходитъ постоянно растрепанная, лохматая, вымазанная въ чернила.

Въ характерѣ этой дѣвочки больше дурныхъ чертъ, чѣмъ хорошихъ. Ей ни по чемъ присвоить себѣ чужое. Что плохо лежитъ, то она навѣрное стащитъ. Нѣтъ такой вещи—будь то деньги, игрушки, карандашъ, ножикъ или что-нибудь съѣстное—на которую бы она не позарилась. Если у нея отнимутъ похищенную вещь и сдѣлаютъ ей упрекъ, она какъ-то тупо смотритъ. Иногда же выдумываетъ самыя небывалыя случайности, объясняя, какимъ образомъ къ ней попала чужая вещь.

Умственныя способности у Гиляковой слабы; особенно, память у нея плоха. Не успѣетъ повторить урокъ, какъ сейчасъ же его забудетъ; напрягаетъ всѣ

силы, чтобы припомнить, даже закатываетъ глаза—и все-таки не можетъ.

Гилякова очень невнимательна. Когда идетъ, напр., классное чтеніе, она не слѣдитъ по своей книгѣ. Вызоветъ ее учительница продолжать чтеніе — она не знаетъ, на чемъ остановилась ея подруга. Иногда она бываетъ такъ разсѣянна, что нѣтъ никакой возможности заниматься съ нею. Однажды учительница ариѳметики спросила ее: «Сколько будетъ 4 + 15?»—14, отвѣтила дѣвочка. — «Подумайте!» — «Ахъ, нѣтъ, 11». — «Такъ ли?»—«Нѣтъ, нѣтъ: 8», и т. д. Она не обратила даже вниманія на числа, которыя ей предлагались для сложенія, и отвѣчала, просто, наугадъ. Въ другой разъ та же учительница, во время занятій, спросила: «Сколько въ пятикопеечникѣ копеекъ»? — «Десять», отвѣтила Гилякова, глядя въ сторону и не вслушавшись хорошенько въ предложенный ей вопросъ. Или еще: законоучитель разсказалъ въ классѣ о Моисеѣ и заставилъ Гилякову повторить. Та начала такъ: «Однажды царица гуляла, пришла на берегъ рѣки С. (названіе рѣчки при которой стоитъ городъ, гдѣ живетъ Гилякова) и нашла корзину». На этомъ она и покончила.

Гилякова чрезвычайно лѣнива. Она только и думаетъ о томъ, какъ бы освободиться отъ занятій или поубавить заданные уроки. Если ея репетиторша, которая дома помогаетъ ей готовить уроки, не спроситъ въ гимназіи, что задано къ слѣдующему дню, то Гилякова навѣрное скроетъ половину того, что задано.

Гилякова, мало того, что сама сидитъ въ классѣ разсѣянно, она, то и дѣло, мѣшаетъ другимъ заниматься. Одну изъ сосѣдокъ она ущипнетъ, другую—дернетъ за косу, у третьей—сброситъ книгу со стола.

Напроказить въ классѣ—это ея дѣло. Но она никогда не сознается въ своихъ проказахъ; напротивъ, она свалитъ всю вину на другихъ. Однажды во время урока Закона Божія, она стучала линейкой по столу и мѣшала слушать. Законоучитель приказалъ ей повторить разсказанное имъ. Она, конечно, не могла и получила единицу. Когда дома репетиторша спросила ее, за что ей поставили единицу, Гилякова отвѣтила: «В. (ученица того же класса) шалила и стучала, а батюшка подумалъ, что это я». Справившись на другой день въ гимназіи, репетиторша стала упрекать Гилякову за обманъ. Та, тупо посматривая, только твердила: «и В. шалила, и В. шалила».

Гилякова ужасно упряма. Не захочетъ чего сдѣлать—насилу заставишь ее послушаться. Нужна особенная настойчивость, чтобы переломить ея упрямство. Разъ репетиторша, занимаясь съ нею по русскому языку, предложила ей прочитать одну статью. Гилякова заупрямилась и молчитъ. На вторичное требованіе репетиторши Гилякова отвѣтила: «Я не буду читать».—«А я не уйду и васъ не выпущу изъ классной комнаты до тѣхъ поръ, пока вы не прочитаете!» Около часа просидѣла Гилякова, не принимаясь за книгу; но, наконецъ, видя, что репетиторша не намѣрена уступить и что приближается часъ прогулки по городу съ родителями, она взяла книгу и вполголоса прочла указанную ей статью.

Лаской съ Гиляковой ничего не подѣлаешь. Она не понимаетъ ласки и мало цѣнитъ ее; только силой воли и настойчивостью можно заставить ее исполнить что-нибудь. Если учительница скажетъ мягко: «Гилякова, перестаньте шалить», — она не уймется; если

же прикрикнетъ да пригрозитъ, сейчасъ присмирѣетъ.

Гилякова обладаетъ необыкновеннымъ даромъ надоѣдать всѣмъ. Если она пристанетъ, то не скоро отъ нея отвяжешься. Она надоѣдаетъ и учительницѣ, и старшимъ ученицамъ, и подругамъ. Передъ каждымъ урокомъ только и слышно: «Да отстань, отвяжись, Гилякова»!

Сама она, то и дѣло, обзываетъ своихъ подругъ ругательными прозвищами; если же ее кто-нибудь выбранитъ, она непремѣнно вломится въ амбицію. Сверхъ того, Гилякова и ябедничаетъ на подругъ. Какъ только войдетъ въ классъ надзирательница, она сейчасъ же начнетъ докладывать ей, что вотъ эта ученица сдѣлала то-то, а эта—то-то. Ей нужды нѣтъ, что надзирательница не обращаетъ никакого вниманія на ея доносы. Однажды, во время урока русскаго языка, Гилякова поднимается и говоритъ: «П. (ученица) теперь завтракаетъ». Учительница приказала П. перестать ѣсть, а Гиляковой замѣтила, чтобы она не доносила на подругъ. Чрезъ нѣсколько минутъ учительница видитъ, что Гилякова сама уплетаетъ свой завтракъ, забывъ, конечно, въ чемъ сейчасъ же обвиняла свою подругу.

Съ прислугой Гилякова обращается грубо. Дома она постоянно жалуется или кляузничаетъ на слугъ, за что тѣ ее ненавидятъ.

Недостатки Гиляковой выработались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ея домашней обстановки. Она единственная дочь довольно богатаго торговца. Родители, что называется, души въ ней не чаютъ. Что бы ихъ дочь ни сдѣлала, они смотрятъ на все сквозь пальцы. Ослѣпленные любовью къ дочери, они и не

видятъ ея недостатковъ; частыя заявленія о ея лѣни и непохвальныхъ поступкахъ они объясняютъ «придирками» гимназическаго начальства. Такое объясненіе они не стѣсняются высказывать даже при дочери, которая, наконецъ, сама стала смотрѣть на выговоры и взысканія надзирательницы или начальницы, какъ на «придирки».

IX.

Елизавета Гордѣева.

Гордѣева — дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, пользуется хорошимъ здоровьемъ и обладаетъ хорошими способностями. Особенно хороша у нея память: запоминаетъ она скоро и долго удерживаетъ въ памяти усвоенное. Однажды учительница русскаго языка прочла дѣтямъ статейку и заставила Гордѣеву пересказать прочитанное. Та пересказала все, отъ начала до конца, слово въ слово. Довольно для нея разъ услышать въ классѣ незнакомыя иностранныя слова, чтобы заучить ихъ. Сообразительность у Гордѣевой также сильна. Она скоро рѣшаетъ задачи и сама придумываетъ примѣры.

Тщеславіе и самомнѣніе составляютъ отличительную черту характера Гордѣевой. Она хочетъ быть непремѣнно, если не первой, то изъ первыхъ ученицъ въ классѣ, и злобно относится къ тѣмъ ученицамъ, которыя въ чемъ-нибудь идутъ впереди ея. Она была очень дружна съ ученицей К., съ которой всегда сидѣла рядомъ; но когда послѣ раздачи аттестацій оказалось, что К. получила похвалу, а Гордѣева—нѣтъ, послѣдняя разсердилась на свою подругу, недѣли три

ни слова не говорила съ нею и старалась не сидѣть рядомъ. Если какая-нибудь изъ лучшихъ ученицъ отвѣчаетъ не вполнѣ удовлетворительно, Гордѣева видимо чувствуетъ удовольствіе. Особенное удовольствіе она испытываетъ, если ей удастся поправить одну изъ такихъ ученицъ; тогда она посматриваетъ на нее съ самодовольной улыбкой. Нерѣдко случается, что при отвѣтѣ урока хорошей ученицей, Гордѣева чуть слышно дѣлаетъ на ея счетъ ѣдкія замѣчанія.

Чтобы обогнать другихъ, она употребляетъ иногда особенныя усилія. Такъ, напр., по причинѣ худого почерка, она долго не получала больше трехъ по чистописанію, что ставило ее ниже нѣкоторыхъ одноклассницъ. Это понудило ее добиться непремѣнно улучшенія своего почерка, и, дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время, она начала получать по пяти изъ чистописанія. Нерѣдко она хвастается своими способностями и успѣхами. «Я въ гимназію готовилась только три мѣсяца и выдержала экзаменъ отлично», говоритъ она самодовольно. Или: «неужели имъ это такъ трудно? Мнѣ стоитъ только разъ прочесть — и я ужъ знаю». Стараясь стоять выше своихъ одноклассницъ, она относится съ пренебреженіемъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя слабѣе ея по успѣхамъ.

Если случится, что Гордѣеву спросятъ, кто бываетъ въ гостяхъ у нея или у ея родителей, она назоветъ только лицъ побогаче и познатнѣе и умолчитъ о тѣхъ, кто побѣднѣе и не столь знатны. При этомъ въ тонѣ ея голоса такъ и слышится: «вотъ, молъ, съ кѣмъ мы знаемся». Тщеславіе и самомнѣніе развились у Гордѣевой, главнымъ образомъ, отъ безтактныхъ похвалъ со стороны домашнихъ и, отчасти, учительницъ.

И о своей наружности Гордѣева очень высокаго мнѣнія. Это произошло также отъ чрезмѣрныхъ похвалъ окружающихъ. Дѣвочки младшихъ и даже старшихъ классовъ постоянно твердятъ ей, что она хорошенькая, бѣгаютъ за нею и пишутъ ей записки, въ которыхъ восхваляютъ ея красоту. Ей это очень нравится; въ перемѣну она преимущественно ходитъ съ своими поклонницами, или хотя мимо ихъ. Она сближается только съ тѣми ученицами, въ которыхъ не видитъ себѣ соперницъ и которыми можетъ командовать.

Гордѣева отдаетъ предпочтеніе тѣмъ учебнымъ предметамъ, по которымъ ей ставятъ высокіе баллы. Изъ учителей и учительницъ она любитъ только тѣхъ, кто ее хвалитъ и угождаетъ ея тщеславію. Вообще же ко всѣмъ старшимъ она относится подобострастно, льстиво, изъ боязни, чѣмъ-нибудь навлечь на себя ихъ неудовольствіе, такъ какъ это помѣшало бы достиженію главной цѣли — выдвинуться передъ подругами и быть всегда на хорошемъ счету.

X.

Варвара Флерова.

Флерова—двѣнадцатилѣтняя дѣвочка слабаго тѣлосложенія, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица.

Рѣдко можно встрѣтить дѣвочку, которая бы такъ апатично относилась ко всему окружающему, какъ Флерова. Кажется, ни одно происшествіе въ школьной жизни не въ состояніи вывести ее изъ постоянной апатіи. Въ то время, какъ ея подруги, по поводу какого-нибудь случая волнуются, Флерова не высказываетъ ни малѣйшаго признака волненія и сохраняетъ свое невозмутимое, всегдашнее равнодушіе. Въ классѣ, гдѣ учится Флерова, иногда даютъ пробные уроки лица, ищущія мѣста учителя. Изъ всего класса только одна Флерова относится равнодушно къ такимъ урокамъ. Кто бы ни явился къ нимъ на урокъ и какъ бы ни далъ урокъ—для нея это совершенно безразлично.

Однажды разнесся слухъ, будто одна изъ ученицъ того класса, гдѣ была Флерова, умерла. Эта вѣсть сильно поразила всѣхъ воспитанницъ, всѣхъ, кромѣ Флеровой. Воспитанницы наперерывъ спрашивали, когда дѣвочка умерла, отъ чего умерла, сожалѣли о

покойной; одна только Флерова оставалась глуха къ слуху о смерти подруги: на лицѣ ея не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда волненія. Когда къ ней подошла помощница классной надзирательницы, то она только спросила равнодушнымъ тономъ: «Кто же вмѣсто нея сядетъ съ нами на скамейку?». На отвѣтъ надзирательницы: «Погодите хоронить, можетъ быть, и неправда, что она умерла»,—Флерова тѣмъ же тономъ продолжала: «А если неправда, то она опять сядетъ съ нами, когда выздоровѣетъ».

Она какъ-будто живетъ въ отдѣльномъ, замкнутомъ мірѣ, который поглощаетъ всѣ ея чувства, желанія и мысли.

Та же апатія видна и относительно занятій. На всѣ попытки помощницы классной надзирательницы узнать, какой предметъ ее больше интересуетъ, отчего она плохо готовитъ уроки, отчего забываетъ дома тетради,—она отвѣчаетъ упорнымъ молчаніемъ.

Заставитъ ее учительница русскаго языка прочитать басню или другое что, она беретъ книгу и читаетъ безъ всякой интонаціи, не останавливаясь на знакахъ препинанія, какъ-будто читаетъ на непонятномъ для нея языкѣ. Поправитъ учительница сдѣланную ею при чтеніи ошибку, она повторитъ, но какъ-то полусознательно, механически.

Сдѣлаетъ ли учительница ей замѣчаніе за неприготовленіе урока или поставитъ ей неудовлетворительный баллъ, она прехладнокровно отнесется какъ къ тому, такъ и къ другому. Только иногда, если ей приходится выслушать замѣчаніе самой начальницы заведенія, на ея лицѣ промелькнетъ чувство стыда; но

вслѣдъ затѣмъ, она опять погрузится въ свое невозмутимое спокойствіе.

Нельзя сказать, чтобы Флерова была дѣвочка неспособная. Нѣтъ, она могла бы дѣлать успѣхи, если бы находилась подъ хорошимъ руководствомъ. Разъ она пришла въ классъ, не приготовивши урока изъ Закона Божія. Законоучитель спросилъ: «Отчего вы не выучили урокъ»? Она молчитъ. Законоучитель сказалъ, чтобы къ слѣдующему уроку она приготовилась и обѣщалъ спросить ее. Наступилъ этотъ день, Флерову вызываютъ и она отвѣчаетъ хорошо. «Отчего же вы въ тотъ разъ не знали урока?» опять спросилъ законоучитель. Молчаніе. «Трудно вамъ было выучить?» То же молчаніе. «Ну, я постоянно буду васъ спрашивать!» Первые уроки послѣ того Флерова отвѣчала довольно удовлетворительно; но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и, наконецъ, опять совершенно перестала готовиться.

Свои тетради и прочія учебныя принадлежности Флерова держала сначала въ самомъ неряшливомъ видѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ учительница сказала, что будетъ всякій разъ осматривать ихъ, она исправилась.

Къ своимъ соученицамъ она относится какъ-то недовѣрчиво, точно чуждается ихъ. Во время перемѣнъ, она ходитъ всегда одна. Помощница надзирательницы сказала ей однажды, чтобы она позвала ходить съ собой которую-нибудь изъ подругъ. Она подошла къ дѣвочкѣ К., похожей на нее характеромъ, молча взяла ее подъ руку и повела за собой. Все время, пока онѣ прогуливались, онѣ не обмѣнялись ни словомъ.

Въ играхъ со своими подругами Флерова никогда

не участвуетъ. Любознательность въ ней почти вовсе не проявляется. Чтеніе книгъ, доступныхъ дѣтямъ ея возраста, не доставляетъ ей никакого удовольствія. Къ старшимъ она относится какъ-то боязливо. Ее можно причислить, къ такъ называемымъ, дѣтямъ-старикамъ, которымъ чуждо все то, что составляетъ принадлежность дѣтства.

До десятилѣтняго возраста, Флерова воспитывалась подъ желѣзною волею строгаго, сердитаго и грубаго отца; она постоянно находилась подъ страхомъ навлечь на себя наказаніе. Послѣ смерти отца, дѣвочка перешла подъ надзоръ матери, женщины слабохарактерной, нервной, раздражительной.

Надо думать, что на образованіе замкнутости и апатичности характера Флеровой имѣли вліяніе условія, въ которыхъ она росла у своихъ родителей.

XI.

Надежда Лыжкова.

Маленькая, вертлявая, съ красивымъ, веселымъ и пріятнымъ лицомъ, Лыжкова считается любимицей класса. Ей 11 лѣтъ. Она принадлежитъ къ числу самыхъ младшихъ ученицъ третьяго класса гимназіи.

У Лыжковой преобладаютъ черты сангвиническаго темперамента. Она подвижна и весела, очень легко подмѣчаетъ особенности наблюдаемыхъ ею лицъ и потомъ передразниваетъ ихъ передъ подругами. Вотъ она слѣдитъ за учителемъ. Кажется, будто она слушаетъ его урокъ: но не тутъ-то было: она ловитъ каждое его движеніе, чтобы впослѣдствіи скопировать ихъ передъ классомъ. Во время перемѣны, она слѣдитъ за походкой, манерами, разговоромъ ученицъ старшихъ классовъ, чтобы передразнить и ихъ. Однажды ей пришлось быть на званомъ обѣдѣ, на которомъ говорились спичи. На другой день, она удивительно вѣрно представила всѣхъ лицъ, произносившихъ спичи.

Во время уроковъ, она слѣдитъ очень внимательно за тѣмъ, что ее интересуетъ. Если же предметъ не занимателенъ, то она, обыкновенно, или обращаетъ

вниманіе на что-нибудь постороннее, или разговариваетъ съ сосѣдкой, или рисуетъ каррикатуры.

Лыжкова принадлежитъ къ такимъ личностямъ, которыя, какъ говорится, вездѣ и всюду попадаются на глаза. Спускаешься съ верхняго этажа въ нижній— ее непремѣнно встрѣтишь на лѣстницѣ; въ прихожей увидишь, что она разсказываетъ что-то подругамъ; въ залѣ она бѣгаетъ между парами воспитанницъ или тащитъ за собой то ту, то другую. Во время свободныхъ уроковъ, она вѣчно придумаетъ какую-нибудь штуку для своего развлеченія. Если помощница надзирательницы занята разговоромъ съ которой-нибудь изъ ученицъ и не видитъ что дѣлается у доски, то Лыжкова навѣрное подбѣжитъ къ доскѣ, нарисуетъ на ней рожицу или фигурку и тѣмъ разсмѣшитъ весь классъ. Не то подползетъ подъ столъ и начнетъ хватать всѣхъ за ноги. Однимъ словомъ, такъ или иначе, она непремѣнно найдетъ себѣ какое-нибудь развлеченіе. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что шалости Лыжковой, большею частью, не имѣютъ злого характера. У нея нѣтъ тѣхъ некрасивыхъ выходокъ, цѣлью которыхъ было бы досадить надзирательницѣ, учительницѣ или подругѣ.

Лыжкова впечатлительна и страстно любитъ читать. Читая какую-нибудь книгу, она, обыкновенно, до того увлекается, что ее трудно отъ нея оторвать. Она живетъ жизнію героевъ повѣсти или разсказа, дѣлитъ съ ними и горе, и радости, плачетъ при печальной развязкѣ и радуется при хорошемъ концѣ. Долго, долго она не можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго книгой на ея пылкую дѣтскую голову. Иногда при чтеніи ее заставали въ слезахъ, что очень

ее конфузило: она боялась, чтобы ее не сочли за ребенка. Однажды старшая ученица сказала ей: «Да развѣ ты не маленькая?» — «Какая же я маленькая? возразила она: я въ третьемъ классѣ и мнѣ 11 лѣтъ. Вотъ Оля С.—маленькая: она въ приготовительномъ классѣ». И такъ всегда она отвѣчаетъ, если кто-нибудь назоветъ ее маленькою. Ровесницы ея играютъ въ куклы, а она уклоняется отъ этой игры, все изъ-за того, чтобы не подумали про нее, что она маленькая. На вопросъ старшей ученицы, отчего она не играетъ въ куклы, она отвѣтила: «Когда я была маленькая, я играла, а теперь лучше буду читать, чѣмъ играть въ куклы». И читаетъ, при этомъ не довольствуется дѣтскими разсказами, а возится съ сочиненіями Гоголя, Пушкина, Тургенева, Толстого и друг. Иногда въ ея разговорѣ проглядываетъ знакомство съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ литературы, или съ тѣмъ или другимъ поэтическимъ типомъ. Такъ, напр., однажды она назвала свою одноклассницу Собакевичемъ. На вопросъ старшей ученицы, чѣмъ та на него походитъ, она отвѣчала: «А какъ же! Собакевичъ наступитъ на ногу, хочетъ посторониться, да на другую наступитъ. Такъ и эта». Еще одну ученицу она назвала Плюшкинымъ. И дѣйствительно, ученица эта отличалась поразительной скупостью.

Лыжкова одарена хорошими способностями; особенно хороша у нея память. Довольно ей разъ прочитать урокъ, чтобы быть въ состояніи отвѣчать его. Прослушавъ внимательно разсказъ учителя, она можетъ точно передать его. Но нельзя сказать, чтобы она занималась прилежно; она готовитъ уроки только тогда, когда ожидаетъ, что ее спросятъ. Поэтому,

несмотря на свои недюжинныя способности, она учится не болѣе, какъ порядочно.

Любимое занятіе Лыжковой—кромѣ чтенія книгъ—писаніе сочиненій. Она излагаетъ довольно хорошо. Иногда она пишетъ даже стихи и читаетъ ихъ своимъ подругамъ. Стихи эти, конечно, дѣтскіе. Лыжкова очень обидчива. Отъ малѣйшаго замѣчанія покраснѣетъ до ушей и слезы блеснутъ на ея глазахъ. Однажды, напр., она читала вслухъ своимъ подругамъ, но такъ скоро, что одна изъ нихъ, не будучи въ состояніи слѣдить за ея чтеніемъ, замѣтила ей объ этомъ. Лыжкова вся вспыхнула, перестала читать и надулась. Не могли потомъ упросить ее продолжать чтеніе. Въ другой разъ, находясь въ церкви, она устала и попросила у надзирательницы позволенія сѣсть (это дозволялось ученицамъ). Надзирательница сказала, что она можетъ сѣсть, но не теперь, а нѣсколько минутъ спустя, когда священникъ окончитъ чтеніе молитвы. Лыжкова покраснѣла до ушей и простояла до конца службы. Если которая-нибудь изъ подругъ ее обидитъ, она, по обыкновенію, вспыхнетъ, замолчитъ и уйдетъ; и можно навѣрное сказать, что она ушла въ свое любимое мѣсто между шкапомъ и окномъ и что она тамъ плачетъ. Наплакавшись, она до тѣхъ поръ не говоритъ съ оскорбившей ее воспитанницей, пока какой-нибудь случай снова не сведетъ ихъ.

Лыжкова любитъ подчасъ блеснуть своими знаніями, выходящими изъ предѣла того курса, который проходится въ ихъ классѣ. Такъ нерѣдко она употребляетъ въ разговорѣ вычитанныя слова, полное значеніе которыхъ можетъ быть понято только людьми

зрѣлаго возраста, или слова, заимствованныя изъ иностраннаго языка. Однажды Лыжкова присутствовала при рѣшеніи ученицами старшаго класса пиоагоровой теоремы. Она все это запомнила и потомъ долго разсказывала рѣшеніе теоремы своимъ подругамъ.

Ученіе дается легко Лыжковой. 4-хъ лѣтъ она, играя, выучила буквы, а затѣмъ, почти безъ посторонней помощи, выучилась читать и писать. Видя это, отецъ сталъ давать ей книги и нанялъ учителя для приготовленія въ гимназію. Хотя учитель и не прилагалъ особеннаго старанія при занятіяхъ съ нею, однако, она подготовилась къ поступленію въ первый классъ—и поступила.

Вотъ уже третій годъ, какъ она въ гимназіи, а разбросанность и безпорядочность въ занятіяхъ, заложенныя при начальномъ обученіи, и до сихъ поръ не изгладились въ Лыжковой.

XII.

Софія Сомина.

Сомина—дѣвочка лѣтъ 14. Она замѣтно выдѣляется изъ своихъ подругъ быстрыми переходами отъ грусти и задумчивости къ игривому настроенію духа и обратно. Иной разъ посмотришь на Сомину и прочтешь на ея лицѣ такое печальное выраженіе, что даже жаль станетъ ее. Или вдругъ она задумается такъ сильно, что положительно не видитъ и не слышитъ. что дѣлается вокругъ нея. Однажды подошла къ ней учительница и попросила дать ей записную тетрадь. Сомина ничего не слышала. Учительница повторила свою просьбу, но и тутъ отвѣта не послѣдовало. Тогда учительница тронула Сомину за плечо и сказала; «Дайте мнѣ записную тетрадь»! Сомина вскочила, какъ во снѣ, и совершенно машинально подала требуемую тетрадь. Когда потомъ учительница возвратила ее Соминой, та ничего не помнила и спросила: «Гдѣ вы нашли мою тетрадь»?

Послѣ періода грусти, тоски и задумчивости, Сомина дѣлается очень живой, подвижной. Она прыгаетъ,

смѣется, смѣшитъ своихъ сосѣдокъ, щиплетъ ихъ, поднимаетъ скамейку или столъ, обращается съ разными вопросами къ той или другой ученицѣ. Въ минуты игриваго, возбужденнаго настроенія она не можетъ посидѣть спокойно на урокѣ.

Сомина скрытна. Она ни съ кѣмъ не говоритъ о своей домашней жизни. Когда однажды помощница надзирательницы спросила у нея, гдѣ она живетъ, то, вмѣсто отвѣта, она встала и, въ свою очередь, спросила: «Можно пойти напиться воды»? Вообще, кто бы ни коснулся ея домашней обстановки, она или промолчитъ, или подъ какимъ-либо предлогомъ уйдетъ, чтобы только уклониться отъ отвѣта. На тотъ же вопросъ подруги: «Гдѣ ты живешь? хорошо ли тебѣ дома?» Сомина обыкновенно отвѣчаетъ: «Живу я тамъ, а гдѣ тамъ— сама догадайся; живу, слава Богу, понемножку».

Къ одноклассницамъ своимъ Сомина вообще относится недовѣрчиво, ни съ кѣмъ особенно не дружна и охотнѣе гуляетъ съ ученицами другихъ классовъ, чѣмъ съ ними.

Въ отношеніи старшихъ Сомина держитъ себя въ нѣкоторомъ отдаленіи, не заискиваетъ ихъ расположенія, но и не выказываетъ къ нимъ недоброжелательства. Къ учебнымъ занятіямъ она относится равнодушно, также равнодушно относится и къ своимъ балламъ за успѣхи въ наукахъ и поведеніи. Получивъ высшій баллъ, она не особенно радуется, но и не особенно груститъ, получивъ неудовлетворительный баллъ. До урока или во время свободныхъ уроковъ она не возьмется за книгу, чтобы подготовить заданное, а большею частью ничего не дѣлаетъ.

Сомина скупа. Если какая-нибудь изъ ученицъ по-

проситъ у нея бумаги или перо, или книгу, она ни за что не дастъ, подъ предлогомъ, что ей самой нужно, или что у нея нѣтъ. Она даже не позволитъ сосѣдкѣ слѣдить по ея книгѣ за тѣмъ, что читается въ классѣ. Съ прислугой Сомина обращается вѣжливо. Она никогда не приказываетъ, а всегда проситъ и потомъ благодаритъ.

XIII.

Ирина Адаменко.

Адаменко—двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, способная, обладаетъ всѣми условіями къ тому, чтобы быть хорошей ученицей; но вотъ около полугода, какъ она стала крайне неохотно, даже съ отвращеніемъ относиться къ ученію и вообще къ умственной работѣ, вслѣдствіе чего, считается одною изъ худшихъ ученицъ класса. Она предпочитаетъ иногда просто сидѣть сложа руки, чѣмъ учить уроки. Если ей сдѣлаютъ выговоръ за неприготовленіе урока, она отговаривается тѣмъ, что «учила, учила и никакъ не могла выучить»; или: «я все это время занималась ариѳметикой, а потому не успѣла приготовить урока».

Если, не взирая на ея отговорки, ее насильно заставятъ чѣмъ-нибудь заняться, она обнаруживаетъ невнимательность и старается какъ можно скорѣе отдѣлаться.

Дурныя отмѣтки на нее мало дѣйствуютъ; она уже успѣла привыкнуть къ нимъ. Однажды помощница классной надзирательницы просила ее показать билетъ, въ которомъ выставляются семестровые баллы. «На

что вамъ смотрѣть мои двойки?» отвѣчала она. «Развѣ у васъ есть двойки?» спросила помощница. «Еще бы! безъ двоекъ нельзя».

Въ минуты откровенности (что съ нею бываетъ очень рѣдко), она признается въ своемъ нежеланіи заниматься уроками, въ «своей лѣни» и сама удивляется, откуда у нея явилась неохота къ ученію. «Когда я училась въ прогимназіи (до 11-го года, а на одиннадцатомъ она поступила въ гимназію), у меня никогда не было двоекъ и единицъ, а теперь все двойки да двойки. Прежде я училась прилежно, а теперь приду домой, сяду учить урокъ— и не могу». Одна изъ надзирательницъ, очень наблюдательная личность, объясняетъ эту перемѣну въ Адаменко физіологическими причинами, такъ сказать, «переходнымъ ея состояніемъ».

Однажды, когда раздавали аттестаціонные билеты, весь классъ похвалили за прилежаніе и хорошее поведеніе, одной только Адаменко было сдѣлано замѣчаніе за лѣность. Это сильно задѣло ее и она начала горько плакать. Помощница классной надзирательницы старалась ее успокоить, говоря, что она можетъ еще исправиться и доказать, что умѣетъ такъ же хорошо учиться, какъ и другія. Она ни чего не отвѣтила и продолжала плакать. На слѣдующій день, она подошла къ этой помощницѣ и стала просить заняться съ нею изъ нѣмецкаго и французскаго языковъ. Та согласилась и съ успѣхомъ прошла съ нею цѣлый урокъ, а затѣмъ посовѣтовала ей учиться прилежнѣе. Адаменко, со слезами на глазахъ, дала обѣщаніе. Чтобы исполнить его, она нѣкоторое время боролась съ собой, но не встрѣчая ни въ комъ поддержки, снова опустилась. А про-

изошло это оттого, что учителя и учительницы не знали объ ея желаніи исправиться и относились по прежнему къ ея отвѣтамъ. Такъ, напр., Адаменко приготовила урокъ изъ географіи и хорошо отвѣтила; но учитель, считая такой отвѣтъ за случайность, поставилъ ей 3 балла. Послѣ урока, Адаменко подошла къ вышеупомянутой помощницѣ надзирательницы и говоритъ: «Теперь я никогда больше не буду готовить уроковъ: сегодня я хорошо отвѣтила, а мнѣ поставили 3; если я плохо отвѣчу, мнѣ поставятъ тѣ же 3, значитъ не стоитъ и готовить». И дѣйствительно, она на все махнула рукой и рѣшилась остаться въ классѣ на второй годъ.

Адаменко способна на неблаговидныя продѣлки. Въ пансіонѣ при гимназіи, гдѣ она живетъ, съ нею не могутъ сладить: ни просьбы, ни увѣщанія, ни наказанія—ничто на нее не дѣйствуетъ.

Иногда Адаменко прибѣгаетъ ко лжи и обману, чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій своихъ продѣлокъ. Такъ, напр., разъ случилось, что въ аттестаціонной ея тетради стояло три единицы за недѣлю. Когда классная надзирательница взяла эту тетрадь, то замѣтила чернильныя пятна на томъ мѣстѣ, гдѣ были единицы. Это показалось ей подозрительнымъ и она спросила Адаменко, откуда взялись пятна. Та отвѣчала, что капнула чернилами случайно, ужъ послѣ того, какъ начальница пансіона подписала тетрадь. Чтобы удостовѣриться въ справедливости ея словъ, надзирательница хотѣла послать справиться въ пансіонѣ, тогда Адаменко созналась, что пролила чернила нарочно, такъ какъ иначе ее не пустили бы домой.

Пяти лѣтъ Адаменко лишилась матери и осталась

на попеченіи отца, воспитательное вліяніе котораго ограничивается тѣмъ, что онъ не жалѣетъ денегъ, предоставляя другимъ вести воспитаніе дочери. Ежегодно, на каникулы, дѣвочка уѣзжаетъ къ отцу и здѣсь пользуется полной свободой. На всѣ выходки ея отецъ смотритъ сквозь пальцы, а хорошаго примѣра дома дѣвочка не видитъ, потому что постоянно находится въ обществѣ только одной прислуги.

XIV.

Анна Славина.

Славина — дѣвочка 13 лѣтъ. Здоровьемъ она обладаетъ не особенно хорошимъ, что доказывается ея впалой грудью, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и почти всегда запекшимися губами. Способности у нея посредственныя, учится она не всегда успѣшно. Нѣкоторыя приписываютъ это тому, что она лѣнива. Нѣтъ, никто не назвалъ бы ее лѣнивою, если бы видѣлъ ее дома, когда она почти все послѣобѣденное время сидитъ за приготовленіемъ уроковъ, сидитъ и вечеромъ, подперевъ руками свою бѣдную, усталую головку... Не лѣнива дѣвочка, напротивъ, она очень прилежна, но по *неумѣлости*, неразумно тратитъ свои силы, истощая ихъ непомѣрнымъ усидчивымъ трудомъ. Вотъ она хочетъ приготовить урокъ, приготовить добросовѣстно; но онъ не дается ей сразу, какъ другимъ, счастливѣе ее одареннымъ ученицамъ. Тогда она впадаетъ въ крайность: начинаетъ заучивать наизусть, не заботясь о пониманіи смысла. Такимъ образомъ, у нея развивается механическая память, приносящая одинъ лишь вредъ, такъ какъ это развитіе совершается на счетъ

другихъ умственныхъ силъ, подавляя ихъ. Славина заучиваетъ числа, годы, названія, иностранныя слова, цѣлыя мѣста изъ учебниковъ, стараясь только о томъ, чтобы запомнить урокъ, а не о томъ, чтобы понять его; все воспринятое памятью остается у нея не переработаннымъ, сырымъ матеріаломъ и мѣшаетъ дѣйствовать и безъ того уже слабымъ способностямъ. Это безтолковое зубренье обращаетъ для нея ученіе въ тяжелый трудъ. Ни она сама, ни домашніе не умѣютъ помочь тутъ. Домашніе дѣлаютъ все, что, по ихъ мнѣнію, необходимо для того, чтобы она могла заниматься успѣшно; такъ, напр., въ кабинетъ отца, гдѣ она всегда приготовляетъ уроки, никто не входитъ, чтобы не помѣшать ей; маленькихъ дѣтей не пускаютъ туда; младшая сестра занимается въ другой комнатѣ. Но этимъ и ограничиваются заботы домашнихъ о дѣвочкѣ. Никто изъ нихъ не хочетъ вникнуть въ то, что корень зла кроется въ непосильномъ трудѣ, въ неблагоразумной тратѣ силъ. За ученьемъ ея дома некому толково слѣдить; Анна готовитъ уроки — ну, и хорошо; а отчего она, несмотря на то, что такъ долго сидитъ за книгою, все-таки иногда не успѣваетъ приготовить уроковъ—этого домашніе не сообразятъ и только удивляются.

Что Славина не лѣнива, а, напротивъ, очень прилежна, доказывается еще и тѣмъ, что она не ограничивается занятіями дома, но и въ классѣ повторяетъ уроки, что она часто остается въ гимназіи на пятый урокъ, чтобы приготовиться къ завтрашнему дню. Она старается итти наравнѣ съ другими и неравнодушно относится къ ученью. Когда ей удастся отвѣтить хорошо—она видимо радуется; когда ей удастся получить

хорошую отмѣтку—она еще ревностнѣе принимается за ученіе.

Неудовлетворительныя отмѣтки бываютъ у нея (и то не всегда) только изъ математики; изо всѣхъ же остальныхъ предметовъ она рѣдко получаетъ менѣе трехъ. Но съ какимъ трудомъ даются ей и эти средніе баллы!... Ей мучительно хочется не отставать отъ подругъ, а между тѣмъ, силы часто измѣняютъ ей; непомѣрнымъ трудомъ, при неумѣньи взяться за дѣло, она уже начинаетъ разстраивать свое, и безъ того не крѣпкое, здоровье. Иногда, проведя нѣсколько часовъ за приготовленіемъ уроковъ, она съ ужасомъ видитъ, что не знаетъ ихъ такъ хорошо, какъ бы слѣдовало, и въ отчаяньи бросаетъ занятія,—чтобы снова потомъ приняться за нихъ, снова безуспѣшно тратить свои силы.

Изъ преподаваемыхъ предметовъ Славина больше всего любитъ исторію, и то потому, какъ она сама говоритъ. что «эта наука не такъ трудна». Кромѣ того, она любитъ писать что-нибудь легонькое, напримѣръ, что уже было устно разобрано въ классѣ, затѣмъ, повторять старое,—потому, конечно, что это дается ей съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ новое.

Славина никогда почти не бываетъ увѣрена въ своихъ знаніяхъ, всегда боится сдѣлать какой-нибудь промахъ, который вызоветъ насмѣшки подругъ или замѣчаніе со стороны старшихъ. А она очень впечатлительна. То, на что другія воспитанницы не обращаютъ почти вниманія, на нее сильно дѣйствуетъ. Вотъ причина ея постоянной робости, неловкости, застѣнчивости. Иногда въ классѣ она не отвѣчаетъ на самые легкіе вопросы изъ-за того, что не увѣрена въ себѣ и боится

неумѣстнымъ отвѣтомъ вызвать неудовольствіе преподавателя или насмѣшки подругъ.

Случается, что въ перемѣну Славина сидитъ одна на скамейкѣ,—не потому, чтобы ей вовсе не хотѣлось пройтись по залѣ, а только потому, что ея сосѣдка Фазина куда-то ушла. Если классная надзирательница спроситъ, почему она сидитъ,—Славина отвѣтитъ: «Фазиной нѣтъ, съ кѣмъ же я пойду?» Кромѣ Фазиной, она ни къ одной изъ подругъ не подойдетъ: боится, чтобы та не отказалась ходить съ нею.

Въ классѣ, во время урока, Славина сидитъ смирно, слушаетъ внимательно. Она рѣдко разговариваетъ и смѣется до прихода въ классъ учителя, а большей частью повторяетъ про себя урокъ. Но предъ такими уроками, какъ, напр., рисованье, рукодѣлье, она вполнѣ довольна выпавшимъ на ея долю свободнымъ временемъ и нѣсколько одушевляется: начинаетъ болтать, подчасъ даже весело смѣется. Она не отличается ни живымъ воображеніемъ, ни остроуміемъ, ни находчивостью. Да и немудрено: слабыя отъ природы душевныя силы дѣвочки развѣ могли развиться какъ слѣдуетъ, когда на счетъ остальныхъ своихъ способностей она развивала въ себѣ одну только *механическую память?* Откуда взяться остроумію, находчивости при той застѣнчивости, которою она отличается и которая часто заставляетъ ее подавлять въ себѣ даже самые благородные порывы, не даетъ обнаружиться самымъ лучшимъ сторонамъ характера?

Славина очень добра: она всегда готова помочь подругамъ, чѣмъ только можетъ. Передъ урокомъ математики, которая составляетъ для нея самый трудный предметъ, она ужасно труситъ и, по выраженію одно-

классницъ, «сидитъ, уткнувшись носомъ въ книгу». Но и въ такія минуты, она никогда не откажетъ подругѣ, ежели та обратится къ ней съ какой-нибудь просьбой.

Ко всѣмъ ученицамъ своего класса Славина относится дружелюбно, и если не сближается со многими изъ нихъ, то единственно, вслѣдствіе своей робости и застѣнчивости. Она не безучастно относится также и къ чужому горю. Если увидитъ, что которая - нибудь изъ подругъ плачетъ въ перемѣну, получивъ дурную отмѣтку, она подойдетъ къ ней и начнетъ утѣшать, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда около плачущей соберутся другія ученицы. У одной дѣвочки уѣхала мать. Придя въ классъ, она сильно затосковала, просто, мѣста не находила. Во время уроковъ, она сидѣла, не сознавая, повидимому, что происходитъ вокругъ. Въ перемѣну она не ушла изъ класса, а подошла къ окну, да такъ и осталась тутъ, какъ прикованная. Славина была дежурной.—«Чего ты грустишь? Не плачь; вѣдь, мамаша твоя вернется же когда - нибудь, или ты на каникулы къ ней поѣдешь», – попробовала она утѣшить подругу. Но та заплакала еще сильнѣе. Славина замолчала; она поняла, что никакія утѣшенія тутъ не помогутъ, и что напоминая о матери, она только больше волнуетъ дѣвочку. Но ей такъ было жаль бѣдняжку, что она весь этотъ день думала о ней. Славина способна сильно привязываться, особенно, къ дѣтямъ моложе себя. Такъ, напр., она горячо полюбила свою младшую сестру (отъ другой матери). Нужно видѣть, какъ ласково, заботливо обращается она съ нею, какъ старается доставить ей удовольствіе, съ какимъ наслажденіемъ принимаетъ порывистыя ласки сестренки!

Къ учителямъ, учительницамъ и вообще къ старшимъ Славина относится съ уваженіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются особеннымъ ея расположеніемъ и она изо всѣхъ силъ старается, чтобы тѣ были ею довольны. Велика бываетъ ея радость, когда кто-нибудь изъ нихъ похвалитъ ее. Такъ и вспыхнетъ вся отъ удовольствія.

Свои учебныя принадлежности, какъ-то: книги, тетради, она держитъ въ большомъ порядкѣ. Но нельзя того же сказать относительно одежды. На нее она мало обращаетъ вниманія. Разорветъ платье или передникъ -да такъ и ходитъ, пока ей не замѣтятъ этого.

XV.

Марфа Думпфъ.

Думпфъ — дѣвочка лѣтъ 12, худенькая, блѣдная, иногда кашляетъ, но при всемъ томъ рѣдко бываетъ настолько больна, чтобы не ходить въ классъ, и очень аккуратно посѣщаетъ уроки.

Она принадлежитъ къ такъ называемымъ «тупымъ», по своимъ способностямъ, дѣтямъ, съ большимъ трудомъ можетъ что-нибудь запомнить и скоро забываетъ. Когда нужно выучить французскія или нѣмецкія слова, она, послѣ продолжительнаго твержения, запоминаетъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ книгѣ, и если учительница начнетъ спрашивать ихъ въ разбивку, то дѣвочка путаетъ, вмѣсто одного слова говоритъ другое.

Сообразительности у Думпфъ тоже очень мало. вслѣдствіе чего, она особенно плохо успѣваетъ въ тѣхъ предметахъ, гдѣ требуется дѣятельность мышленія, смѣтливость. Для примѣра приведемъ хоть слѣдующіе случаи. Учительница занимается съ Думпфъ ариѳметикой и спрашиваетъ ее: «Сколько нужно заплатить за 45 яблокъ, если одно яблоко стоитъ 2 коп.?» Думпфъ молчитъ. «Ну, вотъ вы приходите въ лавку, разъясняетъ учительница, чтобы купить 5 яблокъ и спрашиваете: сколько стоитъ одно яблоко? Вамъ отвѣчаютъ: 2 коп. Что же, вы возьмете 5 яблокъ и заплатите за нихъ только 2 коп.?» — Тутъ Думпфъ смекнула, въ чемъ дѣло и говоритъ: «Я заплачу въ 5 разъ

больше 2-хъ коп.» «Хорошо, а если вы покупаете не 5, а 45 яблокъ, во сколько же разъ вы заплатите больше 2-хъ коп.?»—«Въ 45 разъ».—«Что же нужно сдѣлать, чтобы узнать, сколько стоятъ 45 яблокъ?»—«Нужно 2 взять 45 разъ».—«Сколько получится?»—«90». Учительница очень довольна, воображая, что Думпфъ поняла рѣшеніе задачи, и чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, снова спросила: «Что же вы узнали, умноживши 2 на 45?» *«Я узнала, сколько было яблокъ»*, отвѣтила Думпфъ. Въ другой разъ учительница географіи, обстоятельно разъяснивъ въ классѣ урокъ, предложила ученицамъ письменно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: Что называется земною осью? Какъ называются концы земной оси? Какой кругъ называется меридіаномъ? Какой кругъ называется экваторомъ? Думпфъ написала слѣдующее: «земною осью называется земля, вертящаяся вокругъ солнца. Концы земной оси называются сѣверными и южными концами. Меридіаномъ называется кругъ полярнаго круга. Экваторомъ называется кругъ противъ рака и козерога».

Думпфъ постоянно корпитъ надъ книжкой, постоянно учитъ уроки. Придетъ въ классъ, сядетъ на свое мѣсто—и сейчасъ же за книгу. Во время урока, она держитъ себя очень тихо; не было случая, чтобы Думпфъ нарушила классную дисциплину. Къ старшимъ она относится какъ-то подобострастно, боязливо, всѣхъ хочетъ задобрить, всѣхъ хочетъ расположить къ себѣ. Къ подругамъ же относится равнодушно. Есть, впрочемъ, только одна дѣвочка, одноклассница, которую Думпфъ особенно любитъ.

XVI.

Анна Сварова.

Природа надѣлила Сварову довольно хорошими способностями и довольно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Но окружающія ее дома лица и, въ особенности, мать оказали неблагопріятное вліяніе на развитіе ея характера.

Мать Анны Сваровой—мѣщанка, не имѣетъ опредѣленныхъ занятій и кормится преимущественно подаяніемъ, прибѣгая для полученія его къ всевозможнымъ продѣлкамъ. Отъ нея-то, главнымъ образомъ, дѣвочка и позаимствовала нѣкоторыя непривлекательныя качества.

Когда Аннѣ Сваровой было семь лѣтъ, одна женщина, занимавшаяся обученіемъ дѣтей, предложила ея матери посылать дѣвочку къ ней въ школу. У этой женщины Анна Сварова научилась грамотѣ.

Мать Анны Сваровой не разъ слышала, что ея дочь способна и если бы ее отдать въ гимназію, то она могла бы окончить курсъ и получить мѣсто учительницы. Желаніе видѣть свою дочь учительницей, получающей жалованіе, прельстило мать и она стала упрашивать знакомыхъ благодѣтелей объ опредѣленіи ея дочери въ гимназію. «Лишь бы приняли въ заведеніе, а тамъ ужъ выведутъ Анюту въ люди», думала Сварова.

Дѣвочку приняли въ гимназію и она ходитъ туда уже около двухъ лѣтъ.

Будучи женщиной совершенно необразованной и даже вздорной, мать обращалась дома съ дочерью крайне неровно: то била и бранила ее самымъ грубымъ образомъ, то баловала и ласкала безъ толку. Но такое обращеніе, повидимому, не имѣло слишкомъ большого вліянія на характеръ дѣвочки. Какъ всѣ здоровыя, довольно способныя и живыя дѣти, Анна Сварова всегда весела, разговорчива, особенно, находясь между своими подругами. Каждое ея движеніе дышетъ жизнью. Рѣдко можно видѣть ее грустной. Ничто, кажется, не портитъ ея веселаго настроенія: ни мысль о будущемъ, ни сознаніе своего непригляднаго настоящаго.

Другія обстоятельства оказывали вредное вліяніе на дѣвочку. Нѣсколько сценъ покажутъ, въ чемъ именно заключалось это вредное вліяніе.

Пришла къ матери Сваровой въ гости ея знакомая. Нечего было подать къ чаю. Мать потребовала, чтобы дочь отправилась къ кому-нибудь изъ сосѣдей и выпросила чего-нибудь. Итти въ чужой домъ съ просьбой одолжить чего-нибудь къ чаю, дѣвочкѣ показалось стыдно; она не пошла, стала плакать. Мать настойчиво требовала, чтобы она ее послушалась и насильно прогнала ее. Дѣвочка принуждена была пойти. Или, напримѣръ, у Анюты нѣтъ бумаги, ей не изъ чего сшить себѣ тетрадь. Мать кричитъ: «Ступай, попроси бумаги у Л. или у К.!» Боясь угрозъ и даже побоевъ, дѣвочка идетъ и проситъ. Если она мало принесетъ, мать не удовлетворяется и снова гонитъ ее попрошайничать. «Иди! тебѣ дали только на одну тетрадь, изъ чего ты сошьешь другую?»

Подобнаго рода сцены до такой степени притупили

въ дѣвочкѣ естественное чувство стыда при попрошайствѣ, что она, въ настоящее время, безъ особаго стѣсненія идетъ и проситъ у чужихъ людей то, что ей нужно. «Ты будешь на балу?»—спросила она однажды свою подругу.—«Не буду».—«Почему»?—«Да у меня нѣтъ хорошаго платья, а купить не на что».—«А ты попроси у кого-нибудь, тебѣ подарятъ».—«Какъ же я пойду просить у чужихъ? Вѣдь, стыдно»!—«Вотъ тебѣ-на! стыдно! Коли мнѣ что нужно—я непремѣнно попрошу».

Подъ диктовку матери Анна Сварова часто писала просительныя письма, съ которыми мать обращалась то къ тому, то къ другому высокопоставленному лицу. Письма эти болѣе чѣмъ на половину были лживыя. Впослѣдствіи, дѣвочка стала сама собой составлять такого рода прошенія. Напишетъ самое жалобное, самое трогательное письмо, наговоритъ въ немъ много лестнаго лицу, къ которому письмо адресовано, и отнесетъ его. Передавъ письмо прислугѣ, она попроситъ доложить, что за отвѣтомъ явится черезъ часъ или два. Въ назначенное время, она приходитъ опять и, обыкновенно. такъ искусно ведетъ дѣло, что рѣдко встрѣчаетъ отказъ. Однажды она выкинула такую штуку. На репетиціи по ариѳметикѣ предложено было ученицамъ письменно рѣшить задачу. Сварова не съумѣла рѣшить ее и получила неудовлетворительную отмѣтку. Не долго думая, она вырвала изъ тетради поллиста и написала къ начальнику заведенія письмо, въ которомъ жаловалась, что учитель за что-то ее преслѣдуетъ, что онъ нарочно подобралъ такую задачу, рѣшеніе которой только ей одной не было извѣстно, всѣмъ же остальнымъ ученицамъ оно было сообщено заранѣе. Въ концѣ своего

письма она просила, чтобы начальникъ заведенія приказалъ учителю измѣнить поставленную ей дурную отмѣтку...

Несмотря на привычку къ попрошайничеству, Сварова, разговаривая съ подругами, отъ которыхъ не разсчитываетъ получить что-нибудь, нерѣдко старается выставить свою жизнь и свою домашнюю обстановку въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Какъ, напримѣръ, однажды она разсказывала своимъ подругамъ: «Въ воскресенье я была въ гостяхъ у губернатора. Прислали за мной карету. Я, конечно, начала скорѣе одѣваться, надѣла новое платье и поѣхала. Играла тамъ. Сколько у Кати (дочь губернатора) игрушекъ! Прелесть какія! Навѣрное у васъ нѣтъ такихъ. Я видѣла у нея одинъ волшебный домикъ; начнешь его вертѣть за ручку—изъ него появляются дамы въ костюмахъ: американскихъ, англійскихъ, турецкихъ, японскихъ, итальянскихъ и т. п. А если начнешь вертѣть его за другую ручку—сейчасъ выскочатъ разныя животныя и птицы, какія только есть на божьемъ свѣтѣ. Я пробыла у нихъ съ 10-ти часовъ утра до 8 вечера. Только начну собираться, мнѣ и говорятъ: «Анюта, да посидите, что вамъ дома-то дѣлать? Развѣ вамъ у насъ скучно?»... Каждый праздникъ теперь за мной будутъ присылать карету». Въ другой разъ она говорила подругамъ: «Какой хорошенькой матеріи мнѣ подарила мадамъ С. (высокопоставленная дама въ городѣ). Да еще золотое кольцо съ небольшимъ брильянтикомъ».—«Развѣ она тебя знаетъ? Развѣ ты къ ней ходишь?» спросила одна изъ слушавшихъ ее подругъ.—«Еще бы! Когда мы жили въ городѣ Г., она была короткой нашей знакомой. Мама почти еже-

дневно у нея бывала, а она у насъ. У насъ тогда было два каменныхъ дома — большіе-пребольшіе! больше, чѣмъ у П. (купца); особенно, я одинъ очень любила: такой хорошенькій, съ балкономъ. Въ этомъ мы сами жили, а другой отдавали въ наймы С. Конечно, мы съ нею почти не разставались. Мы и теперь остались такими же друзьями, только рѣже видимся». Или вотъ еще что она разсказывала: будто въ Петербургѣ у нея есть дядя, который занимаетъ очень важное мѣсто, бываетъ на всѣхъ парадахъ, часто разговариваетъ съ министрами. Заговоривши о своемъ мнимомъ дядѣ, Сварова пускалась въ подробныя описанія, какъ живутъ въ Петербургѣ, какъ тамъ веселятся, какъ встрѣчаютъ посланниковъ или иностранныхъ государей, какъ палятъ изъ пушекъ и т. д.

Благодаря ея живому разсказу, подруги слушаютъ ее съ интересомъ, хотя и знаютъ, что въ ея словахъ нѣтъ и тѣни правды. Если же кто-нибудь изъ слушающихъ перебьетъ ее и скажетъ, что въ ея разсказѣ то-то и то-то выдумано, она примется увѣрять, что говоритъ сущую правду. Даже въ томъ случаѣ, когда ей представятъ ясныя доказательства ея лжи, она съумѣетъ вывернуться.

Анна Сварова очень занята своею наружностью. Въ ней невольно проявляется желаніе узнать, какой цвѣтъ платья къ ней лучше идетъ, какая прическа ей къ лицу. «Развѣ правда, что ко мнѣ розовый цвѣтъ больше идетъ, чѣмъ голубой? Вѣдь, я брюнетка, а къ брюнеткамъ лучше идетъ голубой, чѣмъ розовый». Въ гимназіи она сіяетъ отъ удовольствія, если ей удастся надѣть розовенькій или голубенькій бантикъ, чье-нибудь кольцо или браслетъ. Иногда ее

можно видѣть даже нарумяненной. Однажды помощница классной надзирательницы спросила ее: «Сварова, отчего вы сегодня такая розовая?» Сначала она какъ-будто немного сконфузилась, но вскорѣ нашлась и отвѣтила: «Отъ вѣтру, должно быть, или отъ красныхъ чернилъ: я сегодня все утро писала красными чернилами». Иногда Сварова приноситъ съ собой въ гимназію въ карманѣ зеркальце. При всякомъ удобномъ случаѣ, она вынимаетъ его и смотрится. Одна изъ подругъ спросила ее: «Зачѣмъ это ты принесла зеркало?» — «Я принесла зеркало? И тебѣ не стыдно такъ врать?»—«Да, вѣдь, мы видѣли, какъ ты причесывала волосы и смотрѣлась въ зеркало, а сейчасъ вотъ положила его въ карманъ... Ахъ, ты кокетка!»

Лестью и угожденіемъ Сварова старается расположить къ себѣ своихъ подругъ и, затѣмъ, безсовѣстно эксплоатируетъ ихъ. Сообразила она, напримѣръ, что очень выгодно сблизиться съ ученицей В., живущей недалеко отъ ея квартиры, и принялась такъ ухаживать за этой дѣвочкой, что та стала дѣлиться съ нею завтраками, бумагой, карандашами и другими учебными принадлежностями и, наконецъ, предложила возить ее въ гимназію и обратно въ своемъ экипажѣ. Этого только и добивалась Сварова, объ этомъ она давно уже мечтала. Однажды, по окончаніи уроковъ, она, вмѣстѣ съ В., вышла на крыльцо, чтобы ѣхать домой. На этотъ разъ экипажа у крыльца не оказалось, кучеръ запоздалъ. Сварова и говоритъ своей подругѣ укоризненнымъ тономъ: «Я, право, не понимаю, какъ можно терпѣть такую неисправность! Ты должна приказать, чтобы за нами во-время присылали лошадь. Вотъ теперь приходится, по твоей милости, итти пѣшкомъ!»

Сварова не прочь иногда посмѣяться надъ той или другой изъ своихъ подругъ, особенно, надъ тѣми, отъ которыхъ она не ожидаетъ никакой подачки. Такъ, напримѣръ, одна ученица не могла выговорить букву *р*. Сварова обратилась къ ней съ вопросомъ: «Что такое ты вчера сказала: на горахъ Араратскихъ?... ахъ, забыла дальше... повтори пожалуйста!» Простодушной дѣвочкѣ и въ голову не пришло, что Сварова намѣрена посмѣяться надъ нею. «На горахъ Араратскихъ дрались три барана», проговорила она, картавя. Прочія воспитанницы расхохотались, а Сваровой только это и нужно было. Въ другой разъ она замѣтила, что ученица Л. особенно боялась учителя ариѳметики; она подошла къ ней и говоритъ: «Какъ это ты не струсила, когда тебя вызвалъ К.? Я бы непремѣнно струсила и не отвѣтила бы ни одного слова». И въ тонѣ голоса, и въ самомъ вопросѣ Сваровой ясно звучала насмѣшка.

Къ учебнымъ занятіямъ Сварова относится не особенно охотно, вслѣдствіе чего, несмотря на свои хорошія способности, учится только посредственно. Она ходитъ въ гимназію и готовитъ уроки единственно потому, что отъ нея требуютъ того и другого.

Выговоры, дѣлаемые иногда начальствомъ за неисполненіе классныхъ работъ или за нарушеніе гимназическихъ правилъ Сварова принимаетъ довольно равнодушно. Ежели ей скажутъ подруги: «Какъ тебѣ не стыдно получать каждый день замѣчанія изъ-за тетрадей?»—она обыкновенно отвѣчаетъ: «Что-жъ тутъ стыдиться? Вѣдь, отъ замѣчаній со мной ничего не сдѣлается».

XVII.

Зинаида Видина.

Зинаида Видина — здоровая, крѣпкая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сангвиническаго темперамента, съ пріятнымъ румянцемъ на смугломъ лицѣ, съ быстро бѣгающими темными глазами.

Въ ея характерѣ есть черты крайне непривлекательныя.

«Видина — ужасная вруша», говорятъ про нее подруги. И дѣйствительно, ложь какъ будто сроднилась съ нею. Ко лжи она прибѣгаетъ во всѣхъ случаяхъ: и при желаніи получить что-нибудь, и при жалобѣ на другихъ, и при оправдываніи себя, если ее обвиняютъ въ чемъ-нибудь, и при желаніи скрыть свои шалости, и при желаніи хвастнуть чѣмъ-нибудь передъ другими, и т. д.

Однажды надзирательница, услыхавъ шумъ въ классѣ, вошла туда. Ей бросились въ глаза большія бѣлыя пятна на полу; очевидно было, что кто-то натеръ себѣ мѣломъ подошвы башмаковъ и прогуливался по комнатѣ при громкомъ хохотѣ и крикахъ ученицъ. На вопросъ надзирательницы, чья это выдумка, дѣвочки единогласно отвѣчали, что это сдѣлала Видина. Та мигомъ очутилась передъ надзирательницей, посмотрѣла ей прямо въ глаза, и въ удо-

стовѣреніе своей невинности, съ улыбкой показала свои чистыя подошвы. Цѣлый градъ упрековъ со стороны подругъ посыпался тогда на Видину. Всѣ заявили, что она сію минуту вытерла себѣ за печкой обѣ подошвы бумагой. Бумага была найдена; но Видина, вспыхнувъ, продолжала доказывать, что она не ходила по классу и не трогала мѣла.

При сдачѣ урочныхъ работъ, Видина постоянно обманываетъ учительницъ и надзирательницъ. Письменныя, напримѣръ, уроки она почти всегда списываетъ у подругъ и всякій разъ увѣряетъ, что самостоятельно исполнила работу. Если ее вызовутъ писать на классной доскѣ, то и тутъ она старается заглянуть на другую доску, гдѣ, въ это время, пишетъ то же самое ея подруга. При исполненіи письменной работы въ классѣ, она постоянно заглядываетъ въ тетради сосѣдокъ. Когда она отвѣчаетъ урокъ, то норовитъ заглянуть въ книгу, для чего ужасно коситъ глаза. Она ни мало не конфузится, если учительница замѣтитъ ея продѣлки, и силится всячески оправдаться, увѣряя, что той показалось, будто она списываетъ или заглядываетъ въ книгу. Если учительница французскаго или нѣмецкаго языка, вызвавъ Видину переводить, найдетъ у нея въ книгѣ листокъ съ готовымъ уже переводомъ, съ котораго она читаетъ, Видина начнетъ божиться, что этотъ листокъ попалъ къ ней случайно, что она даже и не видала его. Учительницы требуютъ, чтобы ученицы заранѣе разлиновывали свои тетради дома. У Видиной онѣ почти никогда не бываютъ разлинованы, а если придется писать, то она тутъ же, въ классѣ, начнетъ линовать свою тетрадь за спиной сосѣдки или въ ящикѣ стола. Если ей за-

дадуъ какой-нибудь вопросъ въ то время, когда она вовсе не слушала урока или болтала съ сосѣдкой, она нисколько не смутится, наморщитъ лобъ, дѣлая видъ, что вдумывается въ вопросъ, и начинаетъ шевелить губами, будто что-то соображая, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, она не только ничего не соображаетъ, но даже не знаетъ, къ чему относится предложенный вопросъ. Иногда она выпачкаетъ себѣ руку чернилами и говоритъ, что обожгла ее и потому не можетъ писать. Случается также, что она подписываетъ свою записную тетрадь, вмѣсто бабушки и увѣряетъ, что подписала сама бабушка. Но однажды она сдѣлала ошибку въ подписи, чѣмъ возбудила подозрѣніе въ надзирательницѣ. Однако, Видина упорно стояла на томъ, что тетрадь подписана самой бабушкой. Когда начальница гимназіи объявила, что пошлетъ за справкой къ бабушкѣ, Видина смутилась, но потомъ тотчасъ же сообразила, что она вернется домой раньше, чѣмъ получится тамъ тетрадь, и успѣетъ упросить бабушку скрыть ея обманъ; хитрая дѣвочка успокоилась и попрежнему утверждала, что подпись сдѣлана бабушкой. Расчетъ ея оказался вѣренъ: бабушка не выдала своей внучки.

Кромѣ лживости, Видина не чиста и на руку. Когда ей понравится какая-нибудь вещь у подруги, она ее непремѣнно стащитъ, если не удастся выпросить. Подруги нерѣдко отнимали у Видиной свои вещи, при чемъ та далеко не выказывала того смущенія, какого можно бы ожидать отъ дѣвочки ея лѣтъ.

Далѣе, Видина крайне неряшлива. Она постоянно ходитъ растрепанная, неумытая, грязная, въ запачканномъ платьѣ и воротничкахъ. Подруги иногда под-

труниваютъ надъ ея неряшливостью. «Видина, говорятъ онѣ съ насмѣшкой, четыре раза *въ мѣсяцъ* умывается и всякій разъ заграничнымъ мыломъ, потому-то она всегда такая и чистенькая; а воротнички ея отъ того бѣлы, какъ снѣгъ, что моются въ Парижѣ».

Не менѣе неряшливо держитъ она свои книги и тетради; онѣ у нея вѣчно облиты чернилами и изорваны.

Къ учебнымъ занятіямъ Видина относится небрежно, вслѣдствіе чего, она, при довольно хорошихъ способностяхъ, не отличается большими успѣхами.

Мало интересуясь учебными занятіями, Видина рѣдко слѣдитъ за ходомъ классной работы и, большею частью, развлекается чѣмъ-нибудь постороннимъ: то чертитъ карандашомъ разныя фигурки на столѣ, то играетъ по немъ пальцами, какъ на роялѣ, то собираетъ складочками свой передникъ, то болтаетъ.

Несмотря на всѣ эти дурныя качества, у Видиной есть и хорошія черты. Она дѣвочка сострадательная и нерѣдко дѣлится съ подругами, особенно съ бѣдными, всѣмъ, что имѣетъ. Кромѣ того, она въ состояніи сильно привязаться къ тѣмъ, кто съумѣетъ привлечь къ себѣ ея расположеніе, очень религіозна, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень суевѣрна. Она, напр., съ благоговѣніемъ переписываетъ апокрифъ «Сонъ Богородицы» и «Молитву Св. Симеону», и то и другое носитъ на шеѣ, на крестѣ, такъ какъ вѣритъ, что этимъ она спасетъ себя отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Она и подругамъ своимъ совѣтуетъ списать «Сонъ» и «Молитву» и носить на шеѣ. «Тогда, говоритъ, и учитель не вызоветъ, если ты не знаешь

урока, и надзирательница ничего не замѣтитъ, чтобы ты ни сдѣлала».

Главное вліяніе на развитіе дурныхъ чертъ характера Видиной имѣли окружающія ее лица и вообще домашняя ея обстановка. А обстановка эта вотъ какая.

Однажды классная надзирательница, желая поговорить съ родными Видиной относительно нѣкоторыхъ дурныхъ ея свойствъ, отправилась къ бабушкѣ, у которой дѣвочка жила. Войдя въ домъ, она увидѣла слѣдующую картину: на грязномъ, покоробившемся полу стояла въ безпорядкѣ изломанная мебель въ чехлахъ, покрытыхъ слоемъ пыли; на диванѣ лежалъ какой-то господинъ и сердито ворчалъ что-то. Зина Видина, въ истрепанномъ платьѣ, сидѣла, сложа руки, у печки, съ явнымъ выраженіемъ досады на лицѣ. Изъ другой комнаты, откуда неслась сквернѣйшая брань, вышла женщина съ обрюзглымъ лицомъ, въ грязной оборванной блузѣ и съ нечесанной головой. Это была бабушка Видиной. Она-то, главнымъ образомъ, и испортила дѣвочку. Лишившись рано матери, Зина поступила къ бабушкѣ, которая, какъ женщина вполнѣ необразованная, не придерживалась, конечно, въ дѣлѣ воспитанія внучки никакой системы: она то баловала ее и потакала всѣмъ шалостямъ, то наказывала розгами за все и про все. Случалось такъ, что вдругъ она разсердится за что-нибудь на дѣвочку, велитъ принести розогъ и начнетъ сѣчь ее. Та закричитъ благимъ матомъ; тутъ старуха не выдержитъ, разжалобится, примется сама плакать, цѣловать внучку и просить у ней прощенія. Дѣвочка ободрится и начнетъ въ свою очередь, ругать и упрекать бабушку.

Заливаясь слезами, старуха обѣщаетъ больше не наказывать ее розгами, но обѣщаніе это, обыкновенно, забывается и при первой вспышкѣ повторяется прежняя сцена.

Не видя хорошаго примѣра ни въ бабушкѣ, ни въ другихъ лицахъ, живущихъ съ нею, Видина, весьма естественно, все болѣе и болѣе портится.

Бабушка внушила дѣвочкѣ превратное понятіе о гимназіи, объ учителяхъ и учительницахъ. Каждый разъ, когда Зина пожалуется, что надзирательница и учительницы дѣлаютъ ей замѣчанія за лѣнь и дурное поведеніе, бабушка, вмѣсто того, чтобы принять благоразумныя мѣры къ исправленію дѣвочки, начнетъ бранить въ ея присутствіи всѣхъ надзирательницъ и учительницъ, говоря, что онѣ сами ничего не знаютъ и «придираются» къ ея внучкѣ.

XVIII.

Варвара Лабина.

Девятилѣтняя дѣвочка Лабина, ученица приготовительнаго класса гимназіи – дочь актера бѣдной провинціальной труппы. Она обладаетъ живымъ, впечатлительнымъ темпераментомъ и, какъ всѣ живыя дѣти, не можетъ сидѣть спокойно, если не увлечена какимъ-нибудь дѣломъ. Она бѣгаетъ, прыгаетъ, интересуется всѣмъ, что для нея ново. Однажды, желая узнать, что дѣлается на чердакѣ гимназіи, она забралась туда по узенькой, крутой, темной лѣстницѣ, хотя рисковала упасть и разшибиться.

Варя обладаетъ очень хорошею памятью. Ей стоитъ только разъ или два прочитать какое-нибудь доступное дѣтямъ стихотвореніе, чтобы знать его наизусть. Но, несмотря на такую память, она учится не очень хорошо, вслѣдствіе слабой подготовки, съ которой поступила въ приготовительный классъ. Сама дѣвочка иначе объясняетъ свою малоуспѣшность. «Отчего вы такъ плохо учитесь»? спросила ее воспитанница старшаго класса. «Отъ лѣнй», отвѣчала Лабина, произнося это слово тономъ своей матери. «Плохо, Лабина, что

у васъ такія дурныя отмѣтки», сказала ей въ другой разъ одна знакомая дама. «Отчего плохо? вѣдь единицы да нули меня не съѣдятъ, бояться ихъ нечего, а дома меня за нихъ бранить не станутъ».

Въ дѣтскихъ играхъ Лабина, большею частью, бываетъ руководительницей. Такъ, напр., въ свободные отъ уроковъ часы, она и двѣ ея подруги сговорятся играть въ «учительницы». Лабина распредѣляетъ роли: себѣ беретъ роль учительницы, а подругамъ даетъ роли ученицъ, причемъ одна изъ нихъ должна представлять дочь губернатора.—Начинается игра. Выходитъ Лабина изъ другой комнаты, принявъ видъ и осанку наставницы. «Что теперь дѣлаетъ вашъ отецъ»? спрашиваетъ она начальническимъ тономъ мнимую дочь губернатора. «Онъ на службѣ», отвѣчаетъ та. «Нужно отвѣтить: бумаги подписываетъ и чиновниковъ распекаетъ», подсказываетъ Лабина.

Главная мечта Лабиной—поскорѣе вырасти и поступить въ актрисы. «Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть большой и играть на сценѣ! Такъ пріятно вытти передъ публикой въ блестящемъ костюмѣ: на тебя всѣ смотрятъ, а ты, въ это время, что-нибудь подъ музыку поешь»!

Лабина отличается неопрятностью и неряшливостью волосы ея очень часто не причесаны, руки грязны, платье испачкано. Но при всемъ томъ, она иногда любитъ и принарядиться: надѣнетъ свое лучшее платье и охорашивается передъ зеркаломъ, подражая той или другой знакомой ей актрисѣ. Разъ она говоритъ старшей ученицѣ: «Знаете, я вчера была въ гостяхъ и была очень интересна; на мнѣ было бѣлое платье съ

голубыми лентами, а такъ-какъ я блондинка, то ко мнѣ это очень шло».

Иногда, не желая заниматься уроками, она употребляетъ всевозможныя средства, чтобы отвлечь вниманіе учительницы отъ предмета преподаванія и направить его на что-нибудь постороннее: то она нарочно отвѣчаетъ невпопадъ, то старается дать смѣшной отвѣтъ, то предлагаетъ учительницѣ совершенно посторонніе вопросы. А иногда она повяжетъ голову платкомъ и говоритъ: «вчера со мной былъ обморокъ, а сегодня у меня мигрень».

Въ манерахъ и словахъ Лабиной часто появляется афектація, театральность, видимо, изъ подражанія взрослымъ. Эта, въ сущности, послушная и уступчивая дѣвочка, напускаетъ иногда на себя такіе капризы и упрямство, что можно подумать, съ ней сладу нѣтъ. А между тѣмъ, стоитъ только молча выждать нѣсколько минутъ, и она непремѣнно выполнитъ все, что отъ нея требуютъ. Или вдругъ Лабиной придетъ въ голову показать видъ, что ее разсердила какая-нибудь изъ подругъ; начнетъ разыгрывать роль угрюмой, молчаливой, разгнѣванной или огорченной. На самомъ же дѣлѣ, она не чувствуетъ ни огорченія, ни гнѣва, и не пройдетъ полчаса, какъ она примется играть съ той самой подругой, на которую разгнѣвалась.

Лабина не прочь блеснуть остроуміемъ, заимствованнымъ, конечно, отъ взрослыхъ. Такъ, напр., когда одна ученица, увидавъ лысаго человѣка, спросила: «отчего это бываютъ люди съ лысиной»? Лабина отвѣтила съ ироніей: «съ лысиной бываютъ или отъ великаго ума, или отъ великой глупости». Передъ нѣкоторыми изъ своихъ подругъ или старшихъ Лабина

нерѣдко разсыпается въ любезностяхъ и нѣжностяхъ, не чувствуя къ нимъ ни малѣйшей привязанности. Особенно расточаетъ она свою любезность передъ тѣми, отъ кого получитъ какой-нибудь подарокъ. Въ такихъ случаяхъ она, обыкновенно, говоритъ: «Ахъ, какъ я васъ люблю! Право, больше всѣхъ; ну, никого такъ не люблю, какъ васъ»!

Она не прочь также изъ любезности и услужить не только кому-нибудь изъ старшихъ, но даже и подругѣ. Уронила, напр., одна изъ нихъ карандашъ, Лабина вскакиваетъ, поднимаетъ его и подаетъ уронившей. «Зачѣмъ это вы дѣлаете? Развѣ она сама не могла бы поднять»! спросила Лабину помощница надзирательницы. «Затѣмъ, что я не желаю, чтобы она наклонялась», отвѣтила Лабина съ заискивающей улыбкой.

Несмотря на то, что Лабина далеко не изъ лучшихъ ученицъ въ классѣ, у нея проявляются нерѣдко выходки самомнѣнія. Такъ, однажды она подходитъ къ воспитанницѣ Ш. и говоритъ: «Дай мнѣ «Родное Слово»; я свое забыла дома и теперь мнѣ не по чемъ учить»! Ш. на это отвѣтила: «я сама учу, подожди»! «Ну, вотъ еще, давай скорѣе»! Услыхавъ такое рѣзкое требованіе, помощница надзирательницы замѣтила: «Если бы у тебя кто потребовалъ книгу, ты дала бы»? «Ни за что»! «Почему же ты позволяешь себѣ такое невѣжливое обращеніе съ Ш.»? «Потому что я бойкая и она должна мнѣ повиноваться».

Въ другой разъ, когда дѣвочки перваго класса вошли въ комнату, гдѣ, вмѣстѣ съ другими ученицами, занималась и Лабина, послѣдняя сказала имъ: «За-

чѣмъ вы сюда пришли? Вѣдь, вы тутъ ничего не въ состояніи понять! такъ убирайтесь же, противныя»!

Чтобы заставить Лабину прилежнѣе заняться чѣмъ-нибудь, нужно только сказать ей: «вотъ стыдно-то будетъ, если Р. прежде тебя выучитъ урокъ»!

Лабина нерѣдко дѣлаетъ своимъ подругамъ такія замѣчанія, которыя ясно показываютъ, что она ставитъ себя выше, умнѣе, развитѣе ихъ. Одной, напр., подругѣ, которая долго не могла выучить заданное стихотвореніе, она замѣтила: «дурочка, ты прежде пойми стихотвореніе, а потомъ ужъ учи его наизусть. Отчего я такъ скоро его выучила? Оттого, что поняла его смыслъ. Впрочемъ, что тутъ толковать; ты не въ состояніи понять не только это, но и всякое другое стихотвореніе».

Самомнѣніе у Лабиной развилось вслѣдствіе того, что слѣпо любящіе ее родители восторгаются каждой ея фразой, постоянно называютъ ее умницей, повторяютъ при другихъ всѣ ея дѣтскія остроты.

XIX.

Агафья Терхина.

Застѣнчивая, точно съёжившаяся, тринадцатилѣтняя дѣвочка Агафья Терхина невольно бросается въ глаза среди массы одноклассницъ. Ея лицо всегда выражаетъ робость, точно она каждую минуту ждетъ себѣ чего-нибудь непріятнаго.

Въ испуганномъ взглядѣ ея какъ будто читается: «зачѣмъ вы хотите меня мучить? Оставьте меня, ради Бога»!

Терхина держитъ себя всегда особнякомъ, почти ни съ кѣмъ, даже съ своей сосѣдкой по классу не разговариваетъ, ни съ кѣмъ никогда не ходитъ. Сторонясь отъ подругъ одноклассницъ, она избѣгаетъ и старшихъ воспитанницъ, стараясь не попадаться даже имъ на глаза. Подойдетъ къ ней которая-нибудь изъ большихъ, чтобы спросить о чемъ, она сейчасъ же боязливо взглянетъ на нее, немного поблѣднѣетъ и чуть слышно, двумя, тремя словами отвѣтитъ на предложенный вопросъ. Однажды классная надзирательница, желая помочь Терхиной приготовить урокъ, предложила ей прочитать заданное по книгѣ. Терхина чи-

тала плохо. Надзирательница замѣтила ей это. Дѣвочка поблѣднѣла, подняла на нее полныя слезъ глаза и не могла уже продолжать читать. Надзирательница стала спрашивать: что съ нею? но она ничего не отвѣчала, а только безпокойно мяла въ рукахъ кончикъ листка книги. Надзирательница велѣла другой ученицѣ прочитать вслухъ урокъ, а Терхиной велѣла внимательно слушать; но дѣвочка не въ состояніи была и этого исполнить, и когда послѣ чтенія ей приказали передать своими словами урокъ, она ровно ничего не могла отвѣтить.

Терхина конфузится и волнуется не только во время классныхъ занятій, но даже и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ, напр., ежели кто-нибудь изъ старшихъ обратится къ ней съ вопросомъ о ея житьѣ-бытье, она взглянетъ на того испуганными глазами, точно хочетъ сказать: «охъ, что это еще»?—и затѣмъ уже отвѣтитъ, но кратко, нерѣшительно, боязливо.

Терхина никогда не рѣшится, подобно другимъ дѣвочкамъ, подойти къ кому-либо изъ старшихъ, чтобы спросить о томъ, чего она не понимаетъ, или справиться о баллѣ, выставленномъ ей за урокъ.

Въ классѣ она, обыкновенно, сидитъ тихо и, повидимому, внимательно слушаетъ учителей, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе всего урока, она даже не пошевелится. Вызовутъ ее отвѣчать — она заторопится, начнетъ путать и говоритъ часто невпопадъ; а иной разъ вдругъ ей покажется, что учительница неодобрительно на нее смотритъ: она сконфузится и среди отвѣта умолкнетъ.

Почти у каждой ученицы есть свой любимый учебный предметъ, котораго она ждетъ съ нетерпѣніемъ,

изъ котораго усерднѣе готовитъ уроки; у Терхиной такого предмета нѣтъ. Ни на какомъ урокѣ она не чувствуетъ себя смѣлѣе, оживленнѣе. Даже уроки танцевъ, любимые другими ученицами, и тѣ нисколько не оживляютъ Терхину; во время танцкласса, она видимо старается только не сбиться, чтобы ей не сдѣлали замѣчанія; общее веселое настроеніе танцующихъ никогда ее не увлекаетъ. Когда учительница разрѣшитъ дѣвочкамъ танцовать, кто съ кѣмъ хочетъ, Терхина, обыкновенно, забьется въ уголъ и стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока ей не велятъ вернуться въ ряды.

Разъ какъ-то учительница, замѣтивъ, что Терхина не принимаетъ участія въ танцахъ, сама начала танцовать съ нею. Несмотря на то, что у дѣвочекъ такое вниманіе считается лестнымъ, Терхина оробѣла и, какъ-то неловко путаясь, сдѣлала нѣсколько туровъ вальса.

Болѣе всего Терхина боится уроковъ ариѳметики. Хотя и другія ученицы ждутъ всегда со страхомъ этихъ часовъ, но онѣ выражаютъ свою боязнь открыто, шумно; одна кричитъ: «mes dames, сегодня П. А. навѣрно поставитъ мнѣ единицу»! другая вслухъ придумываетъ, какъ бы сдѣлать, чтобы П. А. не спросилъ ее и т. д. Только Терхина съ испуганнымъ лицомъ сидитъ надъ книгой и болѣе ничѣмъ не заявляетъ своей тревоги.

Ее постоянно встрѣчаешь съ тетрадью или книгой въ рукахъ; она вѣчно твердитъ что-нибудь, очевидно, съ единственной цѣлью, чтобы избавиться отъ вопросовъ подругъ и старшихъ.

Уроки, задаваемые на домъ, Терхина, по большей части, приготовляетъ довольно удовлетворительно. Но

можно смѣло сказать, что она учится не изъ любознательности, а единственно, ради того, чтобы избѣжать замѣчаній, выговоровъ и наказаній. Она, кажется, смотритъ на свои учебныя занятія какъ на необходимую тяжкую повинность, увернуться отъ которой нечего и думать.

Подруги Терхиной совешенно привыкли къ ея неподвижному, молчаливому присутствію въ классѣ и оставляютъ ее въ покоѣ, никогда не приглашая играть съ собой.

Терхина почти никогда не обращается къ подругамъ съ просьбами одолжить ей что-нибудь или объяснить не вполнѣ понятный ею урокъ. Въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, Терхина разъ только рѣшилась попросить свою одноклассницу дать ей перо. Свое перо она забыла дома и была въ большомъ затрудненіи, когда пришлось писать подъ диктовку. По приказанію учительницы она встала, какъ-то неохотно подошла къ Ж., нѣсколько секундъ постояла передъ нею, точно сбираясь съ духомъ, и, наконецъ, потихоньку высказала свою просьбу.

Во время перемѣнъ, Терхина не гуляетъ съ прочими ученицами по рекреаціонному залу, а выйдетъ изъ класса и сядетъ въ залѣ возлѣ дверей. Если ее спросятъ, отчего она постоянно сидитъ и никогда не пройдется, она какъ-то неловко встанетъ, сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ и лишь только замѣтитъ, что за нею не слѣдятъ, снова возвращается на прежнее мѣсто.

Всѣ ученицы любятъ дежурить въ классѣ. На дежурствѣ можно сходить лишній разъ въ переднюю за мѣломъ, губкой, словомъ, можно двигаться; Терхиной же дежурство не доставляетъ удовольствія; напротивъ,

оно ее стѣсняетъ. Она какъ-то нерѣшительно, боязливо исполняетъ обязанности дежурной. Сказать сторожу, чтобы онъ вымелъ полъ въ классѣ или стеръ пыль съ учительскаго стола—для Терхиной это, просто, подвигъ. А ужъ силою выпроводить изъ своего класса учениць, пришедшихъ изъ другихъ классовъ, на это у нея ни въ какомъ случаѣ не хватитъ храбрости.

Кромѣ своихъ учебниковъ, Терхина ничего не читаетъ, да и не находитъ интереса читать что-нибудь другое. Дома она или сидитъ за какимъ-нибудь рукодѣльемъ, или за своими уроками.

Учить Терхину начали очень рано, но безтолково. Это-то и было, главнымъ образомъ, причиной того, что она стала смотрѣть на ученье, какъ на непріятную обязанность, которую, волей-неволей, необходимо исполнять, такъ-какъ иначе неминуемо придется перенести наказаніе.

Домашніе обращались съ нею, съ самаго ея младенчества, деспотически. Она боялась деспота отца, который не позволялъ никому и пикнуть въ своемъ присутствіи; боялась матери, которая тоже не пропускала случая, чтобы выказать свою власть; боялась тетокъ и взрослыхъ сестеръ, которыя, подъ вліяніемъ гнета и постоянныхъ обидъ со стороны главы семейства, старались выместить все, что у нихъ накипѣло на сердцѣ, на младшемъ членѣ семьи, на описываемой нами дѣвочкѣ. Оттого-то у бѣдняжки и выработался такой боязливый характеръ. Еще до поступленія въ гимназію, она привыкла видѣть въ каждомъ окружающемъ ее такого человѣка, который готовъ во всякое время, по своему произволу, или бранить ее, или наказывать, или насмѣхаться надъ нею. Такой взглядъ она пере-

несла и на лицъ, которыхъ встрѣтила въ гимназіи и, преимущественно, на старшихъ. Къ тому же родные, подготовляя дѣвочку въ гимназію, постоянно ей твердили, что тамъ только то и дѣлаютъ, что наказываютъ да штрафуютъ. Поступивъ съ такимъ предубѣжденіемъ въ учебное заведеніе, она, въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ своего пребыванія въ немъ, не могла еще освободиться отъ робости, привитой ей съ ранняго дѣтства.

Однажды ученица старшаго класса, знакомая съ Терхиной, спросила ее: «отчего вы такъ трусите, когда васъ вызываютъ отвѣчать урокъ, который вы знаете?»— «Знать-то знаю, а все-таки... вдругъ что-нибудь». «Да что же *вдругъ*, если урокъ выученъ»?—«А все-таки»... Вотъ эти «вдругъ» и «все-таки» и служатъ нѣкоторымъ объясненіемъ страха дѣвочки. Живя, до поступленія въ гимназію, въ средѣ, гдѣ все обусловливалось минутнымъ настроеніемъ или личнымъ произволомъ старшихъ, Терхина, конечно, могла придти къ убѣжденію, что и вездѣ руководствуются тѣмъ же личнымъ произволомъ и минутнымъ настроеніемъ. «А вдругъ что-нибудь не понравится—и пойдетъ потѣха! Лучше все-таки быть на сторожѣ»,—думаетъ запуганная дѣвочка.

XX.

Агнія Хлавина.

Хлавина—дѣвочка 12 лѣтъ, довольно высокаго роста, слабаго тѣлосложенія, съ правильными чертами лица, сѣро-голубыми глазами и съ тихимъ голосомъ. Она выдѣляется изъ среды своихъ подругъ недѣтскою серьёзностью, желаніемъ казаться солидной, взрослой Благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, твердой памяти, она учится очень хорошо и считается первой ученицей въ своемъ классѣ. Да и по умственному развитію она значительно опередила своихъ подругъ. Научившись очень рано, лѣтъ шести, читать, она сильно полюбила чтеніе. «Я готова цѣлый день читать, если книга интересна», говоритъ иногда она. На вопросъ старшей ученицы, что она читала, она отвѣтила: «Я читала много; кромѣ разныхъ дѣтскихъ журналовъ и путешествій, я прочла сочиненія Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева и другихъ».

Въ тонѣ ея голоса звучало самомнѣніе. Понятно, что послѣ сочиненій Гоголя, Гончарова и друг., ее уже не могутъ удовлетворить журналы, предназначенные для дѣтей ея возраста.

Считая себя взрослой, она, во время перемѣнъ, съ книгой въ рукахъ, важно прогуливается по корридору или же внушительно разговариваетъ съ кѣмъ-нибудь изъ лучшихъ ученицъ своего или старшаго класса. «Отчего это вы никогда не играете»? спросила ее однажды ученица старшаго класса. — «Очень мнѣ нужно это ребячество!... да и само то бѣганье изъ угла въ уголъ вовсе не интересно; къ тому же этотъ шумъ такъ надоѣдаетъ, что право, скорѣе дѣлается скучно, чѣмъ весело отъ *ихъ* игръ», отвѣтила Хлавина.

Съ одноклассницами Хлавина держитъ себя съ тактомъ взрослой дѣвицы; дружна она только съ одною или двумя ученицами, стоящими въ числѣ первыхъ по ученію. Въ разговорѣ съ ними она, обыкновенно, передаетъ или свои впечатлѣнія отъ прочитанной книги, или свои мечты о путешествіи. «Знаете ли, говоритъ она, какъ мнѣ хочется путешествовать; я бы поѣхала въ наши столицы, побывала бы тамъ въ театрахъ, потомъ отправилась бы въ Швейцарію, Италію и во всѣ лучшія страны Европы. А вотъ въ Африку я не желала бы ѣхать: тамъ мало для меня интереснаго, да и опасно».

Во время уроковъ, Хлавина иногда бываетъ, повидимому, мало внимательна, какъ-будто то, что излагается на урокѣ, ужъ хорошо ей знакомо. Нерѣдко даже къ самымъ оживленнымъ урокамъ она относится равнодушнѣе, чѣмъ другія ученицы. Но, несмотря на это, когда бы учительница ни вызвала ее, она всегда вѣрно отвѣчаетъ. Такъ, однажды на урокѣ русскаго языка занимались разборомъ фразъ, написанныхъ на доскѣ. Хлавина мало обращала вниманія на это занятіе и перелистывала книгу. Замѣтивъ это, учительница

спросила ее, какую разбираютъ фразу. Хлавина немного подумала и отвѣтила вѣрно. «А все-таки нужно внимать», сказала ей учительница. Это замѣчаніе сильно подѣйствовало на дѣвочку, такъ что она зардѣлась вся и на глазахъ ея блеснули слезы. Послѣ того она долго старалась внимательнѣе относиться къ предметамъ урочныхъ занятій.

Самомнѣніе и честолюбіе сильно развиты у Хлавиной. Этому способствовало то, что ученицы въ затруднительныхъ случаяхъ обращаются къ ней за совѣтомъ или помощью, а также и то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда классъ затрудняется отвѣтомъ на предложенный ему вопросъ, учительницы обращаются всегда къ Хлавиной, какъ къ такой личности, которая одна можетъ выручить весь классъ. Нужно замѣтить, что сами родители Хлавиной, своими неумѣренными похвалами, все болѣе и болѣе развивали въ ней самомнѣніе и тщеславіе.

Будучи первой ученицей въ классѣ, Хлавина испытала бы неизъяснимое горе, если бы ее лишили этого первенства. «Ахъ, я боюсь, какъ бы мнѣ не поставили изъ русскаго языка за семестръ 4; да, впрочемъ еще цѣлый мѣсяцъ до конца семестра, успѣю сладить», сказала она однажды своей близкой подругѣ. Разъ, во время перемѣны, подходитъ она къ классной надзирательницѣ и объявляетъ ей: «Мнѣ сегодня изъ географіи 5 поставили; ахъ, какъ я рада! а то раньше было только 4, что очень непріятно». Получить за отвѣтъ 4 для Хлавиной тоже, что для иной ученицы 1 или 2.

Хлавина при случаѣ любитъ блеснуть своими способностями и своими познаніями. Чтобы имѣть возможность хорошо повторить урокъ учительницы, она

заранѣе приготовитъ его по книгѣ. Сами родители нерѣдко заставляютъ ее просматривать впередъ по учебнику, чтобы легче было усвоить урокъ.

Хлавина никогда не выскажетъ своихъ мыслей и чувствъ передъ такою ученицей, съ которой она не очень дружна; но зато бываетъ откровенна со своими пріятельницами. «Ужъ я такая, что ничего не скрою отъ подруги, съ которою дружна: такъ и хочется высказать ей то, что лежитъ на душѣ», говоритъ иногда про себя Хлавина.

XXI.

Елена Валькова.

Двѣнадцатилѣтняя Елена Валькова крѣпкаго тѣлосложенія, съ здоровымъ румянцемъ на лицѣ, съ легкой, быстрой походкой, быстрымъ, живымъ взглядомъ; она чрезвычайно впечатлительна и необыкновенно подвижна. Ея глаза, ротъ, руки, ноги въ постоянномъ движеніи; она ни посидитъ, ни постоитъ спокойно. Помолчать для нея почти невозможно. Ходитъ она всегда какъ-то торопливо, вприпрыжку. Вѣрнѣе можно сказать, что она не ходитъ, а бѣгаетъ. Отвѣчая урокъ, она то покачивается, то присѣдаетъ; если сдѣлаетъ ошибку въ отвѣтѣ, то начнетъ ломаться.

Подруги называютъ ее «развинченной», и это названіе удивительно идетъ къ ней.

Смѣется или плачетъ Валькова—всегда во всеуслышаніе, при чемъ производитъ движеніе руками и ногами.

Если ей замѣтятъ, что не слѣдуетъ такъ громко смѣяться, взмахивать руками и ломаться, она отвѣчаетъ: «право, я не виновата, что у меня такой крикливый голосъ и что мои руки таки размахиваютъ».

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда Валькова находитъ необходимымъ удержать свой громкій смѣхъ или размахиванье руками, она можетъ совладать съ собой.

Вниманіе Вальковой сильно разбрасывается. Ей до всего есть дѣло; она все хочетъ видѣть и слышать. Даже во время занятій, глаза ея перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому. При малѣйшемъ шумѣ на улицѣ она готова бросить все и бѣжать къ окну посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Вслѣдствіе разбросанности ея вниманія, воспринимаемыя ею впечатлѣнія рѣдко отличаются ясностью и отчетливостью. Только смѣшныя стороны предметовъ въ состояніи болѣе сосредоточить на себѣ ея вниманіе, а потому и оставляютъ болѣе опредѣленный, болѣе отчетливый слѣдъ.

Учится Валькова плохо, и опять-таки, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недисциплинированности своего вниманія. Не умѣя сосредоточиться на заданномъ урокѣ, она не можетъ вникнуть въ него и усвоить его.

Нельзя сказать, чтобы Валькова лишена была любознательности. Напротивъ, она во многихъ случаяхъ проявляется въ ней: ей, напримѣръ, хочется знать для чего нуженъ тотъ или другой физическій приборъ, какъ дѣлаютъ сахаръ, откуда добываютъ кофе и т. п.

Валькова не безъ удовольствія читаетъ доступныя ей книги, при чемъ предпочитаетъ такія, въ которыхъ излагается какая-нибудь быль или дѣйствительность. «Я люблю, сказала она однажды, читать «Семью и Школу» и не люблю сказокъ, потому что въ сказкахъ все ложь, а въ «Семьѣ и Школѣ» описывается то что хотя и давно было, но все-таки, вѣроятно, было».

Сколько-нибудь усидчивая работа не по вкусу Вальковой. Чтобы избавиться отъ такой работы, она не-

прочь прибѣгнуть къ обману или ко лжи. Такъ, напр., она иногда оставляетъ дома свою тетрадь по рисованію или чистописанію, чтобы сказать учителю, что забыла ее взять съ собой и избавиться, такимъ образомъ, отъ работы. Однажды она прибѣгла даже къ такой хитрости: нарочно поранила себѣ палецъ ножикомъ и сказала, что не можетъ ни писать, ни рисовать. Ей велѣли, пока заживетъ палецъ, заниматься съ учительницей французскимъ языкомъ. Она не ожидала этого и въ досадѣ невольно проговорила: «Лучше бы я рисовала или писала, чѣмъ учить противныя французскія слова».

Если урокъ разнообразенъ, идетъ занимательно, оживленно и притомъ, если содержаніе его совершенно доступно для Вальковой, она интересуется имъ и, въ такомъ случаѣ, при каждомъ вопросѣ учительницы вскакиваетъ, машетъ рукой передъ самымъ носомъ и даже иногда, по забывчивости, принимаетъ не вполнѣ приличныя позы. Сдѣлаетъ ей за это учительница замѣчаніе, она тотчасъ сдержитъ себя, но за то болѣе не принимаетъ участія въ ходѣ урока.

Вальковой доставляетъ большое удовольствіе смѣшить подругъ. Такъ, однажды, во время урока, она лѣпила изъ хлѣба куклы и, называя ихъ именемъ того или другого учителя, показывала подругамъ. Каждая кукла воспроизводила характерную особенность наружности изображаемаго лица. Ученицы смѣялись, чѣмъ Валькова видимо была довольна. Въ другой разъ, когда въ классѣ было слишкомъ жарко, Валькова закуталась въ теплое пальто и въ теплый шерстяной пледъ. Классная надзирательница сказала ей, чтобы она сняла то и другое. Валькова возразила: «въ комнатѣ *жарко*,

поэтому и я надѣла пальто и пледъ». Подруги разсмѣялись, что только и нужно было Вальковой; затѣмъ, она поспѣшила исполнить приказаніе надзирательницы.

Валькова вообще неряшлива. Но иногда находятъ на нее минуты, когда она охотно наряжается. Въ такія минуты, она усердно занимается своей прической и одѣвается въ лучшее платье. Прошла охота наряжаться—и Валькова попрежнему ходитъ съ растрепанными волосами, въ грязномъ платьѣ.

До поступленія въ гимназію (на 11-мъ году) Валькова, живя въ своей семьѣ, не имѣла хорошихъ руководителей, такъ-какъ оставлена была на попеченіи прислуги. При такомъ руководствѣ, конечно, не могла выработаться въ ней выдержанность, не могло дисциплинироваться надлежащимъ образомъ ея вниманіе и не могла развиться привычка къ чистоплотности, равно какъ умѣнье прилично одѣваться.

XXII.

Серафима Макина.

Макина—гимназистка лѣтъ четырнадцати. Если вы станете наблюдать за нею въ гимназіи, во время занятій, то она покажется вамъ совсѣмъ не такою, какою вы видѣли ее дома, на свободѣ. Тамъ она невольно обратитъ на себя ваше вниманіе своей вялостью, апатіей; дома же она жива, подвижна, шалостямъ ея, кажется, нѣтъ границъ.

Макину называютъ «лѣнтяйкой». Дѣйствительно, она лѣнива, но только къ учебнымъ занятіямъ; когда же она не за книгой, то отъ ея лѣни не останется и слѣда. Она готова все, что угодно, дѣлать, лишь бы не учиться. Какъ бы ни былъ интересенъ урокъ, онъ ее не займетъ; сидитъ она, глаза устремлены на одну точку, по лицу ея видно, что она совершенно безъучастна къ тому, что происходитъ въ классѣ. Вызоветъ ее учитель—она отдѣлывается молчаніемъ. У нея нѣтъ любимаго учебнаго предмета: она съ одинаковымъ равнодушіемъ ждетъ и урока математики, и урока исторіи, и урока рукодѣлія. На вопросъ: «какой предметъ вы любите больше всѣхъ?»—она отвѣчаетъ: «мнѣ все равно».

Рѣдко она готовитъ уроки, и если готовитъ, то только изъ тѣхъ предметовъ, которые ей даются легче; изъ болѣе же трудныхъ, какъ, напр., изъ математики и русскаго языка, она и книги не беретъ въ руки, хотя знаетъ, что изъ этихъ предметовъ у ней неудовлетворительные баллы. Временами на нее нападаетъ такая лѣнь, апатія, что она по цѣлымъ недѣлямъ не заглядываетъ въ книгу, не знаетъ, что задано, о чемъ идетъ рѣчь въ классѣ. Придя въ гимназію, не приготовившись ни къ одному уроку, она ни мало не тревожится: сядетъ преспокойно на скамейку и сидитъ себѣ сложа руки. Вызовутъ ее—она помолчитъ, посмотритъ по сторонамъ и, получивъ единицу или двойку, опять спокойно садится на мѣсто, какъ-будто дѣло ничуть не касалось ея. Къ балламъ, такъ сильно волнующимъ другихъ ученицъ, Макина равнодушна. Полученная единица производитъ на нее такое же впечатлѣніе, какъ и полный баллъ, или, лучше сказать, и единица, и полный баллъ не производятъ на нее никакого впечатлѣнія.

Макина не тупая дѣвочка; будь она поприлежнѣе она могла бы дѣлать довольно хорошіе успѣхи. Умственное ея развитіе не соотвѣтствуетъ лѣтамъ. Она нерѣдко задаетъ такіе вопросы, которые показываютъ, какъ она мало развита.

Макина не любитъ читать. Если ей попадется подъ руку какая-нибудь книга, то, пробѣжавъ два-три листка, она бросаетъ ее, говоря, что нѣтъ терпѣнія добраться до конца.

Нравственное развитіе характеризуемой дѣвочки также стоитъ не высоко. Она скрытна. Въ присутствіи классной надзирательницы или кого-нибудь изъ стар-

шихъ она держитъ себя иначе, чѣмъ въ отсутствіи ихъ. Въ первомъ случаѣ, она сидитъ тихо, не шевельнется, какъ-будто боится сказать слово сосѣдкѣ, поднять опущенные глаза. Во второмъ случаѣ—это самая шаловливая ученица. Какъ только выйдетъ надзирательница изъ класса, она сейчасъ соскочитъ съ мѣста, начнетъ смѣяться, дурачиться.

Кромѣ того, она лжива. Она лжетъ, не стыдясь даже и въ томъ случаѣ, если ее уличатъ во лжи. Она не только не стыдится, обманывая свою мать, но даже хвастается этимъ. Однажды, разговаривая съ своей ровесницей, она сказала: «Теперь мама мнѣ помогаетъ заниматься, да только пользы мало».—«Отчего»? спросила та. «Да я ей никогда не говорю, сколько всѣхъ задано уроковъ, а то засадитъ заниматься на цѣлый день. Ежели учитель задастъ, напр., рѣшить письменно четыре задачи, я говорю мамѣ, что задана только одна, да и то для устнаго рѣшенія». Нерѣдко Макина притворяется дома больной, чтобы талько не ходить въ гимназію, и этотъ обманъ не возбуждаетъ въ ней никакого смущенія.

Къ подругамъ, равно какъ и къ старшимъ ученицамъ, Макина относится подозрительно. Если около нея смѣются, ей кажется, что причиной смѣха—она; всякую шутку она принимаетъ за поддразниванье и обижается, но при этомъ старается показать, что не обращаетъ вниманія на обидныя для нея шутки, что совершенно спокойна, хотя по выраженію ея лица можно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ она не такъ спокойна, какъ хочетъ казаться. Тоже самое бываетъ и при замѣчаніяхъ со стороны надзирательницъ, учительницъ или другихъ начальствующихъ лицъ: она

дѣлаетъ надъ собой большія усилія, чтобы только скрыть, какъ это ей непріятно.

Кромѣ означенныхъ чертъ, Макина отличается еще грубостью. Грубость ея особенно проявляется по отношенію къ прислугѣ, которой она всегда приказываетъ съ прикрикиваньемъ и бранью. Такъ, напримѣръ, однажды она подходитъ къ сторожу и рѣзкимъ тономъ обращается къ нему: «Что ты оглохъ, что ли?! Сколько разъ я говорила тебѣ налить чернилъ! Ты, кажется, ничего не помнишь!»

Ко всему сказанному нужно прибавить еще, что Макина неряшлива; неряшливость ея бросается въ глаза: платье оборвано, руки грязны, иногда она является въ гимназію даже не умытой. Разъ надзирательница замѣтила ей, что она не умылась. «Что вы, отвѣтила она:—я моюсь каждый день, но пока иду въ гимназію, на меня садится пыль, вотъ почему руки и шея и кажутся такими грязными». Надо замѣтить, что это было зимой, слѣдовательно, о пыли тутъ не могло быть и рѣчи, но она хотѣла вывернуться при помощи хитрости и обмана, и ничуть не смутилась, когда ложь не удалась.

Одна ея подруга по поводу ея неряшливости съострила такъ: «Макина умывается только по воскресеньямъ, а чешетъ голову только по большимъ праздникамъ».

Макина также неряшливо держитъ и свои вещи. На тетрадяхъ ея всегда слѣды отъ грязныхъ пальцевъ, чернильныя пятна и даже проскобленныя ножомъ дыры; корочки ея книгъ оборваны, листы вырваны. Часто отъ нея приходится слышать: «Я сегодня урока не

читала, потому что книгу куда-то засунула и не нашла».

При всѣхъ означенныхъ нехорошихъ чертахъ характера, есть у Макиной и добрая черта: это—теплое, сострадательное сердце. Она сочувственно относится къ горю другихъ. У одной подруги ея умерла мать. Макина видимо мучилась, глядя на осиротѣвшую дѣвочку; она нѣсколько разъ подходила къ ней, заговаривала съ нею, старалась утѣшить; но все это она дѣлала какъ-будто украдкой, точно боялась выказать свои добрыя чувства.

Вглядываясь въ черты характера Макиной и сопоставляя ихъ съ средой, въ которой она живетъ, невольно приходишь къ заключенію, что этими нехорошими чертами она обязана, главнымъ образомъ, домашнему воспитанію и той средѣ. При иныхъ условіяхъ воспитанія и при иной средѣ у Макиной выработались бы несравненно лучшія черты характера.

XXIII.

Марія Конова.

Конова принадлежитъ, къ такъ называемымъ, болтливымъ дѣвочкамъ. Она готова съ каждымъ разговаривать, готова каждому высказать все, что у нея на душѣ, не заботясь о томъ, расположены ее слушать или нѣтъ. Не только во время перемѣнъ и въ свободные отъ уроковъ часы она разговариваетъ то съ тою, то съ другою ученицей, но и во время уроковъ неможетъ удержаться, чтобы не втянуть въ разговоръ свою сосѣдку. За это ее часто сажали рядомъ съ тѣми ученицами, которыя отличаются молчаливостью, но ничто не помогало: она и ихъ успѣвала увлечь. Наконецъ ее посадили за отдѣльный столъ.

Конова охотно разсказываетъ о своихъ родныхъ, о томъ какъ она дома живетъ, чѣмъ занимается, какъ веселится, передаетъ разные случаи изъ своей семейной жизни, разсказываетъ о своихъ мечтахъ и т. п.

По природѣ своей, Конова добрая и ласковая дѣвочка; она привязывается ко всѣмъ, кто хоть сколько нибудь привѣтливъ къ ней.

Дома ее любятъ, обращаются съ нею ласково, забо-

тятся о ней. Тѣмъ же и она отплачиваетъ своимъ домашнимъ.

Умственныя способности у Коновой посредственныя, вслѣдствіе чего, она учится не вполнѣ хорошо. Но несмотря на это, она пользуется любовью какъ подругъ, такъ и классныхъ надзирательницъ и учительницъ.

Конова предпочитаетъ заниматься рукодѣліемъ или хозяйствомъ, чѣмъ учебными предметами. Тамъ она чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. Стоитъ только взглянуть на Конову когда она исполняетъ что-нибудь по хозяйству или по части рукодѣлія и, затѣмъ, посмотрѣть на нее, когда она сидитъ за уроками, чтобы понять, насколько занятія перваго рода присущи ея природѣ и насколько занятія второго рода чужды ей.

Къ старшимъ, произведшимъ на нее пріятное впечатлѣніе, она относится съ обожаніемъ. Это не простое уваженіе, а нѣчто болѣе глубокое. Такъ, напримѣръ ей понравилась одна изъ учительницъ, и она стала являться въ гимназію рано, для того только, чтобы встрѣтить ее въ корридорѣ. Когда ей запретили это, она старалась хоть изъ дверей своего класса взглянуть на нее. Передъ урокомъ любимой учительницы она стираетъ носовымъ платкомъ пыль съ учительскаго стола и стула, кладетъ на столъ новое перо, иногда вспрыскиваетъ это мѣсто духами, открываетъ форточку и пр. Лучшая для нея награда—встрѣтить привѣтливый взглядъ любимой учительницы. Чтобы заслужить такой взглядъ, она готова на все.

Любовь свою къ лицамъ Конова переноситъ и на предметы, съ которыми связаны воспоминанія о нихъ. Такъ она больше любитъ и охотнѣе занимается тѣми учебными предметами, которые преподаются любимыми

ею учителями или учительницами, чѣмъ тѣми, которые преподаются другими. Напр., исторіей она занималась неохотно и не дѣлала въ ней успѣховъ, пока ее преподавалъ не особенно любимый ею учитель. Но съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто его заступилъ другой, очень любимый ею, она прилежно стала заниматься этимъ предметомъ и говорила, что ей больше всего нравится исторія.

Конова бережлива. Она знаетъ цѣну деньгамъ и умѣетъ извлечь изъ нихъ пользу. Кромѣ того, она отличается опрятностью. Платье ея всегда чисто, волосы всегда причесаны; на рукахъ никогда не увидишь чернильныхъ пятенъ. Тетради и прочія учебныя принадлежности она держитъ въ порядкѣ.

XXIV.

Клавдія Мичнина.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Мичнина съ ранняго возраста пріучена къ труду вообще и къ усидчивому занятію учебными предметами, въ особенности. Вслѣдствіе этой привычки, она рѣдко остается безъ какого-нибудь дѣла. Она постоянно или повторяетъ уроки, или занимается рукодѣліемъ. Если же нечего учить и если нѣтъ подъ руками рукодѣлья, она навѣрно читаетъ какую-нибудь книжку. Во время уроковъ, она очень внимательно слушаетъ, что говорится въ классѣ и слѣдитъ за ходомъ классной работы.

Посвящая много времени на занятія, Мичнина очень мало удѣляетъ его на отдыхъ, вслѣдствіе чего, она очень слабо развита физически. Ея ростъ и тѣлосложеніе далеко не соотвѣтствуютъ ея лѣтамъ. На видъ ей можно дать не болѣе 8 лѣтъ.

Изъ выдающихся привычекъ ея обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующая: каждое дѣло непремѣнно сопровождается у нея счетомъ. Линуетъ ли тетрадь—считаетъ строчки; собирается ли дѣлать переводъ—сосчитаетъ всѣ фразы; собирается ли прочесть

или выучить стихотвореніе—пересчитаетъ, сколько строкъ и т. д.

Мичнина отличается удивительною акуратностью и исполнительностью. Дежуря по классу, она безукоризненно исполняетъ свои обязанности. Всѣ свои письменныя работы также ведетъ поразительно аккуратно. Въ гимназію является всегда своевременно. Сверхъ того, Мичнина никогда не позволитъ себѣ солгать и непремѣнно уличитъ, если замѣтитъ, что кто-нибудь говоритъ неправду.

Къ подругамъ своимъ Мичнина относится дружественно, но очень рѣдко участвуетъ въ оживленныхъ разговорахъ ихъ. Она способна сочувственно относиться и къ постороннимъ людямъ и нерѣдко, такъ сказать, сердцемъ угадываетъ затруднительное положеніе ихъ. Въ классѣ, гдѣ учится Мичнина, иногда даютъ пробные уроки лица, желающія получить мѣсто учительницы или учителя. Передъ однимъ изъ такихъ уроковъ Мичнина сказала: «Какъ страшно на пробномъ урокѣ!» Ученица старшаго класса, думая, что она говоритъ о себѣ, спросила, чего именно она боится. Та отвѣтила, что боится не за себя, а за того, кто будетъ давать урокъ. Во время урока легко было провѣрить искренность этихъ словъ: она съ безпокойствомъ вслушивалась въ каждый вопросъ новаго учителя, старалась своими отвѣтами вывести его изъ затрудненія. Видя, что худые баллы производятъ непріятное впечатлѣніе на ея подругъ, она сказала однажды: «Зачѣмъ это ставятъ единицы и двойки? Когда я буду учительницей, я никогда не буду ставить ни единицъ, ни двоекъ».

Въ Мичниной до такой степени развита деликатность,

что она не позволитъ себѣ сказать или сдѣлать что-нибудь непріятное ни подругѣ, ни кому-нибудь изъ старшихъ.

Всѣ означенныя черты характера Мичниной сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ природныхъ добрыхъ задатковъ, а съ другой подъ благотворнымъ воспитательнымъ вліяніемъ ея родителей и вообще всей ея семьи.

XXV.

Ольга Млинская.

Высокая для своихъ 12-ти лѣтъ, бѣлокурая, съ голубыми глазами, худенькая, серьёзная, Млинская рѣдко улыбается и еще рѣже смѣется. Никто не видалъ, чтобы она хохотала такъ весело, такъ радушно, какъ смѣются другія дѣти.

Обладая хорошими способностями, она съ успѣхомъ пользуется ими и постоянно хорошо готовитъ уроки. Въ свободное отъ занятій время, она читаетъ много, особенно любитъ путешествія, разсказы, повѣсти. Она прочла почти всѣхъ лучшихъ нашихъ отечественныхъ писателей. Дома никто не руководитъ чтеніемъ дѣвочки. Домашніе смотрятъ на нее, какъ на взрослую и предоставляютъ въ ея распоряженіе всѣ книги, какія попадутся.

Между своими братьями и сестрами она играетъ роль старшей, несмотря на то, что имѣетъ болѣе взрослую сестру, которую, впрочемъ, опередила однимъ классомъ и которую, какъ и прочихъ, подчинила себѣ.

Ольга Млинская настолько благоразумна, что никогда не позволитъ себѣ дѣтскихъ выходокъ. Этимъ она пріобрѣла полное довѣріе матери, которая, во

время своихъ отлучекъ изъ дому, поручаетъ ея надзору всю семью. Обращаясь съ братьями и сестрами всегда съ тактомъ и ласково, она заслужила ихъ любовь и уваженіе. Они вполнѣ повинуются ей, не допуская даже мысли, чтобы можно было въ чемъ-нибудь ослушаться ее. Подруги Млинской также любятъ ее и также подчиняются ея вліянію, сознавая ея умственное превосходство. Какъ только она является въ классъ, сейчасъ около нея собирается кружокъ лучшихъ ученицъ и начинаютъ вмѣстѣ заниматься чтеніемъ или повтореніемъ уроковъ.

Но нельзя сказать, чтобы Млинская коротко сближалась съ подругами. Она относится къ нимъ доброжелательно, готова каждой изъ нихъ объяснить урокъ, не прочь даже оказать какое-нибудь одолженіе, но въ дружбу не входитъ ни съ кѣмъ. У нея нерѣдко замѣчается даже пренебреженіе къ тѣмъ подругамъ, которыя учатся хуже ея, или родители которыхъ, по своему общественному положенію, стоятъ ниже ея родителей. Правда, она никогда рѣзко не высказываетъ пренебреженія, однако, оно чувствуется ея подругами.

Видно, что не Млинская ищетъ расположенія своихъ одноклассницъ, а наоборотъ. Но это имъ не всегда удается. Млинская сама какъ-то сказала, что не нуждается въ друзьяхъ, такъ какъ у нея есть мать, которой она можетъ повѣрить все, и сестры, съ которыми можетъ всегда поиграть, если захочетъ. Млинская очень привязана къ своей матери и повинуется ей безпрекословно. Но кромѣ матери, она никому не любитъ подчиняться, хотя и старается не выказывать этого.

Ей очень не хотѣлось бы сойти съ того положенія, которое она заняла между ученицами своего класса, а потому не только двойки, но и тройки, получаемыя иногда ею, сильно ее тревожатъ. Она старается итти въ числѣ первыхъ по ученію и поддержать свой авторитетъ среди подругъ.

Къ классной надзирательницѣ и вообще къ старшимъ Млинская относится вѣжливо, но держитъ себя въ сторонѣ отъ нихъ. Она никогда не скажетъ имъ дерзости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни къ кому изъ нихъ не отнесется съ полнымъ довѣріемъ. У ней скорѣе замкнутый, чѣмъ открытый характеръ. Она не только передъ надзирательницей или учительницей, но даже передъ подругами не выскажетъ своихъ радостей или печалей. Если кто изъ старшихъ заговоритъ съ Млинской о чемъ-нибудь, не относящемся до учебныхъ занятій, то навѣрное, ничего больше отъ нея не услышитъ, кромѣ «да» или «нѣтъ».

XXVI.

Глафира Гнѣдова.

Тринадцатилѣтняя дѣвочка Гнѣдова, гимназистка 2-го класса, употребляетъ всѣ усилія, чтобы выдѣлить себя изъ массы подругъ. Ей кажется унизительнымъ слиться съ классомъ и ничѣмъ особеннымъ не заявлять своей личности. Свое *я* она ставитъ выше всего.

Однажды въ день именинъ одной изъ учительницъ 2-го класса, всѣ ученицы этого класса, по обыкновенію, составили общее поздравительное письмо къ имениницѣ и подписались на немъ. Но Гнѣдовой этого было мало. Она написала еще особое письмо. На вопросъ надзирательницы, зачѣмъ она это сдѣлала, Гнѣдова отвѣтила: «Я хоть и подписалась въ общемъ письмѣ, да пользы мало: тутъ столько подписей, что на мою учительница не обратитъ и вниманія, а когда получитъ особое письмо отъ меня, такъ увидитъ, что я ее поздравляю».

Гнѣдова никогда не подойдетъ къ такой группѣ ученицъ, гдѣ можетъ стушеваться. Ей пріятнѣе находиться въ такомъ кругу, среди котораго она будетъ играть видную роль. Если помощница надзирательницы соберетъ около себя для занятій дѣвочекъ, въ

томъ числѣ и Гнѣдову, то послѣдняя не замедлитъ выдвинуть свою личность. Лишь только помощница надзирательницы кончитъ разсказъ или объясненіе, какъ Гнѣдова уже вскрикиваетъ: «Позвольте, я повторю! онѣ, вѣроятно, еще не все поняли, а я отлично поняла».

Въ общемъ разговорѣ, въ которомъ участвуютъ и старшіе (во время обѣда, напримѣръ, или прогулки), Гнѣдова тоже не преминетъ заявить о себѣ. Она навѣрное вставитъ такую фразу, сквозь которую легко прочесть: «смотрите, молъ, вотъ какова я».

Гнѣдова не прочь иногда и заискивать передъ старшими. Но если она замѣтитъ, что кто-нибудь изъ нихъ, не смотря на ея заискиваніе, не выдѣляетъ ее изъ среды одноклассницъ, не даетъ ей предпочтенія передъ другими, она отшатнется и будетъ питать къ нему враждебное чувство. Такъ, Гнѣдова начала было увиваться около надзирательницы З.; но, замѣтивъ, что та не обращаетъ на нее особеннаго вниманія, она перестала подходить къ ней и, видимо, разсердилась на нее. На вопросъ знакомой ученицы старшаго класса, отчего она не спроситъ о томъ-то у надзирательницы З., Гнѣдова отвѣчала: «Очень мнѣ нужно! она и знать меня не хочетъ». Но если кто-нибудь изъ старшихъ польститъ ея самолюбію, выдвинетъ ее передъ другими, она готова «обожать» того.

Изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ Гнѣдова отдаетъ особенное предпочтеніе ариѳметикѣ. Собираясь готовить уроки, она прежде всего принимается за ариѳметику и только покончивъ съ нею, берется за другіе предметы. «Я всегда рѣшаю двумя задачами больше, чѣмъ намъ задано, говоритъ она иногда: не могу

удержаться, чтобы не рѣшить впередъ». Понятно, что занимаясь предпочтительно ариѳметикой, Гнѣдова дѣлаетъ въ ней очень хорошіе успѣхи. Объяснитъ ли учительница новое ариѳметическое правило, Гнѣдова первая поднимаетъ руку, чтобы повторить сказанное. Предложитъ ли рѣшить въ классѣ задачу, Гнѣдова рѣшаетъ ее прежде другихъ. И какъ она при этомъ радуется! Когда съ сіяющей физіономіей она показываетъ учительницѣ рѣшенную задачу, то глядя на нее можно подумать, что она совершила подвигъ. Просматривая работу Гнѣдовой, учительница почти всегда награждаетъ ее или похвальнымъ отзывомъ, или одобрительной улыбкой. Такія минуты для Гнѣдовой — верхъ блаженства. Она окидываетъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ. Зато какою любовью, какимъ обожаніемъ Гнѣдова отплачиваетъ учительницѣ за ея похвалы и внимательное отношеніе къ ней!

Помощница классной надзирательницы нѣсколько разъ спрашивала Гнѣдову: «Отчего вы на урокахъ учительницы русскаго языка хуже занимаетесь, чѣмъ на урокахъ ариѳметики»? Гнѣдова краснѣла и не находила, что отвѣтить. Только во взглядѣ ея и улыбкѣ можно было ясно прочесть: «Вѣдь, вы знаете отчего, зачѣмъ же спрашивать»!

Если учительница ариѳметики, просмотрѣвши тетрадь Гнѣдовой, сдѣлаетъ въ ней замѣтку, дѣвочка, выждетъ, когда та отвернется отъ нея, и начнетъ цѣловать то мѣсто тетради, къ которому прикасались руки «прелестной» Ксеніи Петровны (учительницы).

Однажды ученица старшаго класса заговорила съ Гнѣдовой о надзирательницахъ и учительницахъ. Когда рѣчь зашла объ учительницѣ ариѳметики, Гнѣ-

дова сказала: «Ахъ, Сонечка, она такая прелестная, такая восхитительная, такая»... она остановилась, чтобы придумать подходящее слово. «Да нѣтъ, я и передать не могу, какъ ее обожаю! Я постоянно думаю объ ней, не могу наглядѣться на нее. Удивляюсь, отчего это не всѣ ее любятъ? По моему, весь свѣтъ долженъ ее любить»... Въ другой разъ, во время разговора съ тою же ученицей, Гнѣдова, перебравъ достоинства «обожаемой» учительницы, прибавила: «Знаете, Сонечка, мнѣ кажется, что сколько бы я ни говорила о Ксеніи Петровнѣ, какъ бы ее ни называла, я никогда не съумѣю высказать о ней всего... Вы не знаете, какъ я ее люблю. Ахъ, какая это душечка! Какъ я рада бываю, когда она просматриваетъ мою тетрадь или вызоветъ отвѣчать».. Достаточно было взглянуть, съ какимъ оживленіемъ она говорила это, какъ радостно блестѣли ея глаза, чтобы убѣдиться въ безграничной ея привязанности къ учительницѣ.

Гнѣдова изъ себя выходитъ, если кто оскорбитъ ея самолюбіе. Иногда она сдѣлаетъ усиліе и сдержитъ свой гнѣвъ, и только по выраженію ея глазъ и лица можно судить, что совершается въ ея душѣ. Но нерѣдко гнѣвъ ея проявляется черезъ-чуръ рѣзко. Такъ, однажды, во время перемѣны, ученица Ж. написала на доскѣ: «Ксенія Петровна любитъ Гнѣдову, а потому и ставитъ ей 5 изъ ариѳметики». Увидавъ это, Гнѣдова мигомъ очутилась возлѣ ученицы Ж. «Ты какъ смѣешь писать, что Ксенія Петровна меня любитъ и потому ставитъ мнѣ пять!!? Ты лжешь, выдумываешь»!.. напустилась она на оторопѣвшую одноклассницу. Гнѣдова была блѣдна, глаза ея искрились, губы дрожали, руки подергивало. Неизвѣстно, чѣмъ

бы дѣло кончилось, если бы въ это время не вошла въ классъ надзирательница и не отвела Ж.

Въ другой разъ Гнѣдова собиралась подать учительницѣ перо, для записыванія балловъ; но ее предупредила одноклассница М., Гнѣдова вспыхнула. Сѣвши на свое мѣсто, она толкнула въ сторону лежавшую передъ нею книгу, произнесла сквозь зубы какое-то бранное слово и не отвѣтила сосѣдкѣ, которая о чемъ-то ее спросила. Въ эту минуту, она ненавидѣла всѣми силами своей души ученицу М., осмѣлившуюся такъ «провести» ее.

По причинѣ высокаго мнѣнія о себѣ, Гнѣдова желаетъ казаться «большой». Она считаетъ унизительнымъ для себя выказать, что ее интересуютъ тѣ удовольствія и тѣ игры, которыя интересуютъ другихъ дѣвочекъ ея возраста. Однажды, въ разговорѣ съ знакомой дамой, Гнѣдова выразилась такъ объ одной своей одноклассницѣ: «Ахъ, какая она смѣшная, настоящій ребенокъ! она въ куклы еще играетъ». — «А васъ развѣ не занимаютъ куклы»? спросила дама. — «Меня-то? Неужели я настолько глупа, чтобы находить развлеченіе въ куклахъ»? отвѣтила Гнѣдова обиженнымъ тономъ.

Во время перемѣнъ, она не участвуетъ въ играхъ своихъ сверстницъ, не бѣгаетъ, какъ онѣ, по корридорамъ, но чинно ходитъ изъ одного угла въ другой. Только однажды она пробѣжала раза два вперегонку съ ученицей Н. по залѣ и, затѣмъ, опять принялась ходить чинно. Къ ней подошла тогда помощница классной надзирательницы и спросила: «Отчего же вы не продолжаете бѣгать, рѣзвиться»?—«Да такъ, потому что не интересно, отвѣтила Гнѣдова.—Если бы не

Н., я и теперь не побѣжала бы; она толкнула меня, ну, я и погналась за нею», оправдывалась дѣвочка. Но по выраженію лица ея видно было, что она очень охотно еще бы побѣгала, если бы не боялась уронить этимъ свое достоинство. «Дѣтямъ необходимо бѣгать въ свободное время; вредно оставаться безъ движенія», сказала помощница надзирательницы.—«Да, дѣтямъ--можетъ быть»!—«А вы развѣ не дитя»?—«Я—дитя!? —повторила Гнѣдова тономъ удивленія:—«нѣтъ, я не изъ тѣхъ дѣтей, которымъ нужно бѣгать»!..

Съ подругами Гнѣдова не особенно дружна. Ко всѣмъ она относится какъ-то подозрительно. Сблизилась она было съ одноклассницей Л., но, замѣтивъ, что та не намѣрена признавать ея авторитета, она разошлась съ нею и сошлась съ ученицей Н., которая безпрекословно исполняетъ всѣ ея просьбы, даже предупреждаетъ часто ея желанія.

Выставивъ выдающіяся черты характера дѣвочки Гнѣдовой, заглянемъ въ ея прошлое.

Лишившись на четвертомъ году родителей, Гнѣдова осталась на попеченіи очень богатой, бездѣтной тетки, у которой жила до поступленія въ гимназію. Тетка очень баловала свою племянницу, которая была для нея единственнымъ сокровищемъ и утѣшеніемъ. Всѣ прихоти дѣвочки исполнялись безпрекословно. Малѣйшее противорѣчіе вызывало въ ней капризы, выражавшіеся, между прочимъ, крикомъ, который продолжался до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяли ея желанію, а желанія эти были закономъ для всѣхъ, кто жилъ въ домѣ тетки. Вслѣдствіе этого, дѣвочка рано начала считать себя выше другихъ. Она привыкла повелѣвать, но не привыкла подчиняться. Къ тому же

тетка своими разсказами о покойныхъ родителяхъ дѣвочки вселила въ ней высокое мнѣніе о своемъ родѣ и о себѣ.

На двѣнадцатомъ году, Гнѣдова сильно заболѣла, при чемъ случилось такъ, что во время болѣзни, за нею ухаживала не тетка, а посторонніе люди, которые не очень терпѣливо относились ко всѣмъ ея капризамъ. Это ее раздражало и поселяло въ ней недоброжелательныя чувства къ людямъ.

Періодъ выздоровленія продолжался довольно долго. Въ этотъ періодъ рѣзче обозначились тѣ черты ея характера, которыя указаны выше. Въ ней замѣтнѣе, чѣмъ до болѣзни, стало проявляться самомнѣніе, самолюбіе и холодное отношеніе къ людямъ.

Поступивъ въ гимназію, дѣвочка замѣтила, что здѣсь ея капризы не приводятъ ни къ чему, и стала сдержаннѣе, осторожнѣе. Однако, привычка властвовать, первенствовать надъ другими породила ненормальныя отношенія къ подругамъ. Самомнѣніе и самолюбіе вызвали заискиванье передъ тѣми, кто потворствовалъ этимъ наклонностямъ, обожаніе тѣхъ, кто способствовалъ дальнѣйшему развитію ихъ, и недоброжелательное отношеніе къ тѣмъ, кто мѣшалъ этому развитію.

XXVII.

Таисія Лицкая.

Природа щедро надѣлила девятилѣтнюю дѣвочку Лицкую умственными способностями, а домашнее воспитаніе не испортило ея характера, но, напротивъ, способствовало выработкѣ въ ней многихъ добрыхъ чертъ.

Въ гимназіи Лицкая дружна, общительна со всѣми дѣвочками одного съ нею возраста; при каждомъ удобномъ случаѣ она подбѣжитъ то къ той, то къ другой дѣвочкѣ; съ одной поговоритъ, другую пригласитъ къ себѣ на скамейку, съ третьей походитъ и т. д. Дома она держитъ себя степенно, сдержанно, такъ, какъ этого требуетъ отецъ.

При довольно хорошихъ способностяхъ, Лицкая отличается прилежаніемъ. Во время уроковъ, она внимательно слушаетъ, что говорится, и замѣчаетъ, что дѣлается. Возвратившись домой, она со всею подробностью передаетъ отцу все, что слышала и видѣла на урокахъ. Какъ только она встанетъ утромъ или какъ только пообѣдаетъ, сейчасъ же садится за занятія. Она ни за что не позволитъ себѣ начать играть до тѣхъ поръ, пока не приготовитъ всѣхъ уроковъ. Однажды, когда она возвратилась изъ гимназіи, бабушка ей сказала: «Папа велѣлъ тебѣ сейчасъ же ѣхать въ гости къ знакомымъ В».—«Да какъ же я поѣду? Мнѣ, вѣдь, прежде нужно приготовить уроки»,—отвѣ-

тила Таисія. «Ты послѣ приготовишь, когда возвратишься домой»,—возразила бабушка.—«Нѣтъ, бабушка, лучше бы теперь. Впрочемъ, папочка будетъ сердиться, скажетъ, что я его не слушалась». И она поѣхала. Но не весело провела она время въ гостяхъ: только и думала о неприготовленныхъ урокахъ. Едва кончился обѣдъ, она подошла къ отцу и стала проситься домой: «Папочка, позволь мнѣ уѣхать. У меня начинаетъ болѣть голова». Отецъ позволилъ. На этотъ разъ Таисія, дѣвочка правдивая, солгала: голова у ней вовсе не болѣла. Возвратясь домой, она сейчасъ же принялась за приготовленіе уроковъ; покончивъ съ ними, она весело подбѣжала къ бабушкѣ и принялась разсказывать, кого она видѣла, чѣмъ гости занимались и т. д.

Лицкая очень радуется, если въ недѣльной аттестаціи получитъ однѣ отличныя отмѣтки. Попадись хоть одна посредственная—и кончено: лицо ея отуманится, она дѣлается озабоченной, грустной. Неудовлетворительная же отмѣтка считается ею величайшимъ несчастіемъ. Однажды учительница поставила ей 2 изъ ариѳметики. Она проплакала весь урокъ. Въ слѣдующій урокъ она была грустна и разсѣянна; пришла домой и опять стала заливаться слезами. Домашніе принялись ее уговаривать: «Чего ты плачешь, Таичка? Вѣдь, завтра хорошо отвѣтишь и двойку передѣлаютъ на пять или на четыре».—«Оно такъ, а все-таки учительница будетъ думать, что я такая же лѣнтяйка, какъ Луша» (Луша ея подруга).

Труднѣе другихъ предметовъ дается ей Законъ Божій, и, несмотря на то, она усиленно старается, чтобы и изъ этого предмета всегда получать однѣ только хорошія отмѣтки.

Лицкая особенно любитъ стихотворенія. Какое бы стихотвореніе ей ни попалось, она непремѣнно прочтетъ его и даже выучитъ наизусть. Кстати нужно замѣтить, что она пріобрѣла большое умѣнье читать стихотворенія.

Къ числу хорошихъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ Лицкой въ семьѣ, относится привычка къ опрятности и аккуратности. Ея руки, тетради и платье всегда чисты. Трудно найти на какой-нибудь ея вещи грязное пятнышко. Пришедши изъ гимназіи домой, она сейчасъ же перемѣняетъ форменное платье на домашнее. Все снятое съ себя она вѣшаетъ въ свой шкапъ и закрываетъ простыней. Книги свои она кладетъ на назначенное имъ мѣсто. Тѣ учебники и вещи, которые на слѣдующій день нужно взять съ собой въ гимназію, у нея еще съ вечера сложены въ портфель. Ей никогда не приходится утромъ бѣгать, разыскивая ту или другую вещь. Она ни разу еще не забыла взять съ собой то, что нужно для классныхъ занятій. Напротивъ, у нея всегда найдутся даже запасныя вещи, которыми она нерѣдко снабжаетъ своихъ, менѣе аккуратныхъ, подругъ.

Лицкая вспыльчива, благодаря чему она иногда сильно раздражается отъ какой-нибудь выходки своихъ подругъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, она и отходчива и въ ту же минуту готова горою стать за дѣвочекъ, вызвавшихъ въ ней вспышку гнѣва. Иногда, послѣ такой горячей вспышки, она нѣжно цѣлуетъ подругу, на которую разсердилась. Нужно замѣтить, что дома Лицкая гораздо рѣже сердится, чѣмъ въ гимназіи, вѣроятно, потому, что за всякое проявленіе гнѣва строгій отецъ дѣлаетъ ей выговоръ; въ гимназіи же это остается,

большею частію, безъ послѣдствій, такъ-какъ очень рѣдко можетъ дойти до надзирательницы.

Дома Таисія является лучшимъ примирителемъ во всѣхъ ссорахъ младшихъ ея братьевъ. Она или очень ловко уговоритъ ихъ помириться, или привлечетъ вниманіе ихъ на какой-нибудь предметъ, а тѣмъ временемъ, тѣ и забудутъ про свою ссору.

Во время игръ съ подругами, Лицкая всецѣло отдается игрѣ. При этомъ какъ-то такъ случается, что она почти всегда является распорядительницей игры. Если, напр., составилась игра въ «школу», то на долю Лицкой приходится быть или учительницей, или начальницей. Мило смотрѣть на увлеченную игрой дѣвочку, когда она, съ блестящими отъ удовольствія глазами, принимаетъ серьезный видъ учительницы и говоритъ: «Тише, дѣти, вы развѣ не знаете, что звонокъ пробилъ и шалить не время»?... Или: «Дѣти, если вы не будете скромны и благоразумны, то я разсержусь»! И дѣти повинуются воображаемой учительницѣ.

При означенныхъ качествахъ, Лицкая обладаетъ своего рода тактомъ. Она всегда хорошо знаетъ, что можно и чего нельзя говорить или дѣлать въ присутствіи того или другого лица. Изучивъ характеръ своего отца, она ни за что не сдѣлаетъ въ его присутствіи того, чего онъ не любитъ. Она знаетъ, когда можно и когда нельзя обратиться къ нему съ той или другой просьбой, за тѣмъ или другимъ объясненіемъ, и дѣйствуетъ сообразно съ этимъ.

XXVIII.

Ксенія Шлякова.

Ксенія Шлякова - слабенькая какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи дѣвочка. По причинѣ своихъ слабыхъ умственныхъ способностей, она учится плохо. Каждый мѣсяцъ у нея въ аттестаціонномъ листѣ появляется нѣсколько двоекъ, за что ей, обыкновенно, жутко достается отъ отца. Она старается не имѣть двоекъ, чтобы избавиться отъ выговоровъ отца, но это ей трудно дается.

На урокахъ Шлякова ведетъ себя всегда тихо, смирно, съ сосѣдкой не разговариваетъ и ничѣмъ не нарушаетъ тишины.

Случается, что Шлякова, сидя въ классѣ, смотритъ на читающую урокъ учительницу и, повидимому, слушаетъ, но не съумѣетъ повторить то, что слышала. Очевидно, что слова учительницы не производили на нее никакого впечатлѣнія, такъ-какъ она или сидѣла въ забытьѣ, или думала о чемъ-нибудь постороннемъ.

На вопросъ надзирательницы, какими предметами она охотнѣе занимается, Шлякова отвѣчала: «Да мнѣ всѣ трудно даются».—«Однако, вы любите же больше какой-нибудь предметъ»?—«Нѣмецкій языкъ; у меня изъ

него ни одной двойки нѣтъ» (учительница нѣмецкаго языка не ставитъ худыхъ балловъ). Такимъ образомъ, оказывается, что Шлякова больше любитъ нѣмецкій языкъ потому, что изъ него ей не ставятъ двоекъ. Явись у нея двойка, она отнесла бы и этотъ предметъ къ числу нелюбимыхъ.

У Шляковой «коротка» память. Выученное къ уроку, она дня черезъ два-три совершенно забываетъ. Вслѣдствіе этого, если зададутъ такую письменную работу, которая относится къ раньше пройденному, она почти всегда получаетъ неудовлетворительные баллы. То же случается, если учительница вздумаетъ спросить ее пройденное нѣсколько дней тому назадъ.

Одна изъ главныхъ причинъ, что Шлякова скоро забываетъ выученное, заключается въ томъ, что она заучиваетъ одни слова, фразы, а не усвоиваетъ заключающійся въ нихъ смыслъ. Привыкнувъ къ чисто механическому занятію, она охотнѣе затверживаетъ французскія, нѣмецкія слова или риѳмованные стихи, чѣмъ грамматическія или ариѳметическія правила. Готовя урокъ изъ грамматики, ариѳметики или географіи, она заучиваетъ его слово въ слово. Вслѣдствіе этого, чтобы приготовить полстраницы, ей приходится употребить несравненно болѣе времени и труда, чѣмъ сколько нужно для усвоенія того же урока ея подругамъ.

Готовитъ уроки она всегда такимъ образомъ: придя изъ гимназіи и пообѣдавъ, она тотчасъ же беретъ, напр., учебникъ французскаго языка и начнетъ зубрить: parler —говорить, говорить, parler, parler — говорить и т. д. Просидѣвши больше часа надъ этой работой, она идетъ къ старшей сестрѣ, чтобы

та проэкзаменовала ее. Обыкновенно оказывается, что Ксенія не всѣ слова твердо знаетъ, и бѣдная труженица идетъ опять зубрить: parler—говорить, говорить, parler, parler.

Географію она проходитъ такимъ образомъ: прежде всего раздѣлитъ урокъ на кусочки, каждый въ четыре, пять строкъ, и заучиваетъ ихъ по частямъ, а потомъ уже цѣликомъ весь урокъ.

Послѣ сказаннаго понятно, отчего Шлякова смотритъ на ученье, какъ на величайшее бремя, отъ котораго она желала бы совсѣмъ избавиться, если бы это было возможно.

Изъ чертъ ея характера самую замѣтную составляетъ наклонность привязываться къ вещамъ, къ лицамъ и къ животнымъ. Если какая-нибудь изъ любимыхъ ею вещей пропадетъ она долго не можетъ успокоиться. У нея есть любимая кошечка, любимая собачка и любимыя куклы. И какъ она любитъ ихъ! Какое бы вкусное лакомство ни дали ей, она непремѣнно подѣлится имъ съ своими любимцами – кошкой и собакой. Однажды эта собачка пропала. Она долго не могла успокоиться, даже и тогда, когда ей достали точно такую же собачку, какъ пропавшая.

Не менѣе замѣтную черту въ ея характерѣ составляетъ наклонность къ пріобрѣтенію и къ тому, что называется «торгашествомъ». (Эта наклонность, вѣроятно, наслѣдственная; родители Шляковой занимаются торговлей). Если Шлякова ѣстъ, напр., конфеты или шоколадъ, то картинки, приклеенныя къ оберткѣ, она не броситъ, а собравъ ихъ нѣсколько, промѣняетъ у подругъ на что-нибудь болѣе полезное и цѣнное. Однажды за такія картинки она вымѣнила у добродушной подруги пеналъ со всѣми принадлежностями для

письма. Когда одноклассницы начали подсмѣиваться надъ обманутой дѣвочкой, Шлякова только самодовольно улыбалась, не считая своего поступка предосудительнымъ.

Не менѣе замѣтную черту ея характера составляетъ и скупость. Правда, не желая прослыть между подругами скупой, она не откажетъ въ просимой вещи, если видитъ, что нельзя отказать и что, одолживъ подругу, она не причинитъ себѣ никакого убытка. Въ противномъ же случаѣ, она навѣрное откажетъ. Если подруга попроситъ у нея карандашъ и если, почему-нибудь, отказать нельзя, то, одолжая, она строго запретитъ чинить его.

XXIX.

Евдокія Санкова.

Тринадцатилѣтняя дѣвочка Евдокія Санкова на первый взглядъ не обратитъ на себя вниманія. На вопросы, предложенные ей постороннимъ лицомъ, она отвѣтитъ лишь молчаливой улыбкой или кивкомъ головы. Отличительная черта характера дѣвочки — скромность и притомъ скромность поразительная. Не только въ кругу постороннихъ она ничѣмъ не выкажетъ своего присутствія, но и дома она никогда не заговоритъ рѣзко, не подниметъ шума, даже замѣтно не разсердится, словомъ, ничѣмъ не обнаружитъ своего «я». Обыкновенно сидитъ она гдѣ-нибудь въ уголкѣ за работой и такъ тихо, что въ домѣ ее не видно не слышно, а посторонній, пожалуй, и вовсе не замѣтилъ бы ея. Скромная дома, она не менѣе скромна и въ гимназіи, гдѣ къ этой чертѣ ея характера присоединяется еще и другая—застѣнчивость. Какъ-то разъ классная надзирательница предложила Санковой въ слѣдующій день прочитать молитвы передъ занятіями. Дѣвочка начала было просить надзирательницу освободить ее отъ этой обязанности, но та не обратила вниманія на ея просьбу. Придя домой, она тотчасъ-же взялась за молитвенникъ и долго готовилась къ завтрашнему дню, опасаясь прочесть дурно. И ея опасенія оправ-

дались: на утро, когда она читала молитвы, то стѣсняясь непривычнымъ положеніемъ, дѣйствительно все перепутала. Когда же ей замѣтили, что она вѣроятно не позаботилась прочесть дома, она не оправдывалась, сконфуженно покраснѣла и смущенная сѣла на мѣсто. Скромная и застѣнчивая, она не способна не только заискивать въ подругахъ, но даже первая сближаться съ ними. Захочетъ кто-нибудь подружиться съ нею, она охотно отвѣтитъ, но сама ни въ какомъ случаѣ не навяжется на дружбу; вотъ почему Санкова не дружна ни съ одной изъ болѣе выдающихся ученицъ класса; она скорѣе сближается съ дѣвочками, ничѣмъ не выдающимися въ классѣ, какъ и она сама. Ко всѣмъ же вообще одноклассницамъ она относится доброжелательно, всегда готова оказать имъ нужную услугу и подѣлиться съ ними тѣмъ, что имѣетъ. Внезапное обращеніе къ ней какой-нибудь ученицы, идущей впереди класса или пользующейся авторитетомъ въ классѣ, повергаетъ ее въ смущеніе. Такъ, одна изъ такихъ ученицъ, вошедши въ классъ, быстро обратилась къ ней съ привѣтомъ и протянула ей руку. Дѣвочка совершенно растерялась и едва-едва догадалась взять протянутую ей руку. Подруга, приведшая ее въ такое смущеніе, поспѣшила спросить ее о чемъ-то, на что смущенная дѣвочка, добродушно улыбаясь, отвѣтила кивкомъ головы.

Будучи скромной и застѣнчивой, Санкова производитъ впечатлѣніе вялой дѣвочки. Такою ее и считаютъ многіе. На самомъ же дѣлѣ она довольно живой и веселый ребенокъ. Будучи въ средѣ лицъ, ей хорошо знакомыхъ и не вызывающихъ въ ней чувства застѣнчивости, она, оставаясь попрежнему скромной, прояв-

ляетъ оживленность и весело разговариваетъ. Въ гимназіи она не принимаетъ участія въ оживленныхъ играхъ одноклассницъ и только въ обществѣ немногихъ, наиболѣе близкихъ къ ней дѣвочекъ, держится свободно; съ этими послѣдними она даже нерѣдко ссорится, что впрочемъ, не мѣшаетъ ей въ перемѣну ходить и разговаривать только съ ними.

Умственное развитіе Санковой не слишкомъ высоко, что и показываютъ многіе ея отвѣты. Вслѣдствіе этого, предметы, требующіе извѣстнаго умственнаго развитія даются ей особенно трудно. Обладая посредственными умственными способностями, Санкова къ тому же не можетъ быстро схватывать и уразумѣвать разсказываемое на урокѣ, а потому хотя и сидитъ тихо, но рѣдко принимаетъ активное участіе въ урокѣ. Если же содержаніе урока вполнѣ доступно ея пониманію, она интересуется имъ и въ такомъ случаѣ то и дѣло поднимаетъ руку и живо отвѣчаетъ на вопросы учительницы. Въ такихъ случаяхъ она производитъ впечатлѣніе понятливой, довольно способной дѣвочки. Жалко смотрѣть на Санкову, когда на урокѣ проработывается матеріалъ, не вполнѣ ей доступный. Сначала она силится уразумѣть излагаемое или проработываемое, но видя, что это ей не дается, прерываетъ свое напряженіе и сидитъ смирно, съ выраженіемъ испуга или безсилія.

У Санковой коротка память. Выученное къ уроку она дня черезъ два-три забудетъ. Вслѣдствіе этого географія считается для нея однимъ изъ трудныхъ предметовъ. Съ трудомъ она усваиваетъ также грамматическія правила и скоро ихъ забываетъ, а потому русскій языкъ относится у нея къ числу нелюбимыхъ

и трудныхъ предметовъ. Ей трудно дается переложеніе статей и заучиваніе басенъ и стихотвореній, а потому и эти занятія отнесены ею къ числу нелюбимыхъ, хотя эти же занятія доставляютъ удовольствіе другимъ дѣвочкамъ ея возраста и класса. Кстати замѣтить, что не любя заучивать стихотворенія и составлять письменныя упражненія, она однажды сама составила стихи и видимо въ душѣ гордилась ими, ибо, будучи скромной и стыдливой, она безъ особенной застѣнчивости позволяла читать свое произведеніе подругамъ и даже не особенно смутилась, когда его взяла классная надзирательница.

Къ балламъ за успѣхи и поведеніе Санкова слишкомъ неравнодушна: каждый неудовлетворительный баллъ сопровождается у ней слезами, а мѣсто, которое она надѣется занять въ разрядномъ спискѣ, долго волнуетъ ее.

Читаетъ Санкова охотно, но это только въ нѣкоторой мѣрѣ ведетъ къ пополненію недостающаго ей умственнаго развитія. Среда, въ которой она жила до поступленія въ гимназію (а поступила она въ нее довольно поздно), мало способствовала ея умственному развитію; но зато эта среда развила въ ней умѣнье и охоту заниматься рукодѣліемъ и домашнимъ хозяйствомъ. Уже теперь, несмотря на свой возрастъ, она шьетъ для своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ бѣлье и одежду. Пріѣзжая изъ гимназіи домой на каникулы, она постоянно занимается или рукодѣліемъ или домашнимъ хозяйствомъ, и это занятіе доставляетъ ей большое удовольствіе, чѣмъ занятіе учебными предметами. Стоитъ только взглянуть на дѣвочку, когда она исполняетъ что-нибудь по хозяйству или занимается руко-

дѣліемъ и затѣмъ посмотрѣть на нее за трудными учебными занятіями, чтобы видѣть, насколько занятіе перваго рода присуще ей и насколько занятіе второго рода чуждо ей.

По нравственному развитію Санкова принадлежитъ къ числу не испорченныхъ дѣвочекъ. Домашнее воспитаніе хотя, какъ выше сказано, не дало ей надлежащаго умственнаго развитія, но развило въ ней нѣкоторыя хорошія черты характера. Одною изъ такихъ чертъ является привычка къ труду. Вслѣдствіе этой привычки она рѣдко остается безъ какого-нибудь дѣла: постоянно или учитъ уроки, или занимается рукодѣліемъ. Кромѣ того, она отличается аккуратностью: въ гимназію она всегда является своевременно, уроки готовитъ въ опредѣленные часы и письменныя работы ведетъ очень аккуратно. Тетради пользуются ея особенной заботливостью, а придѣлывать къ нимъ различныя украшенія—составляетъ для нея удовольствіе. Хорошую черту въ характерѣ Санковой составляетъ также услужливость, которая привлекательна въ ней главнымъ образомъ потому, что она оказываетъ услуги съ удовольствіемъ, нисколько не тяготясь ими. Вообще Санкова добрая, ласковая послушная и уступчивая дѣвочка. На нее всего удобнѣе можно дѣйствовать лаской. Взысканія въ формѣ неудовлетворительныхъ балловъ или въ иной какой-нибудь формѣ запугиваютъ дѣвочку, между тѣмъ какъ одобреніе или похвала дѣйствуетъ на нее ободряющимъ образомъ. Стоитъ похвалить ее и она вспыхнетъ отъ удовольствія, а потомъ довольная и поощренная съ большей охотой садится за занятіе, за которое она получила одобреніе или похвалу.

XXX.

Агнія Вольская.

«Вольская—натура безпокойная», такъ отзываются классныя надзирательницы о двѣнадцатилѣтней ученицѣ Вольской. Въ самой наружности Вольской проглядываетъ что-то живое, задорное. Она рѣдко сидитъ спокойно на своемъ мѣстѣ: во время урока она постоянно вертится, разговариваетъ и старается всѣми силами отвлечь отъ урока свою болѣе спокойную сосѣдку. По своей живой натурѣ, она не можетъ долго сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ или одной мысли; этимъ объясняется ея разсѣянность. Прилежаніемъ Вольская не отличается и нерѣдко прибѣгаетъ къ различнымъ уловкамъ, лишь бы уклониться отъ учебныхъ занятій. До молитвы, передъ уроками, помощницы классныхъ надзирательницъ привлекаютъ ученицъ къ учебнымъ занятіямъ. Чтобы избавиться отъ этихъ занятій, Вольская норовитъ притти въ гимназію не ранѣе, какъ за минуту до молитвы. Когда помощница классной надзирательницы призываетъ ее къ занятію, она обыкновенно отвѣчаетъ: «спросите, пожалуйста, прежде Горину или Котову, а меня уже потомъ». Она разсчиты-

ваетъ, что пока помощница надзирательницы спроситъ тѣхъ ученицъ, то уйдетъ время, назначенное для занятій. Во время занятій она постоянно отвлекается чѣмъ-нибудь постороннимъ: то ей вспомнится что-нибудь смѣшное и она спѣшитъ подѣлиться этимъ съ помощницей надзирательницы, то вдругъ у нея является надобность сообщить что-нибудь подругѣ и она вскакиваетъ съ мѣста и убѣгаетъ, говоря: «сейчасъ приду, только скажу нѣчто NN».

Обладая живыми способностями, Вольская, вслѣдствіе лѣни и разсѣянности, очень часто является въ гимназію съ неприготовленными уроками или приготовленными плохо. «Вольская, вы рѣшили задачу»? спрашиваетъ ее помощница надзирательницы. — «Рѣшила, только невѣрно», отвѣчаетъ она и суетъ ей свою тетрадь, чтобы она исправила невѣрно рѣшенную задачу, а сама убѣгаетъ и чрезъ минуту уже видишь ее оживленно болтающею съ подругами. Иногда случается, что, вбѣжавъ въ классъ за нѣсколько минутъ до звонка, Вольская порывисто бросаетъ книги на столъ, подбѣгаетъ къ помощницѣ надзирательницы и тащитъ ее скорѣе рѣшить ей задачу, которую дома она «не успѣла рѣшить», какъ она выражается.

Временами на Вольскую находитъ какое-то особенное прилежаніе и стремленіе къ аккуратности. Въ такихъ случаяхъ всѣ уроки оказываются выученными, тетради приведены въ порядокъ и при этомъ неизбѣжно украшены разноцвѣтными бумажками и картинками, которыя она очень любитъ. Проходитъ такой періодъ и попрежнему Вольская является въ классъ съ неприготовленными уроками и неопрятными тетрадями. Иногда усиленное прилежаніе вызывается у ней просто часто-

любіемъ, желаніемъ не отстать отъ подругъ или желаніемъ выказать себя прилежной передъ учительницей. Задастъ учительница желающимъ рѣшить нѣсколько задачъ, Вольская рѣшитъ нѣсколько изъ этихъ задачъ, дабы быть на ряду съ лучшими подругами или выказать передъ учительницей свое прилежаніе.

Вольская не прочь похвастаться, но дѣлаетъ это не прямо, при помощи простой болтовни, а прибѣгая къ хитрости. Напримѣръ, однажды она подходитъ къ помощницѣ надзирательницы и убѣдительно проситъ спросить ее изъ географіи, говоря, что «ничего не знаетъ и боится». Но когда та начала выслушивать ее, оказалось, что она знаетъ урокъ, противъ обыкновенія, очень хорошо. Очевидно, она прибѣгла къ маленькой хитрости, чтобы похвастаться знаніемъ урока. Для того, чтобы выказать передъ учительницей свое прилежаніе, Вольская не пренебрегаетъ и списываніемъ работъ у подругъ, разсчитывая, конечно, что учительница не узнаетъ, что работа списана ею.

Вольская любитъ читать и, какъ она сама говоритъ, съ особенной охотой читаетъ «статьи, въ которыхъ побольше страшнаго и много разныхъ приключеній». Часто она осаждаетъ ученицъ старшихъ классовъ просьбами принести ей книгъ для чтенія и, если можно, какихъ-нибудь «хорошихъ сказокъ». Особенно нравятся ей сказки Гриммовъ и она проситъ принести ей ихъ, хотя она уже читала ихъ нѣсколько разъ. Понравились ей также сказки Аѳанасьева, которыя она тоже читала. На чтеніе книгъ болѣе серьезныхъ у Вольской не хватаетъ терпѣнія. Хотя она иногда и хочетъ показать, что любитъ читать и серьезные разсказы, но ея нетерпѣливая, живая натура скоро ее выдаетъ. Однажды

классная надзирательница увидѣла ее погруженную въ чтеніе книги. «Что вы читаете»? спросила она дѣвочку. «Очень интересную книгу», отвѣтила та. Надзирательница взглянула на раскрытую книгу и оказалось, что это былъ довольно серьезный разсказъ. Скоро затѣмъ стали выдавать книги. Вольская вскочила съ мѣста и стала просить перемѣнить ей книгу. «Отчего же вы не дочитали свою интересную книгу»? спросила надзирательница. «Мнѣ ужасно она наскучила», отвѣтила дѣвочка и положила книгу.

Вольская любитъ стихотворенія и нерѣдко, вмѣсто того, чтобы повторять уроки, занимается заучиваніемъ особенно понравившихся ей стиховъ.

По отношенію къ подругамъ Вольская остается вѣрной своей задорной, непостоянной натурѣ. Она обнаруживаетъ иногда какую-то заносчивость, не любитъ уступать даже и въ томъ случаѣ, если признаетъ себя неправой. Иногда у нея является желаніе подразнить подругу и для осуществленія этого желанія, она не стѣснится огорчить подругу, напомнивши ей ея неудачу или недостатки. Для того, чтобы сойтись съ Вольской, нужно обладать мягкой, уступчивой натурой, какою и отличается ея болѣе близкая подруга Бѣльская. Съ этой дѣвочкой Вольская дружна съ перваго года поступленія ихъ въ гимназію. Причинами ихъ сближенія послужили: различіе темпераментовъ, сидѣнье на одной и той же скамьѣ и землячество: обѣ дѣвочки пріѣхали въ гимназію изъ одного и того же города. Во взаимныхъ отношеніяхъ Вольской и Бѣльской проявляется авторитетъ первой. Авторитету ея Бѣльская подчиняется, часто сама не замѣчая того. Иногда, впрочемъ, кроткую Бѣльскую выводятъ изъ терпѣнія задорныя выходки

ея подруги; тогда между подругами происходитъ н нѣкоторое время размолвка. Въ такихъ случаяхъ оказывается, что Вольская не можетъ долго сердиться и всегда первая дѣлаетъ шагъ къ примиренію.

Будучи живою дѣвочкой, Вольская очень впечатлительна. Каждое обстоятельство, пріятное или непріятное, производитъ на нее болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на дѣвочекъ иного темперамента. Но каждое впечатлѣніе быстро и смѣняется у нея другимъ впечатлѣніемъ, нерѣдко совершенно противоположнымъ. Иногда можно видѣть ее очень опечаленной, подавленной: произошла неудача—на урокѣ она получила плохой баллъ. Чрезъ полчаса она уже забыла о своей неудачѣ, отдалась новому впечатлѣнію и весело болтаетъ и хохочетъ съ подругами.

Во время урока по лицу Вольской можно узнать, на сколько она знаетъ урокъ. Если она знаетъ его порядочно, то всѣми мѣрами старается обратить на себя вниманіе учителя или учительницы: она постоянно разговариваетъ, вертится или, перегнувшись чрезъ столъ, немилосердно тянетъ свою руку. Если же она не знаетъ урока или знаетъ его плохо, то сидитъ смирно, съ какимъ-то робкимъ выраженіемъ на лицѣ.

Занятія и любимыя развлеченія Вольской носятъ чисто дѣтскій характеръ и постоянно мѣняются, благодаря ея живой, не терпящей однообразія натурѣ; то она поглащена собираніемъ картинокъ и разноцвѣтныхъ бумажекъ, которыми она украшаетъ свои тетради; то всѣ свободныя минуты она посвящаетъ сниманію различныхъ узоровъ для кружевъ, и осаждаетъ всѣхъ, особенно старшихъ ученицъ, просьбами принести ей побольше рисунковъ или научить ее вязать то

или другое кружево; то принесетъ съ собою альбомъ и убѣдительно проситъ всѣхъ написать въ немъ или пожеланіе, или какое-нибудь стихотвореніе, или вообще что-нибудь на память.

Непостоянная натура Вольской отражается и на ея обращеніи со старшими: временами она съ ними очень вѣжлива и привѣтлива, временами обнаруживаетъ нѣкоторую рѣзкость.

XXXI.

Надежда Варская.

Нельзя увидѣть двѣнадцатилѣтнюю Надежду Варскую разговаривающею съ кѣмъ-нибудь изъ подругъ или смѣющеюся. Она никогда не принимаетъ участія въ игрѣ. Прійдетъ въ классъ, положитъ свои книжки, сядетъ, сложитъ чинно руки и сидитъ неподвижно до звонка на молитву. Богъ знаетъ, гдѣ витаютъ въ это время ея мысли, но только не въ классѣ; по крайней мѣрѣ по глазамъ не видно, чтобы она наблюдала за кѣмъ-нибудь или мысленно повторяла свои уроки. Она всегда вѣжливо, но кратко отвѣтитъ на предложенный ей вопросъ, не торопясь исполнитъ вашу просьбу и опять чинно усядется на мѣсто; ни малѣйшаго признака «жизни», веселости, не замѣтно на ея лицѣ; ничего такого, что свойственно ея возрасту, ни смѣха, ни слезъ, ни даже злости; она положительно заставляетъ каждаго удивляться, точно нарочно говоритъ одно на всѣ наблюденія: «смотрите, изучайте меня, сколько угодно — вы все равно меня никогда не узнаете».

Внѣшній видъ Нади производитъ довольно пріятное впечатлѣніе и опрятностью костюма, и своимъ

лицомъ, такимъ бѣленькимъ, только иногда черезчуръ блѣднымъ, утомленнымъ, указывающимъ, что организмъ ея не особенно крѣпокъ. Дѣйствительно, она часто пропускаетъ уроки и исключительно по-болѣзни.

Съ гимназической обстановкой Варская какъ-то не можетъ освоиться. На вопросъ старшей ученицы: «нравится ли вамъ въ гимназіи?»—Она отвѣтила отрицательно. Школьный шумъ непріятно, раздражающимъ образомъ дѣйствуетъ на нее.

Любимыхъ подругъ у Варской нѣтъ, она говоритъ, что не можетъ съ кѣмъ-нибудь сблизиться, такъ какъ всѣ ей не нравятся. Впрочемъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ поступленія въ гимназію нашей нелюдимки, одна изъ одноклассницъ сумѣла расшевелить ее, и она уже иногда обращается къ ней съ своею рѣчью или своимъ вопросомъ. Сдѣланъ былъ шагъ къ общественности, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по малу, по мѣрѣ сближенія съ подругами, начала сглаживаться въ Варской и та необыкновенная замкнутость, которая поражала всякаго. Теперь уже иногда замѣчается на лицѣ дѣвочки и привѣтливая улыбка, что прежде было большою рѣдкостью.

Варская много для своихъ лѣтъ читала до поступленія въ гимназію. Сдѣлавшись же ученицей, читаетъ мало, потому что, какъ она сама говоритъ, готовитъ уроки: уроки поглощаютъ все ея время. Ученье ей дается не легко. Она скоро забываетъ выученное. Но не было случая, чтобы она пришла въ классъ, не приготовивъ уроковъ, такъ что въ этомъ отношеніи она безупречна, всегда аккуратна. Учебники и ея костюмъ всегда въ порядкѣ. Въ классѣ, на урокахъ, она всегда ведетъ себя безукоризненно: она не до-

пустить себя до какой-нибудь шалости, даже уже потому, что слишкомъ робка, застѣнчива до того, что, когда говоритъ со старшей ученицей, всегда волнуется.

При означенныхъ качествахъ. Варская добра, правдива, не обидчива, прилежна, однимъ словомъ, она обладаетъ многими хорошими чертами. хотя, если не присмотрѣться къ ней поближе, эти черты какъ-то скрываются и получается впечатлѣніе чего-то неопредѣленнаго, какого-то равнодушія, безучастія ко всему окружающему, или тихаго, забитаго существа.

XXXII.

Евгенія Ташкова.

Тринадцатилѣтняя дѣвочка Ташкова имѣетъ болѣзненный, желтовато-блѣдный цвѣтъ лица, добрые, кроткіе глаза и невысокій для своихъ лѣтъ ростъ. Ходитъ она переваливаясь.

Среди толпы веселыхъ одноклассницъ можно и не замѣтить Ташкову: она какъ-то стушевывается между ними. Но при всемъ томъ она обладаетъ своеобразнымъ, отличнымъ отъ другихъ, характеромъ.

Сосредоточенность въ самой себѣ, постоянная задумчивость—отличительныя черты характера этой дѣвочки. Ея подруги бѣгаютъ, рѣзвятся на дворѣ гимназіи; веселый ихъ смѣхъ оглашаетъ окрестность; она же сидитъ одиноко въ залѣ и о чемъ-то мечтаетъ. Случается, что во время классныхъ занятій, она вдругъ унесется въ мечтахъ далеко отъ предмета урока, при чемъ глаза ея какъ-то неподвижно бываютъ устремлены вдаль.

Умственныя способности Ташковой можно назвать посредственными; память ея слаба. Ей съ большимъ трудомъ даются такіе уроки, которые слѣдуетъ усвоить памятью. Она никогда сразу не схватитъ весь урокъ, а выучиваетъ его по частямъ: сначала одну часть, потомъ другую, затѣмъ третью и т. д. Послѣ этого

она уже соединяетъ части въ одинъ разсказъ, причемъ очень часто сбивается и повторяетъ вновь. Къ тому же и память ея слишкомъ коротка: сегодня выучила урокъ, а дня черезъ два ужъ мало что изъ него помнитъ. Вслѣдствіе этого, для нея настоящая мука, если учительница начнетъ спрашивать раньше пройденное, или велитъ повторить его.

Къ учебнымъ занятіямъ Ташкова относится какъ-то равнодушно. У ней нѣтъ любимаго учебнаго предмета. Она готовитъ уроки потому только, что *нужно* готовить ихъ.

При отвѣтахъ Ташкова нерѣдко теряется, вслѣдствіе чего, путаетъ и отвѣчаетъ хуже, чѣмъ даже могла бы.

Къ старшимъ Ташкова относится съ большимъ уваженіемъ. Она никогда не позволитъ себѣ обвинить учителя или учительницу въ несправедливомъ отношеніи къ ней или въ несправедливой постановкѣ ей балла. Она также никогда не рѣшится, изъ уваженія къ учительницѣ, вырвать изъ тетради страницу, на которой та выставила баллъ или подписала свою фамилію.

Съ подругами Ташкова держитъ себя какъ-то отдаленно, ни съ кѣмъ особенно не сближается. Ее мало увлекаетъ толпа живыхъ, веселыхъ дѣтей; она живетъ въ своемъ собственномъ мірѣ. Однажды старшая ученица спросила ее: «Отчего ты не играешь съ подругами? Неужели онѣ тебѣ не нравятся»? — «Нѣтъ, нравятся всѣ», спокойно отвѣтила Ташкова, и все-таки осталась въ сторонѣ отъ подругъ.

Она никогда не жалуется на подругъ, никогда не безпокоитъ ихъ, даже не обращается къ нимъ съ

просьбой одолжить ей что-нибудь или объяснить урокъ. Если же къ ней обратится съ просьбой какая-нибудь подруга, она постарается сдѣлать все, что можетъ.

Ташкова предпочитаетъ чтеніе «занимательныхъ» книгъ всякимъ забавамъ. Особенно любитъ она читать, когда въ комнатѣ полная тишина. «Мнѣ очень нравится, говоритъ она, оставаться дома одной и читать: такъ хорошо, тихо, никто не мѣшаетъ»!.

Ташкова близко принимаетъ къ сердцу замѣчанія старшихъ. Однажды, отвѣчая урокъ, она закашлялась. Учитель, не желая дожидаться, пока пройдетъ приступъ кашля, предложилъ ей сѣсть на мѣсто. Она, видимо, опечалилась. Но горе ея этимъ не кончилось. Помощница классной надзирательницы, жившая вмѣстѣ съ нею на одной квартирѣ, замѣтила ей дома: «Не нарочно ли вы кашляли»? Ташкова ничего не отвѣтила. Вечеромъ она не явилась къ чаю, и ее нашли въ углу крайней комнаты, всю въ слезахъ. На вопросъ: отчего она плачетъ? она, всхлипывая, отвѣтила: «Я не обманывала... не могла удержаться отъ кашля, а С. П. (помощница надзирательницы) думаетъ, что я нарочно»!... Насилу успокоили бѣдную дѣвочку.

Ташкова религіозна. Она очень охотно ходитъ въ церковь и усердно молится. Кромѣ того, она терпѣливо и покорно переноситъ всѣ жизненныя невзгоды.

XXXIII.

Марфа Синягина.

Одиннадцатилѣтняя дѣвочка Синягина—живой ребенокъ. Передъ урокомъ, когда уже всѣ ученицы сидятъ по мѣстамъ и повторяютъ заданный урокъ, она постоянно бѣгаетъ по классу. Иногда она и возьметъ книгу, чтобы повторить заданное, но тотчасъ же начнетъ зѣвать и кончитъ тѣмъ, что броситъ книгу въ столъ и подбѣжитъ къ какой-нибудь изъ подругъ, чтобы поговорить или похохотать съ нею.

Пока Синягиной нѣтъ въ классѣ, всѣ дѣти сидятъ до уроковъ тихо, такъ что надзирательницѣ почти не приходится наблюдать за ними. Но стоитъ только появиться Синягиной, какъ поднимается шумъ, возня и бѣготня. Лишь только Синягина войдетъ въ классъ, какъ тотчасъ же придумаетъ для себя забаву: схватитъ первую попавшуюся подъ руку ученицу и начнетъ съ ней кружиться. Та упирается, Синягина ее тащитъ а остальныя ученицы, глядя на нихъ, хохочутъ. Едва надзирательницѣ удастся унять расшумѣвшихся дѣтей, разсадить ихъ по мѣстамъ и самой уйти изъ класса, какъ въ сосѣднемъ классѣ вдругъ послышится стукъ каблуковъ: это Синягина схватила другую дѣвочку и, обнявшись съ нею, скачетъ галопомъ.

Синягина первая изобрѣтательница игръ въ классѣ,

поэтому дѣти постоянно выбираютъ ее распорядительницей въ своихъ играхъ и безпрекословно начинаютъ ту игру, которую назначитъ Синягина.

Просидѣть спокойно цѣлый урокъ для Синягиной почти невозможно. Она непремѣнно придумаетъ, чѣмъ бы все это время развлечься: она вобразитъ, напр., что передъ нею лежитъ на столѣ тѣсто и начнетъ стряпать изъ него булочки и калачики; или возьметъ два карандаша: одинъ приметъ за скрипку, а другой— за смычокъ и до того увлечется мнимой игрой на скрипкѣ, что и не замѣчаетъ, какъ за нею слѣдитъ кто-нибудь изъ старшихъ.

На урокахъ только и слышны замѣчанія учительницы: «Синягина, сидите же смирно! Синягина, перестаньте, болтать: вы мѣшаете другимъ заниматься»! Выслушавъ замѣчаніе, Синягина успокаивается на одну минуту, но лишь только учительница отвернется, она принимается за какую-нибудь новую продѣлку.

Синягина часто бываетъ до того разсѣянна, что не можетъ повторить словъ, только что сказанныхъ въ классѣ. Случается даже такъ: учительница предложитъ Синягиной вопросъ, если она не съумѣетъ отвѣтить, учительница велитъ ей выслушать отвѣтъ подруги. Не успѣетъ та кончить, какъ вниманіе Синягиной уже перелетѣло на другой предметъ. На новый вопросъ учительницы, Синягина въ состояніи повторить только начало отвѣта, или даже и ничего не отвѣтитъ.

Однажды надзирательница пожелала посмотрѣть тетради Синягиной. Та начала рыться въ своемъ саквояжѣ, перерыла тамъ все, но тетрадей не нашла. «Вѣрно, вы оставили ихъ дома», сказала надзирательница. «Да нѣтъ же! я вчера вечеромъ все уложила

въ саквояжъ. Это, должно быть, сестра подшутила надо мной и вынула всѣ тетради изъ саквояжа. Я спрошу ее, а если она не вынимала, то въ перемѣну сбѣгаю домой и принесу тетради». Надзирательница отошла отъ нея; не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Синягина крикнула: «Нашла! вотъ онѣ»! —«Гдѣ же онѣ были»? спросила надзирательница.— «Да въ столѣ», отвѣтила дѣвочка. «Но вѣдь, вы, передъ тѣмъ, какъ я потребовала у васъ тетради, открывали столъ и смотрѣли въ ящикъ».—«Да, я открывала столъ, но не замѣтила тетрадей», оправдывалась дѣвочка.

Случается, что Синягина, по разсѣянности, то не надѣнетъ передника, то забудетъ про какой-нибудь урокъ, то возьметъ не тѣ книги, которыя ей нужны для занятій.

Способности у Синягиной хорошія. Ей стоитъ только немного потрудиться, чтобы исполнить самую трудную работу. Нерѣдко бываетъ такъ, что задачу, которую не могутъ рѣшить первыя ученицы класса, Синягина рѣшаетъ скоро. Но зато, когда на нее найдетъ лѣнь, она не примется даже за самую легкую работу. Однажды на урокѣ ариѳметики Синягина не принимала ни въ чемъ участія и не рѣшила ни одной, даже самой легкой задачи. Въ концѣ урока учительница предложила трудную задачу. Пробилъ звонокъ; началась перемѣна. Учительница, обращаясь къ классу, сказала. «Прежде рѣшимъ задачу, а потомъ уже выйдемъ изъ класса на перемѣну». Синягиной крайне не хотѣлось оставаться въ классѣ, но зная, что учительница не выпуститъ ихъ, пока не будетъ рѣшена задача, она живо принялась за нее и черезъ минуту рѣшила.

Долго заниматься однимъ дѣломъ Синягина не любитъ, черезъ нѣсколько минутъ броситъ его и примется за другое.

Синягина капризна и вспыльчива. Чуть что не по ней, она сейчасъ же надуется, отвернется и начнетъ швырять все, что ни попадетъ подъ руку. Раздраженіе Синягиной, впрочемъ, продолжается не долго. Чрезъ минуту, смотришь, она ужъ разговариваетъ съ тѣмъ, на кого только что сердилась. Вбѣгаетъ разъ она въ классъ, сильно разгнѣвленная, и съ шумомъ садится на скамью. «Синягина, одолжи мнѣ свою линеечку», попросила ее подруга. «Убирайся отъ меня! закричала Синягина;—развѣ ты не видишь, что я сердита? Сію минуту я поссорилась съ сестрой, ну теперь и злюсь»! И въ доказательство того, что дѣйствительно злится, она начала швырять свои вещи изъ саквояжа. Затѣмъ, подобравъ ихъ въ безпорядкѣ, принялась разсказывать своей подругѣ, какъ она весело провела вчерашній день,—и совсѣмъ забыла про свой гнѣвъ.

XXXIV.

Фатима Шенбекова.

Шенбекова—татарка. Она небольшого роста и хилаго, слабаго тѣлосложенія. Ей 13 лѣтъ, но по физическому развитію ей нельзя дать больше 11 лѣтъ. Она недавно поступила въ гимназію; ранѣе же обучалась и воспитывалась дома.

Будучи помѣщена въ пансіонъ прогимназіи, она сильно тосковала по родной семьѣ и долго не могла свыкнуться съ условіями пансіонской жизни. Впрочемъ, она никому не жаловалась на свою тоску. Только по выраженію ея лица и по нѣкоторымъ, едва уловимымъ ея движеніямъ, можно было заключить, что происходило въ ея душѣ. Когда ее спрашивали: «Нравится ли тебѣ жить въ пансіонѣ»?—она какъ-то беззвучно отвѣчала: «Да, нравится, ничего»!...

Вскорѣ послѣ поступленія въ пансіонъ, она захворала, такъ что ее должны были помѣстить въ лазаретъ. Здѣсь она покорно подчинялась всѣмъ условіямъ лазаретной жизни, не выказывая ни нетерпѣнія, ни капризовъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ другими дѣтьми.

По выходѣ Шенбековой изъ лазарета, одна изъ учительницъ предложила ей свою помощь въ подготовкѣ уроковъ. Это сдѣлано было по распоряженію начальства пансіона. Шенбекова крайне недовѣрчиво отнеслась къ предложенію учительницы. Она бросила на нее такой пугливый взглядъ и такъ нерѣшительно отвѣчала на

ея вопросы, что та сочла за болѣе удобное отложить свои занятія съ нею до слѣдующаго раза.

Мягкимъ, участливымъ обращеніемъ съ Шенбековой учительница, наконецъ, достигла того, что та перестала ея дичиться, однако, не добилась отъ нея полной откровенности и полнаго довѣрія.

Шенбекова представляетъ образчикъ тѣхъ замкнутыхъ дѣтскихъ натуръ, которыя слагаются, при воспитаніи безъ сверстниковъ. Не встрѣчая, въ домѣ своихъ родителей,—человѣка, съ которымъ она могла бы дѣлиться своими впечатлѣніями, она замкнулась, какъ говорится, ушла сама въ себя и сдѣлалась тихимъ, молчаливымъ, какъ бы загнаннымъ ребенкомъ.

Когда учительница, къ которой Шенбекова достаточно привыкла, спрашивала ее о чемъ-нибудь, она какъ-будто изумлялась этому: на лицѣ ея выражалось недоумѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовольствіе, на губахъ появлялась улыбка, она задумывалась, и отвѣчала не сразу. При повтореніи обращеннаго къ ней вопроса, она, обыкновенно, давала отвѣтъ какъ-то нерѣшительно, словно опасаясь, что ее осмѣютъ или осудятъ.

Однажды эта учительница спросила Шенбекову, кого она любитъ изъ своихъ одноклассницъ.—«Зайнову: она такая добрая, а изъ старшихъ—только васъ: вы тоже добрая!» торопливо проговорила Шенбекова и, видимо, испугалась своего отвѣта. Учительница попыталась узнать, почему ей не нравятся другія ея подруги по ученію, но точнаго отвѣта не получила.

Рѣдко можно видѣть Шенбекову вмѣстѣ съ подругами; она большею частію одна, сторонится отъ прочихъ, въ особенности, если тѣ затѣваютъ какую-нибудь шумную игру. Играть Шенбекова не любитъ, да, ви-

димо, и не умѣетъ. Однажды, уступая настоятельнымъ просьбамъ подругъ, она стала играть съ ними въ «кошку и мышку», но отнеслась къ игрѣ безучастно, вовсе не интересуясь ходомъ ея.

Бѣгать и рѣзвиться Шенбекова не привыкла и, если во время невольной игры ей приходится перемѣнить свою тихую походку на болѣе живую или даже на бѣгъ, она стѣсняется и движенія ея лишены свободы и развязности. Какъ только кончается игра, Шенбекова удаляется въ уголокъ и садится за книгу.

Учится Шенбекова охотно, и напоминать ей, что пора сѣсть за книжку, готовить уроки,—не приходится. Придетъ изъ гимназіи и тотчасъ садится за исполненіе своихъ письменныхъ работъ, сначала нагрязно. Во все время, назначенное для занятій, она прилежно учитъ заданное и никогда не броситъ урока, не выучивъ его твердо. Нерѣдко она сидитъ за приготовленіемъ уроковъ и послѣ времени, назначеннаго для этого.

Во время уроковъ Шенбекова внимательна и не пропуститъ мимо ушей ни одного слова учительницы. Если она знаетъ, какъ отвѣтить на заданный классу вопросъ, то на лицѣ ея выражается удовольствіе и она спѣшитъ поднять руку, чтобъ заявить о своемъ желаніи отвѣтить.

Иногда невольно дивишься терпѣнію и усидчивости, съ которыми Шенбекова исполняетъ свои учебныя обязанности. Ей, напр., съ трудомъ дается выговоръ французскихъ словъ, съ трудомъ дается произношеніе и запоминаніе нѣкоторыхъ географическихъ названій (Фирвальштедское озеро, сталактитовая пещера и т. п.); однако упорнымъ трудомъ и терпѣніемъ она преодолѣ-

ваетъ эти трудности. Для усиленія познаній въ русскомъ языкѣ, учительница посовѣтовала Шенбековой, кромѣ обязательныхъ урочныхъ занятій, читать вслухъ русскую книжку и списывать изъ нея по нѣскольку строкъ. И нужно только видѣть, съ какою добросовѣстностью она исполняетъ эту свою необязательную работу!

Шенбекова очень опрятна. Надзирательницѣ никогда не приходится дѣлать ей замѣчаніе за неряшливость.

Письменныя работы свои Шенбекова исполняетъ очень старательно. Она не жалѣетъ ни времени, ни труда, лишь бы хорошо переписать. Иногда и послѣ переписки она просиживаетъ часа два. Ошибки, сдѣланныя ею въ письменной работѣ, она всегда отмѣчаетъ, чтобы припомнить впередъ. Книги свои Шенбекова бережетъ, но не скупится давать ихъ своимъ подругамъ. Случается такъ: возьметъ кто-нибудь у нея книгу въ то время, какъ ей самой нужно учить урокъ и она все-таки терпѣливо ждетъ, когда ей возвратятъ эту книгу.

Жаловаться на своихъ подругъ Шенбекова никогда не пойдетъ, хотя бы ей нанесли личную обиду. Даже когда надзирательница, узнавъ объ этомъ, начнетъ спрашивать Шенбекову, какъ было дѣло, она непремѣнно постарается оправдать обидчицу.

Одноклассницы любятъ Шенбекову и называютъ ее «турочкой»; сама же она относится ко всѣмъ равно и ласково, только отдаетъ предпочтеніе Зайновой, съ которой она была знакома еще до поступленія въ гимназію.

Къ старшимъ она относится съ уваженіемъ и послушаніемъ, исполняетъ не только всякое приказаніе,

но и всякую просьбу ихъ. Она никогда не позволитъ себѣ заподозрить какую-нибудь учительницу въ несправедливости.

Однажды начальница пансіона пригласила на дѣтскій вечеръ, въ числѣ другихъ ученицъ, и Шенбекову. Та, видимо, была этимъ довольна. Когда ее спросили, отчего ей хочется ѣхать на вечеръ, она отвѣтила, что ей интересно посмотрѣть, что такое «вечеръ». Большая, ярко освѣщенная зала, хорошая обстановка, масса народу, музыка, говоръ, танцы, все было для дѣвочки, проведшей свое дѣтство въ четырехъ стѣнахъ родительскаго дома, новинкой, и новинкой интересной. На вечерѣ она казалась оживленной, довольной и съ любопытствомъ смотрѣла на все окружающее. Послѣ вечера ее спросили, что ей тамъ понравилось? Она отвѣтила: «Все понравилось: тамъ такъ весело, свѣтло, всѣ танцуютъ и говорятъ, просто, глядѣть пріятно!»

Способности у Шенбековой довольно хорошія. Она учится удовлетворительно, и училась бы еще лучше, если бы не мѣшало ей непониманіе многихъ словъ, совершенно понятныхъ русскимъ дѣвочкамъ ея возраста.

Да и смѣтливости у Шенбековой меньше, чѣмъ у ея русскихъ сверстницъ. Чтобы растолковать ей значеніе такихъ словъ, какъ наприм., «амфитеатръ.» и т. п., учительницѣ приходится нерѣдко прибѣгать къ нагляднымъ пособіямъ.

Память Шенбековой одно схватываетъ легко, другое же съ большимъ трудомъ. Она, напр., легко заучиваетъ наизусть стихотворенія и долго помнитъ ихъ, а географическія названія запоминаются ею съ трудомъ, послѣ многократныхъ повтореній, и скоро забываются.

Легче другихъ предметовъ ей дается ариѳметика, труднѣе—французскій языкъ и географія.

На вопросъ надзирательницы, какой предметъ ей больше нравится?—она отвѣчала: «Русскій, а потомъ — ариѳметика; только вотъ по-русски я подъ диктовку плохо пишу». Въ самомъ дѣлѣ, падежныя окончанія именъ никакъ не даются Шенбековой; она знаетъ таблицу ихъ наизусть, но при диктовкѣ всегда ошибается. Спросить ее, какое должно быть окончаніе извѣстнаго слова въ такомъ-то падежѣ, и она отвѣтитъ вѣрно, а при диктовкѣ ухо ея не можетъ уловить ясно окончаній, и она путаетъ ихъ.

Кромѣ занятій, связанныхъ съ уроками, Шенбекова иногда читаетъ дѣтскія книги. Но никогда нельзя было замѣтить, чтобы она увлекалась читаемымъ; напротивъ, она читаетъ также спокойно, какъ дѣлаетъ все, за что ни возьмется.

Но относясь ко всему спокойно, она обладаетъ наблюдательностью и замѣчаетъ все, что́ происходитъ въ окружающей ее обстановкѣ, однако, дѣлиться своими впечатлѣніями съ подругами она не любитъ; иногда только, въ простотѣ душевной, она сдѣлаетъ довольно мѣткое и даже ѣдкое замѣчаніе. Такъ, однажды, когда ея подруги восхваляли познанія первой ученицы ихъ класса, Шенбекова замѣтила: «Она лучше всѣхъ знаетъ, да никому ничего не скажетъ; когда ее спросятъ, точно не слышитъ». Дѣйствительно, эта ученица ревниво скрываетъ отъ подругъ свои познанія, чтобы не дать имъ возможности сравняться съ нею по познаніямъ.

Сочиненія К. Ельницкаго.

1. Общая педагогика. Ц. 75 к.

Учеб. Ком. С. Е. И. В. Канц. по учрежд. Имп. Маріи допущена къ употребленію въ качествѣ учебника педагогики въ общихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства (25 ноября 1902г. № 23712)

Учен. Ком. Мин Нар. Просв. допущена въ учител. библ. народн. училищъ и какъ учебное пособіе въ тѣхъ учебн. заведен., гдѣ преподается педагогика. Журн. Мин. Нар. Просв. (1890 г., октябрь). Одобрена Учебн. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Допущена Главн. Управл. военно-учебн. завед. въ фундам. библ. Кадетскихъ корпусовъ № 30, 1894 г.

2. Курсъ дидактики Ц. 75 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женск. гимназій, а также въ ученическ. библіот. названныхъ учебн. заведеній и въ учительск. библіот. всѣхъ низшихъ училищъ Мин. Нар. Пр. (30 янв. 1901 г. № 3048). Рекомендовано Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. Кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канц. по учрежд. Имп. Маріи одобренъ къ употребленію въ качествѣ пособій въ педагогическ. курсахъ и классахъ, а также въ учит. семин. (25 ноября 1902 г. № 23721).

3. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. Ц. 60 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебника для учител. институтовъ и семинарій и въ учител. библ. народныхъ училищъ (8 іюня 1895 г. № 12403).

4. Методика начальнаго обученія отечественному языку. Ц. 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ качествѣ руководства для тѣхъ учебн. заведеній. гдѣ преподается методика начальн. обучен. русск. языку. (23 авг. 1901 г. № 22242).

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учител. библ. народныхъ училищъ. (Ж. М. Н. Пр. 1893 г., ноябрь). Рекомендована Главн. управл. военно-учебн. заведен. для фундам. библ. военныхъ училищъ, Кадетскихъ корпус. и воен. школъ (№ 30, 1894 г.).

5. Очерки по исторіи педагогики. Ц. 75 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогич. классовъ женскихъ гимназій, а также въ ученическ. библ. названныхъ учебн. заведеній и въ учительск. библіот. всѣхъ низшихъ училищъ Министерства (30 янв. 1901 г. № 3048). Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. воен. учил. кадет.

корп. и военн. школъ (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. С. Е. И. В. К. по учреж. Имп. Маріи допущены въ качествѣ руководства въ тѣхъ заведеніяхъ Вѣдомства, гдѣ преподается исторія педагогики (25 ноября 1902 г. № 23721).

6. Учебникъ теоріи словесности. Ц. 75 к.

Учебн. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ учебнаго пособія для старш. класс. женск. институт. и гимназій (1888 г. № 3000) Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ употребл. въ духовн. семинар. въ качествѣ учебн. пособія при преподав. теоріи словесности (1888 г. № 42).

7. Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учит. библ. народныхъ училищъ (Ж. М. Н. Пр. 1894 г.).

8. Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ. Ц. 40 к.

Допущена Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ. Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. для двухъ старш. классовъ и для фундам. библ. кадет. корпус. (№ 30, 1894 г.).

9. Сборникъ поэтическихъ произведеній. Ц. 45 к. (Тоже.)

Рекомендованъ Главн. Управ. военно-учебн. завед. для фундам. и ротныхъ библ. кадет. корпус. (№ 30, 1894 г.). Допущ. Уч. Ком. Св. Син.

10. Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ. Ц. 80 к.

Учебн. Ком. Собств. Е. И. В. Канц. по Учр. Имп. Маріи допущ. въ библіотеки Вѣдомства (14 іюня 1899 г. № 11117). Рекомендована Главн. Упр. В. Учебн. зав. (19 іюня 1899 г. № 10431). Учен. Ком. М. З. и Г. Им. допущена въ библіотеки учебн. завед. подвѣд., Министерству. (8 Ноября 1900 г. № 1159).

11. Характеристика дѣвочекъ. Ц. 75 к.

Главн. Управленіемъ В. уч. зав. рекоменд. для фунд. библ. кад. корп. и в. школъ (1894 г. № 8887). Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ библ. средн. учебн. завед., по преимуществу женскихъ (19 іюня 1896 г № 15082).

12. К. Д. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическ. труды. Ц. 25 к.

Особ. Отд. Уч. К. М. Н. Пр. допущена въ учительск. библіот. низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, при условіи пониженія цѣны до 15 к. (21 марта 1903 г. № 10069).

13. Очерки по исторіи Омской женской гимназіи. Ц. 1. р.

Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. одобрена для библіот. женскихъ гимназій (1889 г. № 11057). Учебн. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена для пріобрѣтенія въ фундам. библ. вѣдомства (1888 г., № 18036).

Т 15862

14. Начальный курсъ географіи. Ц. 30 к.

15. Янъ Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для старш. класс. ученич. библ. муж. гимназ. и реальн. учил., для педагогич. класс. женск. гимн. и для библ. городскихъ училищъ (№ 7948, 21 апрѣля 1894 г.).

16. Инородцы Сибири и Среднеазіатскихъ владѣній Россіи. Учебное пособіе. Ц. 1 р.

Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для ученическихъ средняго и старш. возраста библіотекъ мужскихъ и женскихъ средн. учебн. заведеній. (1895 г. № 12403).

17. Основы законовѣдѣнія. Москва, 1894 г. Ц. 50 к.

18. Планы уроковъ по законовѣдѣнію. Приложеніе къ книгѣ «Основы законовѣдѣнія». Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведен. для старшаго возраста (31 янв. 1895 г. № 2609).

Учен. Ком. Мин. Земл. и Государ. Имущ. допущены, въ виду хорошаго изложенія предмета, для пользованія учителей и библ. земледѣл. училищъ (18 марта 1895 г. № 4686).

19. Избранныя педагогическія статьи. Ц. 2 р. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ фундам. библ. средн. учебн. завед. (19 іюня 1896 г. № 15082).—Главн. Упр. В. Уч. З. рекомендов.—въ фундам. библіотеки кадетскихъ корп. (1897 г. № 19).

20. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Рекомендована Главн. Управл. военно-уч. завед. въ фундам. и ротн. библ. VI и VII кл. кад. корп. (1903 г. № 48).

21. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе.

(Энциклоп. семейн. воспит).

22. Организація и веденіе учебныхъ занятій на педагогическ. курсахъ.

Реком. Попеч. Каз. уч. окр.

Цѣна 50 коп.

2011136627